

**Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» (Т. 1) – 54242**

**СИБИРСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

№ 33

**Томск
2009**

УЧРЕДИТЕЛЬ

**ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(факультет психологии)**

Главный редактор – Г.В. Залевский

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Богомаз, Т.Г. Бохан, Э.В. Галажинский, В.Г. Залевский, В.И. Кабрин (зам. главного редактора),
О.М. Краснорядцева, Т.Е. Левицкая, Э.И. Мещерякова, О.И. Муравьева, О.В. Лукьянов,
А.В. Серый, Г.А. Финогенова (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.Г. Асмолов (Москва), Н.А. Бохан (Томск), Л.И. Вассерман (Санкт-Петербург), Б.А. Вяткин (Пермь),
Л.Д. Демина (Барнаул), Е.Л. Доценко (Тюмень), Г.Е. Дунаевский (Томск), Г.В. Залевский (Томск),
В.П. Зинченко (Москва), Ю.П. Зинченко (Москва), В.В. Знаков (Москва), В.И. Кабрин (Томск), А.Д. Кар-
нышев (Иркутск), В.Е. Клочко (Томск), И.А. Коробейников (Москва), Г. Кунце (Кассель, Германия),
В.С. Мухина (Москва), Р.Д. Санжаева (Улан-Удэ), В.Я. Семке (Томск), С.В. Смирнова (Благовещенск),
А.В. Соловьев (Москва), А.Ш. Тхостов (Москва), К. Павлик (Гамбург, Германия), П. Шюлер (Марбург, Гер-
мания), Д.В. Ушаков (Москва), Е.П. Федорова (Чита), А.В. Юревич (Москва), М.С. Яницкий (Кемерово)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК

Г.А. Финогенова

Сибирский психологический журнал
включен в Перечень ведущих журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук
по педагогике и психологии.
(Бюллетень Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки
Российской Федерации. 2007. № 1)

Адрес редакции: 634050, Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет, факультет психологии
Телефон/факс: (3822) 52-97-10
E-mail: den@psy.tsu.ru

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 33

2009 г.

Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций – Свидетельство ПИ № 77-12789 от 31 мая 2002 г.
Международным Центром ISSN (Париж) от 4 января 2003 г., печатный вариант – ISSN 1726-7080

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ 5

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Клочко В.Е., Галажинский Э.В. ИССЛЕДОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ 6

Красноярцева О.М. ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ К ПРОБЛЕМАМ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА
ЛИЧНОСТИ 13

Барсукова С.А. О СООТНЕСЕНИИ ПОНЯТИЙ «СОВЕСТЬ» И «САМООСУЩЕСТВЛЕНИЕ» 20

Курицин С.В., Воронин В.М. ИССЛЕДОВАНИЕ ОЦЕНКИ ПОНИМАНИЯ НАРРАТИВНЫХ И ЭКСПОЗИТОРНЫХ ТЕКСТОВ
С ПРИМЕНЕНИЕМ ЛАТЕНТНОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА 25

Логина И.О. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ
ЖИЗНЕННОГО САМООСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПСИХОЛОГИИ 31

Шестакова Е.Г. ФРУСТРАЦИОННЫЕ ТЕОРИИ АГРЕССИИ (К ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ) 36

Щеглова Э.А. ВЛИЯНИЕ СТАЖА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОВЕНЬ МАКИАВЕЛЛИЗМА ПЕДАГОГОВ 42

КЛИНИЧЕСКАЯ (МЕДИЦИНСКАЯ) ПСИХОЛОГИЯ

Мизинова Е.Б., Колотильщикова Е.А. ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ БОЛЬНЫХ
С НЕВРОТИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ХАРАКТЕР И СТЕПЕНЬ ВЫРАЖЕННОСТИ
ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКОЙ СИМПТОМАТИКИ 45

Резникова Т.Н., Семиволос В.И., Селиверстова Н.А. ОСОЗНАННЫЕ И НЕОСОЗНАННЫЕ КОМПОНЕНТЫ «ВНУТРЕННЕЙ
КАРТИНЫ БОЛЕЗНИ» У БОЛЬНЫХ РАССЕЯННЫМ СКЛЕРОЗОМ 51

Меновицков В.Ю. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ И ПСИХОТЕРАПИИ
В ИНТЕРНЕТЕ 57

Тимофеева И.В. СПЕЦИФИКА АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ 63

Фотекова Т.А. ДИНАМИКА РЕЧЕВЫХ ФУНКЦИЙ У ШКОЛЬНИКОВ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ И ЗАДЕРЖКОЙ
ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 69

Языков К.Г. ПСИХОСИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПСИХОГЕННОЙ БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМЫ 73

Липина С.С. ПСИХИЧЕСКАЯ РИГИДНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ АСИММЕТРИЙ ГОЛОВНОГО МОЗГА
И СТИЛЯ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 78

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Бондарева О.В. ЭГОИЗМ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВОЗРАСТ ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ 81

Девярых С.Ю. ДИАПАЗОН ПРИЕМЛЕМОСТИ В УСТАНОВКАХ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК НА СЕКСУАЛЬНО-ПАРТНЕРСКИЕ
ПРАКТИКИ 85

Дорошина И.Г. ОСОБЕННОСТИ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ СЕМЕЙНОГО ЦИКЛА 90

Екинцев В.И., Бондаренко И.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ВЫБОРА ОДЕЖДЫ СТУДЕНТАМИ-ПСИХОЛОГАМИ 95

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ (ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ)

Залевский Г.В., Залевский В.Г., Кузьмина Ю.В. АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: БИОПСИХОСОЦИОНОЭТИЧЕСКАЯ
МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ЗДОРОВЬЯ 99

Ральникова И.А. РЕФЛЕКСИВНОЕ АВТОПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ САМООРГАНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ
СТАНОВЛЕНИЯ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ПЕРСПЕКТИВ ЛИЧНОСТИ 104

Зимина И.С. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ПАССИОНАРНЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ У ДЕТЕЙ 108

ИНФОРМАЦИЯ

Из диссертационных советов	114
Наши авторы	115
Правила оформления материалов для публикации в «Сибирском психологическом журнале»	117

CONTENTS

ADDRESS TO READERS	5
--------------------------	---

GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

<i>Klochko V.Y., Galazhinskiy E.V.</i> INVESTIGATION OF INNOVATIVE POTENTIAL OF A PERSONALITY: CONCEPTUAL GROUNDS	6
<i>Krasnoryadtseva O.M.</i> SENSITIVITY TO PROBLEMS AS DESCRIPTION OF INNOVATIVE POTENTIAL OF A PERSONALITY	13
<i>Baryskova S.A.</i> ABOUT CORRELATION OF CONCEPTS «CONSCIENCE» AND «SELF-REALIZATION»	20
<i>Kuritsin S.V., Voronin V.M.</i> APPLICATION OF LATENT SEMANTIC ANALYSIS FOR ASSESSMENT OF COMPREHENSION OF NARRATIVE AND EXPOSITORY TEXTS	25
<i>Loginova I.O.</i> THE METHODOLOGICAL-THEORETIC SUBSTANTIATION OF A PROBLEM STATEMENT OF THE MAN VITAL SELF-FULFILLMENT IN PSYCHOLOGY	31
<i>Shestakova E.G.</i> FRUSTRATION THEORIES OF AGGRESSION (TOWARD THEIR HISTORICAL BACKGROUND)	36
<i>Shcheglova E.A.</i> INFLUENCE OF THE EXPERIENCE OF PROFESSIONAL WORK ON LEVEL MACHIAVELLIANISM OF TEACHERS	42

CLINICAL (MEDICAL) PSYCHOLOGY

<i>Mizinova E.B., Kolotilshchikova E.A.</i> THE DYNAMICS OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PERSONAL TRAITS IN PATIENTS WITH NEUROTIC DISORDERS AND THEIR INFLUENCE ON THE CHARACTER AND ON THE DEGREE OF PSYCHOPATHOLOGICAL SYMPTOMS	45
<i>Reznikova T.N., Semivols V.I., Seliverstova N.A.</i> CONSCIOUS AND UNCONSCIOUS COMPONENTS OF THE INNER PICTURE OF THE DISEASE OF PATIENTS WITH MULTIPLE SCLEROSIS	51
<i>Menovshikov V.Yu.</i> INTERNET CONSULTING AND PSYCHOTHERAPY RESEARCHES STATUS AND PROSPECTS	57
<i>Timofeeva I.V.</i> PECULIARITIES OF CHILDRENS ADAPTATION WITH CHILDRENS CEREBRAL PALSY	63
<i>Fotekova T.A.</i> DYNAMICS OF SPEECH FUNCTIONS IN SCHOOLCHILDREN WITH GENERAL SPEECH DELAY AND WITH IMPAIRED MENTAL DEVELOPMENT	69
<i>Yazykov K.G.</i> PSYCHOSYNERGETIC MODEL OF PSYCHOGENIC BRONCHIAL ASTHMA	73
<i>Lapina S.S.</i> PSYCHICAL RIGIDITY IN A CONTEXT OF BRAIN FUNCTIONAL SKEWNESS AND COGNITIVE ACTIVITY STYLE	78

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Bondareva O.V.</i> THE PECULIARITIES OF DISPLAY SELFISH ORIENTATION PERSONALITY IN MARITAL RELATIONS	81
<i>Devuatyach S.Yu.</i> DIAPASON OF ACCEPTABILITY IN ATTITUDE OF YOUNG MEN AND GIRLS ON SEXUAL-PARTNERSHIP PRACTICE	85
<i>Doroshina I.G.</i> FEATURES OF MATRIMONIAL RELATIONS AT DIFFERENT STAGES OF THE FAMILY CYCLE	90
<i>Ekintsev V.I., Bondarenko I.V.</i> PSYCHOLOGICAL DETERMINATION OF A CHOICE OF CLOTHES BY STUDENTS – PSYCHOLOGISTS	95

GENETIC PSYCHOLOGY (PSYCHOLOGY OF DEVELOPMENT)

<i>Zalevskij G.V., Zalevskij V.G., Kuzmina Yu.V.</i> ANTHROPOLOGICAL PSYCHOLOGY: BIOPSYCHOSOCIOGENETICAL MODEL OF PERSONALITY AND HIS HEALTH	99
<i>Ralnikova I.A.</i> REFLEXIVE SELF-PROJECTING AS A TECHNOLOGY OF SELF-ORGANIZING IN THE CONTEXT OF FORMING AND REFORMING THE PERSON'S LIFE PROSPECTS	104
<i>Zimina I.S.</i> PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL DIAGNOSTICS PASSIONARNESS QUALITIES OF THE PERSON AT CHILDREN	108

INFORMATION

From dissertation advices	114
Our avtors	115
Rules of registration of materials in SPM	117

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ И ДРУЗЬЯ!

Настоящий выпуск «Сибирского психологического журнала» выходит в предверии проведения в городе Томске на базе Томского госуниверситета Третьего Сибирского психологического форума. Форум, который включает три конференции, будет проходить под довольно широкой и актуальной сегодня темой «Человек и современность: междисциплинарные исследования». Тема форума навеяна постоянно повышающимся междисциплинарным интересом к человеку и беспокойством за его судьбу и судьбу всего человечества.

В начале прошлого века вышла в свет книга О. Шпенглера «Закат Европы», повествующая о том, что Европа клонится к закату и упадку. В начале века нынешнего приходится с горечью констатировать, пишет автор книги «Закат человечества» Сергей Вальцев, что метастазы «заката» стали распространяться по всему миру. За прошедший век духовная деградация, конечно, усугубилась и превратилась в процесс планетарный, а не исключительно европейский. Исключительно пессимистичным является и мнение Э. Фромма, который в своем пессимизме пошел еще дальше Ф. Ницше: если Ницше говорил, что «в XIX веке Бог умер», то я говорю: «в XX веке человек умер». Конечно, человек не умер и в XXI в., как мы можем убедиться лично, но с ним и с человечеством все же происходит, по мнению многих человековедов, да и просто внимательных людей, «что-то не то»: растет число аддикций и аддиктов, и они молодеют, растут преступность, социальное сиротство, сексуальные и иные извращения, число самоубийств и террористических актов, техногенных катастроф, религиозных культов, «детей индиго» и т.д. На предстоящем форуме и будет предпринята попытка понять с позиции не только психологии, но и с позиции других заинтересованных в человеке наук, что происходит с ним сегодня, и *quo vadis homo sapiens*? Как помочь направить энергию человека на созидание с учетом его творческих, инновационных ресурсов, укрепить его физическое, психическое, социальное и духовное здоровье, опираясь на достижения современных когнитивных и гуманитарных наук?

Во многом материалы, представленные в данном выпуске журнала, отражают тот спектр проблем, которые будут в центре внимания участников Третьего Сибирского психологического форума.

Хотелось бы пожелать участникам форума успехов и пригласить к сотрудничеству с «Сибирским психологическим журналом» всех заинтересованных в разработке проблем антропологической психологии специалистов – психологов и не только.

Главный редактор

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9

ИССЛЕДОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

В.Е. Клочко, Э.В. Галажинский (Томск)

Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

Аннотация. Анализируются концептуальные основания системной антропологической психологии, позволяющие рассматривать инновационный потенциал личности в контексте понимания механизмов саморазвития человека как открытой самоорганизующейся системы.

Ключевые слова: инновационный потенциал личности; инновационное поведение; системная антропологическая психология.

Понятие «инновационная (новаторская) личность» ввел Эверетт Хаген (1963), полагая ее в качестве предпосылки усиления экономического роста, распространения предпринимательства и накопления капитала. Он исходил из предположения, что существуют различные «личностные синдромы», полярность которых отражает типичные признаки, характерные для традиционного общества и общества современного. В первом это авторитарная личность, во втором – прямо противоположная ей во всех отношениях инновационная личность. Ссылаясь на теоретиков постиндустриального информационного общества [9, 10, 12]) можно утверждать, что движущей силой современной экономики являются люди, и прежде всего те из них, кто обладает потенцией преобразовывать свои возможности в действительность, особенно в сфере поиска, обнаружения и использования информации. Новая экономика требует другого работника; она выдвигает на первый план творческие потенции человека, его профессионализм и эрудицию, способность быть «избыточным», выходящим за рамки тех ролей и функций, в которых он заменяем, и предстает лишь очередным смертным носителем «бессмертного социального начала». Осуществляется переход от технократической к антропоцентрической организации производства и труда.

Современность, рассматриваемая как эпоха инновационного общественного развития, предъявляет особые требования к человеку. Чтобы соответствовать этим требованиям, необходимо иметь определенные личностные установки, качества и ценности, которые бы позволили человеку эффективно участвовать в инновационных процессах. Инновационное поведение имеет внутри себя другой источник активности, нежели «напряженная потребность», с признания которой в качестве источника активности человека начинали свои построения многие теории классической и неклассической ориентации.

В свое время было выделено достаточно много различных эмпирических показателей и личностных критериев, связанных с процессами возникновения побуждения к инновационному поведению. Эти критерии удавалось выявлять в процессе изучения личности инноваторов – людей, проявляющих склонность к предпринимательской деятельности или добившихся в ней значительных результатов. Иными словами, основное внимание исследователей привлекала (и привлекает до сих пор) проблема личностной обусловленности мотивационных процессов, обеспечивающих включение человека в инновационную деятельность. Основной вопрос, которым они при этом задавались, заключался в определении того, какими личными качествами должны обладать люди, способные выполнять предпринимательскую функцию, полагая, что предприниматель по своей природе является инноватором, т.е. человеком с особым психологическим профилем.

Можно представить, что совокупность всех этих показателей и обусловливает личностный ресурс, определяющий инновационный потенциал человека. Однако при этом остается нерешенным ряд проблем:

– все эти показатели, будучи эмпирическими, не представляют собой системы: их включение в инновационный потенциал человека не фундировано теоретически, они «пересекаются», в чем-то дублируя друг друга, но возникает ощущение, что они при этом не являются и рядоположенными, представляя собой детали разноразмерного ансамбля;

– даже если представить, что эти показатели достаточно полно характеризуют инновационный потенциал человека, остается проблемой, каким образом и почему потенциальные возможности человека актуализируются в одних условиях и не актуализируются в других;

– классически и неклассически ориентированная психологическая мысль не смогла преодолеть дихото-

мию внутренних и внешних факторов, обуславливающих возникновение побуждения к инновационной деятельности «здесь и теперь»; преодоление указанной дихотомии возможно в рамках принципа системной детерминации (как одного из методологических средств постнеклассической науки);

– так называемый «диалектический метод» предполагает рассмотрение всех явлений и процессов «во всеобщей взаимосвязи, взаимообусловленности и развитии», что позволяет выделить три взаимосвязанных принципа: системности, причинности (детерминизма) и развития; именно эти три принципа были выделены когда-то в психологии в качестве приоритетных, но только сегодня они начинают связываться не декларативно, не путем «методологического слипания» в некоем абстрактном единстве, а путем выделения саморазвивающейся системы (человек).

Источником инновационного поведения выступает «напряженная возможность», а потому для его понимания необходимо выйти за пределы поиска роли психического в достижении «устойчивого состояния» системы.

Здесь на первый план выступает не устойчивость состояния, а «устойчивость потока» (гомеорез), когда появление нового в системе (в процессе ее саморазвития) является тем, что обеспечивает устойчивость существования системы во времени и пространстве.

Сущность проблемы инновационного поведения заключается в том, что по природе своей оно может и должно быть понято как явление сверхадаптивного порядка, но остается без объяснения мотивация выхода человека «за пределы» (устоявшихся норм, традиций, установок, стереотипов, требований ситуации и т.д.). Ситуация усугубляется тем, что проблему мотивации инновационного поведения нельзя решить путем анализа мотивировок, с помощью которых люди пытаются объяснить основания проявленных ими «запредельных» поведенческих форм.

Можно полагать, что в феноменах инновационного поведения проявляет себя особая, только человеку присущая форма перехода возможности в действительность, т.е. заявляет о себе процесс саморазвития человека.

В системной антропологической психологии, разрабатываемой авторами статьи, накоплен значительный теоретико-методологический и методический арсенал, позволяющий заложить каркас теории мотивации инновационного поведения, основанной на понимании механизмов саморазвития человека как открытой самоорганизующейся системы [6].

Системная антропологическая психология понимается нами в качестве относительно нового направления науки, особенность которого заключается в том, что его создатели исходно ставили своей задачей построение методологического базиса теории таким образом, чтобы он максимально укладывался в общее русло объективных тенденций становления психологического позна-

ния. Может показаться, что такая задача является избыточной. Действительно, если согласиться с Л.С. Выготским в том, что объективные тенденции развития науки существуют, выступая в качестве сил, незримо «стоящих за спиной» исследователя и подчиняющих себе его «ум и волю» [1], то можно и не тратить усилия на их осознание. Ведь каждый исследователь и без того находится в пространстве действия этих сил, независимо от того, насколько он это осознает. С другой стороны, объективация самих тенденций позволяет исследователю сознательно войти в сердцевину «парадигмального сдвига», осознать свое место в общем движении науки, т.е. установить преемственную связь с теми, кто работал в науке до тебя и будет работать в ней после.

Наши исследования показывают, что тенденции развития науки можно выявлять с помощью историко-системного подхода, рассматривая его как частный случай приложения трансспективного анализа к исследованию закономерностей движения научного познания [11]. Транспективный анализ – это не просто подход к исследованию развивающегося явления, но и принцип изучения явления в процессе его становления, т.е. закономерного усложнения системной организации, характерного для сложных целостностей (открытых систем). Несколькими циклами завершенных исследований было показано, что науку можно рассматривать в качестве открытой саморазвивающейся системы, закономерное усложнение системной организации которой сопровождается последовательным ростом уровня системности профессионально-психологического мышления. Что касается аксиоматики, на которой выстраивается системная антропология, то она вобрала в себя практически всю методологическую базу теории психологических систем [5]. Если касаться «истории вопроса», то главным вопросом в свое время стал вопрос о природе взаимодействия как явления, обладающего порождающим эффектом. Фиксируя в экспериментальных исследованиях (которые проводились в начале 70-х гг. прошлого века в рамках исследовательской программы, вылившейся позднее в то, что называют сегодня смысловой теорией мышления О.К. Тихомирова) моменты смыслообразования, можно было бы заключить, что смыслы возникают сами, а не как результат специальной («смыслообразующей») деятельности человека [5]. Они «самообразовывались», оседая на предметах, определенным образом маркируя их в качестве значимых, необходимых, отвечающих человеку, его текущему состоянию. К такому «незапланированному продукту» привела попытка на экспериментальном уровне проверить гипотезу Л.С. Выготского о единстве аффекта и интеллекта, инструментально нащупать это единство [2]. Тогда впервые мы встретились с самоорганизацией, характерной для человекообразных систем. И оно, это единство, открылось весьма специфично. Аффект (эмоция) опережает гностику (отражение), отношение идет

вперед отражения, прокладывая дорогу произвольной деятельности и направляя тем самым логические процедуры, сокращая и структурно оформляя зоны поиска решения задачи. Эмоции указывали на смыслы, а те оказывались одной из характеристик элементов, составляющих логическую структуру ситуации. Становилось понятным, что смыслы (и эмоции, которые их считывают) и есть проводники в сознание тех предметов, которые соответствуют текущему состоянию человека.

Так постепенно открывалась многомерная психологическая реальность, «субъективно искаженная» объективная реальность (Л.С. Выготский), но позволяющая действовать избирательно [1]. На любое изменение состояния человека (возникновение поисковой познавательной потребности, мотивов деятельности, целей и т.д.) ситуация отвечала динамикой ценностно-смысловой структуры, вместе с которой перестраивалась и предметная (формально-логическая) структура ситуации. Постепенно выяснялось, что ситуация тем и отличается от остальной объективной реальности, что имеет ценностно-смысловое измерение, при этом она является только частью, актуальным, динамическим и напряженным сектором жизненного мира человека.

Чтобы взаимодействие вообще стало возможным, необходимо такое соответствие противостоящих сторон (систем), когда каждая из них видит в другой «свое иное», пусть еще и не ставшее подлинно своим, но, не присвоив которое, т.е. не включив в собственную систему, под сомнением оказывается возможность устойчивого существования системы. По сути, речь идет о законе, который обеспечивает порядок в ведомой нам вселенной – законе ограничения взаимодействий. Хаос бывает только там, где нет никаких взаимодействий либо разрешены любые взаимодействия. Состоявшееся взаимодействие уже самим этим фактом указывает на соответствие, которое стало причиной взаимодействия. Взаимодействие в такой же степени проявляет соответствие, в какой соответствие выступает в качестве единственной и полной причины взаимодействия. В этом усматривается механизм самоорганизации, которым обладают открытые системы. Там, где есть соответствие, взаимодействие происходит самопроизвольно и мимовольно, когда речь идет о человеке. Только открытые системы способны удерживать внутренний порядок за счет отбора из окружающей среды исключительно того, что способно этот порядок обеспечить. Усложняясь в каждом акте взаимодействия за счет принятия в себя «своего иного», переструктурируясь, вписывая его в себя, системы наращивают уровень системной организации и потому живут до тех пор, пока могут усложняться. Поэтому самоорганизация является условием саморазвития открытых систем. Таковой кажется природа их эволюции, будь то человек, или научная теория, или биогенетическая система, или любая другая система, которую можно считать открытой. На этих по-

стулатах закладывалась аксиоматическая база теории самоорганизующихся психологических систем (ТПС). Через призму этой теории становятся понятными и мысль Л.С. Выготского о том, что «психика есть высшая форма отбора» [1], и слова С.Л. Франка о том, что «человек есть живой центр духовных сил, направленных на действительность. Это внутреннее, субъективное отношение человека к действительности, эта *направленность* человеческой души на мир, образующая самое существо того, что мы зовем нашей жизнью... оставались совершенно вне поля зрения обычной, так называемой «эмпирической психологии» [8].

Было показано, что такие заметные тенденции, как гуманизация, гуманитаризация, онтологизация психологического познания на самом деле представляют собой различные проявления общей тенденции развития науки по линии ее антропологизации. Можно быть уверенным в том, что психологи попытаются использовать все потенциальные источники, которые способны хотя бы намекнуть на наличие в них знания о природе человека как целостного явления. На то, что этот процесс реально происходит в науке, указывает возникновение различных проектов гуманистической, экзистенциальной, гуманитарной, христианской и т.д. психологий. Выскажем свою точку зрения, заключающуюся в том, что научная психология, кажется, окончательно прощается с надеждой открыть функцию психики, делая предметом исследования саму психику. Возможно, что одним из источников кризиса современной психологии и является постепенно приходящее осознание иллюзорности попыток угадать функцию психики, ее миссию и предназначение (психика отражает, ориентирует, регулирует, предвосхищает и т.д.) и на основе эмпирически определенного феномена построить некоторое целостное (системное) представление о нем самом. Ведь практически все эти догадки уже давно обрели статус объяснительных принципов.

В отличие от других вариантов антропологической психологии (или «психологической антропологии» – понятия, часто выступающего в качестве синонима или аналога антропологической психологии), мы используем понятие «системная антропологическая психология». Это вовсе не означает, что другие варианты антропологической психологии «не системны» или «менее системны». Мы вовсе не хотим подчеркнуть этим понятием («системная») качество теории, но принципиально отстаиваем свое понимание образа человека в психологии. Человек постепенно становится предметом психологической науки, но результаты транспективного анализа убеждают нас в том, что собственно психологическое (а не любое другое) исследование человека начинается в том случае, когда сознание, психика, психическое вообще начинают пониматься через ту миссию, которую они выполняют в системе целостного человека, обеспечивая ему возможность становиться (и оставаться) открытой самоорганизующейся

системой, режимом существования которой является саморазвитие. Сформулированный в такой форме принцип системности обретает парадигмальный статус. В теории психологических систем, известной по аббревиатуре ТПС, разработку которой в свое время начал один из авторов (В.Е. Ключко), человек рассматривается как сложная динамическая пространственно-временная организация. В ТПС изначально был заложен антропологический ход, объективирующий возможность движения психологического познания «от человека к психике». Реализовать его было крайне непросто в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, такой ход противоречил общепринятому движению психологической мысли «от психики к человеку», сопровождающемуся попытками понять функцию психики, изучая ее саму и выдвигая при этом различного рода догадки о том, для чего предназначено это сложнейшее устройство. Этих догадок накопилось много: психика отражает, предвосхищает, ориентирует, регулирует, адаптирует и т.д. Некоторые из них до сих пор остаются не только весьма авторитетными, но и приоритетными. Проблема в том, что ни одна из этих догадок, ни их сумма не покрывают дефицит нашего знания о психике. Этот дефицит воспроизводится неизбежно и постоянно в связи с тем, что в исследованиях все время обнажается интимная связь психики со своим более высоким «целым», с которой она связана иерархически и субординационно. Во-вторых, в то время не только в психологии, но даже в эпистемологии еще не была озвучена мысль о наступлении постнеклассической стадии развития науки, приоритетным предметом в которой станут саморазвивающиеся «человекомерные» системы. Поэтому не просто было доказывать саму возможность теоретического (системного) определения предмета науки. Еще сложнее было говорить о том, что в процессе исследования пусть и теоретически определенной, но при этом вполне реальной («живой», развивающейся) системы психика открывается в особой роли, которую невозможно было даже помыслить в процессе познания ее самой в качестве полного (эмпирически определенного) предмета науки. Поэтому на первых этапах развития ТПС не было большого смысла акцентировать антропологический характер используемой парадигмы.

Системный ракурс (человек как самоорганизующаяся система) задает только один из возможных путей подхода к человеку как предмету психологического (а не какого-либо другого) познания, одновременно намечая контуры предметного и проблемного полей, предопределяющих количество и качество научных задач, решение которых допустимо в рамках данной методологии.

Появилась возможность просчитать объективные тенденции в становлении психологического познания и понять, что такие часто выделяемые тенденции, как гуманизация, гуманитаризация, онтологизация психологии, которые рассматриваются чаще всего как отдельные и рядоположенные, на самом деле являются только различ-

ными формами, различными проявлениями одной тенденции – антропологизации психологического познания. Она, на наш взгляд, и выражает сущность парадигмального сдвига, происходящего в науке. Кроме того, изменился уровень системности мышления психологов: им теперь неимоверно легче понять человека как саморазвивающуюся (самоорганизующуюся) систему. Именно с такими системами имеет дело постнеклассическая наука, а это означает, что обсуждаемая в психологической литературе проблематика «устройства» науки, опирающейся на идеалы постнеклассической рациональности, все равно выведет к целостному человеку, к системно определенному человеку в качестве предмета науки.

В рамках такого подхода психическое предстало в своей пространственной непрерывности – как то, что обеспечивает дальное действие всей системы, позволяя ей осуществлять отбор из среды того, что соответствует ее наличным потребностям (т.е. обладает смыслом) и возможностям (т.е. имеет статус ценности, ибо саморазвитие и есть переход возможности в действительность, обеспечивающий устойчивое существование системы). Фактически это определило переход теории в пространство системной антропологии. Оказалось, что такой переход вовсе не отбрасывает методологические принципы психологии, естественным образом сложившиеся в ней, но интегрирует их в рамках нового и более сложного принципа. Например, принципы системности, развития и детерминизма утрачивают свою былую автономность, когда в качестве предмета науки появляется саморазвивающаяся система. Определяющее значение обретает принцип системной детерминации, позволяющий объективировать те эффекты самоорганизации, которые выступают в виде психологических новообразований, детерминирующих выбор человеком конкретных направлений саморазвития. «Самореализация личности» есть только форма, в которой проявляет себя саморазвитие человека – основной способ существования его в качестве открытой самоорганизующейся системы [3]. Мы убеждены, что антропологическая психология представляет собой достаточно широкое предметное и проблемное поле науки, контуры которого едва намечены, но именно к этим полям устремлена транспектива психологического познания.

Разнообразие научных теорий является неотъемлемым атрибутом научного прогресса, при этом само это разнообразие выражает его (прогресса) эволюционную направленность. Собственно, этот факт и схватывает понятие «транспектива»: наука не развивается изнутри, но, будучи открытой системой, активно взаимодействует со своей средой и обогащается, активно вычерпывая из нее недостающие образцы мышления, способы рассуждения, примеры преодоления дихотомий, образы человека, существующие в пространстве философского, религиозного, космологического, эзотерического и любого другого знания.

Получены знания о том, как формируется «многомерное пространство жизни» человека, как последовательно это пространство обретает новые измерения и вслед за этим поднимается на новые уровни сознания человека [5]. При этом сам человек выходит на новые ступени суверенности, становясь все более открытой системой и требуя для себя другую образовательную среду, которая сделала бы этот процесс суверенизации непрерывным и сообразованным с ним. Теория и практика образования должны включить в число своих приоритетных задач особую задачу по сообразованию этих требований с образовательными действиями и воздействиями. Образовательные проекты должны соответствовать этим ожиданиям, т.е. должны быть сообразованы с теми закономерностями становления человеческого в человеке, которые нельзя игнорировать или пытаться обойти с помощью даже самых современных образовательных (педагогических) «технологий». Только при соблюдении такого соответствия можно обеспечить режим саморазвития человека в условиях институционально понятого образования.

Ребенок человека – это особый феномен, сущность которого составляет сконцентрированная в пределах его маленького тела возможность (стать человеком), находящаяся в состоянии напряженного ожидания тех внешних условий, взаимодействие с которыми позволит этой возможности превратиться в действительность. Эквивинальность – динамическое свойство образовательной системы, организующей перевод детей, выходящих к общему старту из различных начальных состояний, в одно и то же финальное состояние – стать человеком, быть человеком. Закономерности же лежат не в разнообразии путей перехода, что само по себе понятно, а в наличии тех устойчивых стадий и этапов, которые обязательно пройдет ребенок, прежде чем станет полным (или целым) человеком – суверенной личностью, способной к инновационной деятельности по отношению как к миру, так и к себе самому (самостроительство, саморазвитие и т.д.).

Собственно психологическое исследование человека начинается в том случае, когда сознание, психика, психическое вообще начинают пониматься через ту миссию, которую они выполняют в системе целостного человека, обеспечивая ему возможность становиться (и оставаться) открытой самоорганизующейся системой, режимом существования которой является саморазвитие.

Одним из значимых показателей эффективности современного образования является создание условий для повышения конкурентоспособности личности, развития инновационной сферы, формирования трудовых ресурсов, способных воспроизводить и развивать материальный и интеллектуальный потенциал страны, обеспечения социальной и профессиональной мобильности, формирования кадровой элиты общества. Особую актуальность приобретают задачи создания принципиально

новых условий и нового пространства функционирования интеллектуально одаренной молодежи в регионах с высоким инновационным потенциалом. Проблема, однако, заключается в том, что ни теория, ни практика образования до сих пор напрямую не сталкивались с проблемой проектирования и реализации такой образовательной среды, которая была бы непосредственно направлена на подготовку «инновационной личности». Такой личности, отличительными признаками которой были бы развитая мотивация к инновационной деятельности, высокий потенциал самореализации, готовность к изменению сложившихся поведенческих стереотипов, толерантность к неопределенности и другие качества, которые можно объединить понятием «инновационный потенциал личности».

В контексте данного подхода инновационный потенциал человека понимается как личностный ресурс, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве базального основания для инициации инновационного поведения [7]. Одним из таких условий выступает модальность эмоционально-установочного комплекса, позволяющая человеку включаться в режим саморазвития (перевода возможностей в действительность), когда в окружающей среде открывается возможность перехода в такой режим. Инновационный потенциал включает в себя:

1. Личностные качества, такие как толерантность к неопределенности, способность к оправданному риску, ответственность, потребность в самореализации, мотивация достижения, рефлексивность, креативность (качества интеллекта, интеллектуальная инициатива).

2. Компетенции, прежде всего такие, как проектная компетенция, коммуникативная компетенция, информационная компетенция.

3. Витальность (особенности ценностно-смысловой организации жизненного мира, жизнестойкость, суверенность, трудоспособность, мобилизационный потенциал, уровень саморегуляции, ориентация человека на определенное качество жизни).

В этой связи особый смысл приобретают многолетние исследования инициации (порождения) мышления в связи с проблемой инициации инновационной деятельности [8]. Чрезвычайно актуальными становятся вопросы о том, откуда возникают, как регулируются «свободное действие», «сверхнормативная деятельность», «сверхнормативное поведение», «надситуативная активность» и т.д. За этой проблемой стоит действительно глобальная проблема психологических механизмов саморазвития человека за пределы всяческих «норм» и «требований ситуации», проблема порождения человеком собственных норм («нормотворчество»), проблема «психологического гетеростаза», непонятого с точки зрения его реализации в конкретной ситуации.

Мышление как основание творческой деятельности всегда есть *выход* за пределы нормы, стандарта, тра-

диции, т.е. выход за пределы некоторой системы (функциональной, нормативной, институциональной). Но для последующего *возвращения* в систему, без которого «творение» всё-таки бессмысленно, необходимо если не *оправдание*, то во всяком случае *объяснение* творческой, инновативной интенции субъекта.

В понятии «инициация» можно усмотреть два различных корня: «порождение» (возникновение, становление) и «инициатива» (целесообразующее начинание, свободное от интенции на конечный результат). В понятии «инициация» сливаются оба аспекта – и порождающий и инициативный, процессуально-деятельностный и собственно личностный. Их нельзя развести, как нельзя оторвать процесс порождения «новой нормы» от ситуации деятельности, в которой она сформировалась (и которая регулировалась «старой нормой»), и от личности, которая обнаружила в ходе деятельности возможность для саморазвития, реализовав тем самым присущий ей уровень «*инновационной инициативы*».

Решение проблемы инициации инновационной деятельности возможно в том случае, если сделать основным предметом исследования не отдельные психические качества, свойства и состояния, а комплексы, интегративные целостности, в которых существуют внеситуативные и ситуативные образования, обеспечивающие устойчивость и подвижность деятельности, являющиеся внутренним условием трансформации деятельности. В контексте понятия «самоорганизующаяся психологическая система» стал выявляться истинный смысл взаимосвязи эмоций и установок. Они выступили как единый комплекс, внутри которого уже нельзя выделить эмоцию или установку, комплекс, который не сводится к их простой, арифметической сумме, а представляет собой системное, интегративное свойство, характеризующее всю систему. Оно было определено понятием «эмус» (по начальным буквам слов «эмоция» и «установка»). Регулятивный характер эмоционально-установочных комплексов заключается в интеграции оценки ситуации и готовности действовать в ней определенным образом, обеспечивая устойчивость и подвижность инновационной деятельности на стадии ее возникновения.

Методологические и теоретические исследования, проведенные авторами статьи, позволили сформулировать представление о мотивации к инновационной деятельности как интегральной характеристике человека, обуславливающей инициацию (порождение) инновационной деятельности и включающей в себя две составляющие: инновационный потенциал личности и мотивационную готовность к инновационной деятельности. При этом мотивационная готовность к инновационной деятельности в общем виде определяется как способность человека к изменению устоявшихся форм поведения в условиях вариативной социально-экономической среды. Психологически это проявляется в инициировании инновационной деятельности в тех условиях, когда в среде открываются воз-

можности, соответствующие инновационному потенциалу человека, т.е. личностному ресурсу, выступающему в качестве базального основания возникновения побуждения к инновационной деятельности [4].

Эти определения дают однозначное понимание того, что мотивация к инновационной деятельности является *системной* характеристикой, поэтому анализ одного из элементов этой системы – мотивационной готовности к инновационной деятельности – невозможно осуществлять вне связи ее с другим базовым элементом – инновационным потенциалом.

В рамках данных концептуальных построений инновационное поведение понимается как поведение, которое осуществляется путем выхода за пределы сложившихся установок и поведенческих стереотипов и иницируется не системой периодически актуализируемых (воспроизводимых) потребностей, но возникает инициативно в тех точках жизненного пространства человека, в которых сходятся между собой как минимум три фактора. Это:

- 1) возможности человека, представленные его личностным, духовным, творческим, интеллектуальным и т.п. потенциалом;
- 2) среда, отвечающая этим возможностям, т.е. размеченное ценностно-смысловыми «маркерами» пространство, в котором возможна самореализация;
- 3) готовность человека реализовать свои возможности «здесь и теперь» [7].

В феноменах инновационного поведения проявляет себя особая, только человеку присущая форма перехода возможности в действительность, т.е. заявляет о себе процесс саморазвития человека. Мышление включено в этот процесс и выполняет в нем важнейшую функцию: оно опосредует процессы перестройки образа жизни и образа мира, добиваясь временного «консенсуса» между ними, необходимого для удержания человеком собственной целостности как устойчиво (само)развивающейся системы.

Вектор становления человеческого в человеке проходит по линии его все большей открытости, наращивания возможностей и превращения их в действительность, поиск сред, которые отвечали бы растущим возможностям, все большее «сваливание в поток». Современная образовательная среда во многом не отвечает по своей сложности и разнообразию возможностям человека. Людей, которые оказываются втянутыми в поток самодвижения (инициативного действия, саморазвития, самореализации), слишком мало в современной образовательной практике. В этой связи необходимо создавать образовательные пространства, ориентированные на так называемые «школы потока», школы позитивно понятых закономерностей самодвижения человека в пространстве совместно-распределенной деятельности, в котором, с одной стороны, наращиваются возможности человека, а с другой – закономерно усложняется организация самой среды в процессе превращения возможностей в действительность. Педаго-

ги, осмыслившие это, превращаются в антропотехников, а психологи, зондируя процесс человекообразования и предвосхищая наступление очередного этапа в нем, становятся сопроектировщиками новых, все более усложняющихся образовательных сред.

Личностный аспект подготовки специалиста для инновационного сектора экономики приобретает сегодня особое значение, поскольку профессиональная деятельность в период «глобальных инноваций» основана на расширении границ осознания человеком своих возможностей, самостоятельной активности в определении альтернативных и эффективных для конкретной ситуации профессиональных сред и способов самореализации, обретении согласия с самим собой в контексте задач общества. В обращении в этом аспекту подготовки специалиста видится возможность адекватного ответа высшей школы на серьезный вызов современному образованию, заключающийся в признании того факта, что наиболее важным и значимым ресурсом общественно-экономического развития страны становится человеческий ресурс. В этой связи современное образование представляется не просто сферой *воспроизводства* академического знания, передачи и усвоения «прошлого» опыта, оно приобретает статус *производства*, образования человеческого ресурса и капитала. Необходи-

мо такое понимание сути инноваций в высшей школе, которое позволяет рассматривать их в контексте антропологических оснований проектной и инновационной деятельности в образовании.

Основные исследовательские приоритеты в рамках данного направления сосредоточены на разработке и реализации таких психолого-образовательных программ и технологий, которые:

- обуславливают «личное присутствие» человека в своем образовании, возможность его *участия и влияния* на свое образование;
- обеспечивают формирование и формулирование человеком своих *образовательных установок, образовательных инициатив* и их реализацию в образовательной, профессиональной, исследовательской деятельности;
- создают условия для *образовательного* выбора и определения человеком своего пути, индивидуальной образовательной траектории;
- обеспечивают подготовку к *инновационной деятельности*, к деятельности в ситуациях неопределенности, высокой конкуренции рыночных отношений;
- формируют *компетенции* эффективного группового взаимодействия, эффективной коммуникации и совместной деятельности, необходимые для жизни человека в открытом пространстве.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.
2. *Выготский Л.С.* Конкретная психология человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1986. № 1. С. 60.
3. *Галажинский Э.В.* Детерминация и направленность самореализации личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 182 с.
4. *Галажинский Э.В.* Перспективные направления психологического обеспечения образовательных проектов в регионе с высоким инновационным потенциалом // Психология образования. 2008. № 8. С. 4–10.
5. *Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Томск, 2005.
6. *Клочко В.Е.* Системная антропологическая психология и образовательная практика // Психология образования. 2008. № 8. С. 9–21.
7. *Психология инновационной деятельности: тезаурус* (словарь, охватывающий специфику профессиональной лексики) / Сост. Э.В. Галажинский, В.Е. Клочко, О.М. Красноядцева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 24 с.
8. *Франк С.Л.* Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995.
9. *Castells M.* The Institutions of the New Economy. Lecture at “Delivering the Virtual Promise” Conference, Queen Elizabeth Hall, London, 19 June 2000. Режим доступа: www.brunel.ac.uk/research/virtsoc/text/events/castells.htm
10. *Drucker; Peter F.* Post-Capitalist Society. N.Y.: Harper Collins, 1993.
11. *Klochko V.Y.* Modern Psychology: Systems Meaning of a Paradigm Shift // Psychology in Russia: State of the Art / Ed. by Y. Zinchenko & V. Petrenko. M.: Department of Psychology MSU & IG-SOCIN, 2008. 388 p.
12. *Reich R.B.* The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism. N.Y.: Vintage, Boors, 1992.

INVESTIGATION OF INNOVATIVE POTENTIAL OF A PERSONALITY: CONCEPTUAL GROUNDS

Klochko V.Y., Galazhinskiy E.V. (Tomsk)

Summary. Conceptual grounds of the system anthropological psychology, that allow to represent the innovative potential of a personality in the context of understanding the mechanisms of self-development of a person as an open self-organizing system, are discussed in the article.

Key words: innovative potential of a personality; innovative behaviour; system anthropological psychology.

ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ К ПРОБЛЕМАМ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ

О.М. Краснорядцева (Томск)

Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

Аннотация. Представлен анализ результатов многолетних исследований психологического феномена «чувствительность к проблемам», которая рассматривается в контексте исследования психологических особенностей инновационного потенциала личности.

Ключевые слова: чувствительность к проблемам; смысловая теория мышления; потенциал самореализации личности; инновационный потенциал личности.

Тенденции развития современной психологии, а также запросы к эффективным психологическим технологиям со стороны инновационных образовательных практик, реального сектора экономики и бизнеса обуславливают особую востребованность обращения исследователей к нормотворческой, сверхадаптивной природе человека не как к исключительному, выбивающемуся из схем гомеостатического подхода к человеку феномену, а как к присущей ему (человеку) способности порождать новую реальность, создавая тем самым и самого себя. Способность человека к инициативному целеобразованию, смыслообразованию, мотивообразованию, проявляющаяся в «чувствительности к проблемам», вызывает сегодня исследовательский интерес в связи с разработками представлений об инновационном потенциале человека как личностном ресурсе, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве базального основания для инициации инновационного поведения [11].

Изучение феномена чувствительности к проблемам в рамках научной школы О.К. Тихомирова, определяемой в последнее время как смысловая теория мышления, занимает особое место в психологии мышления, несмотря на то, что в качестве предмета психологического исследования оно имеет достаточно давнюю историю – первые употребления самого понятия «чувствительность к проблемам» связывают с Дж. Гилфордом [12]. Чувствительность к проблемам стоит в одном смысловом ряду с такими понятиями, как творческие способности, креативность, интеллектуальная активность, надситуативная активность, акт объективации, поскольку за всеми этими выделенными разными исследователями понятиями скрывается общая сфера проявления творческих способностей, интеллектуальной активности, способности самопроизвольно выходить за «пределы ситуации», за пределы заданных требований. Однако именно в этом научном направлении, к которому причисляет себя и автор статьи, наиболее последовательно изучались психологические механизмы саморегуляции мыслительной деятельности и те психологические новообразования, которые обеспечивают ее детермина-

цию, направленность и избирательность. Поставив проблему психологических новообразований (мотивов, поисковых познавательных потребностей, смыслов, оценок, промежуточных целей и т.д.), теория О.К. Тихомирова позволила исследовать мыслительную деятельность в ее самодвижении, самодетерминации; получить серьезный опыт экспериментальной работы в новой психологической онтологии – ценностно-смысловых полях, сложнейшей субъект-объектной действительности, представляющей собой источник психологических новообразований; обнаружить зависимость между особенностями деятельности, выполняемой субъектом, и вероятностью обнаружения им и постановки мыслительной задачи в ходе ее выполнения.

В рамках данного научного направления чувствительность к проблемам изначально рассматривалась как одно из оснований инициации мыслительной деятельности, проявляющееся в способности выходить за рамки заданных инструкций, самостоятельно обнаруживать и ставить задачи, организовывать собственную мыслительную деятельность (В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева, Г.Ж. Акылбаева и др.). В свое время В.Е. Ключко с помощью специально созданных оригинальных экспериментальных методик выделил три вида инициации мышления:

– «свободная» инициация, в основе которой лежит самопроизвольный переход действующей личности к мыслительной деятельности «за пределами инструкций», требований ситуации, «апрактично», «не функционально» и т.д.;

– инициация мышления, связанная с порождением мыслительной деятельности в ходе актуальной деятельности, направленной на удовлетворение какой-либо потребности, когда ее удовлетворение сталкивается с различного рода ситуативными препятствиями, необходимость преодоления которых предполагает мыслительную деятельность;

– инициация мыслительной деятельности, которая возникает как результат побуждения к мышлению с помощью уже сформулированных, поставленных кем-либо задач [5].

Было показано, что чувствительность к проблемам отражает специфичные для каждого человека взаимоотно-

ношения между тем, что он реально делает в мире, и тем, что он может делать в нем. Полученные в многолетних исследованиях нами, нашими аспирантами и соискателями (Е.В. Кочетовская, Ю.Б. Кукина, А.А. Делюкина, В.В. Протасов, М.И. Ефанова, О.М. Солодовникова и др.) данные свидетельствуют о том, что, оказываясь в потенциально проблемной ситуации, люди разного возраста, уровня образования и социального статуса обнаруживают склонность к определенному типичному реагированию, носящему достаточно стабильный характер. Основными поведенческими формами являются:

- самостоятельное обнаружение и формирование, постановка и реализация познавательных целей, приводящих к мыслительной деятельности;

- стремление «уйти» от потенциальной проблемы путем различной интерпретации осознанного противоречия, которая позволяет избежать перестройки деятельности в мыслительную;

- игнорирование познавательных противоречий, проявляющееся в отсутствии попыток, направленных на формирование проблемы на их основе;

- неспособность к обнаружению возникающих в процессе деятельности противоречий без специально направляющего этот поиск инструктирования.

Анализ экспериментального материала позволил в свое время констатировать, что успешность обнаружения проблем (чувствительность к проблемам) определяется особенностями эмоционально-установочных комплексов, представляющих собой некоторое единство, в котором эмоции и установки образуют новое интегративное качество [7]. Психологическая природа такого образования заключается в том, что с его помощью и на его основе работает основной механизм трансформации деятельности. В процессе взаимодействия с предметами у разных людей формируются разные смыслы и ценности этих предметов. Эти исследования дали основание еще для одной важной фиксации – чувствительность к проблемам как способность обнаруживать и разрешать познавательные противоречия определяется особенностями ценностно-смысловой структуры складывающейся ситуации.

Различение смыслов (как качеств предметов, заключающихся в их способности удовлетворять актуальную потребность) и ценностей (как качеств предметов, позволяющих перейти к мыслительной деятельности; как своего рода смыслов второго, более высокого типа) опирается на признание того, что за смыслами и ценностями стоят различные образующие, различная детерминация. Смыслы порождаются актуальными потребностями, мотивами, целями. Они находятся в единстве с актуальными установками и определяют устойчивость деятельности. Ценности релевантны возможностям субъекта. С ними связаны трансформация деятельности, ее подвижность. Таким образом, стало понятным, что проявления чувствительности к проблемам будут

определяться особенностями трансформации эмоционально-установочных комплексов.

Обнаруженное познавательное противоречие для одних людей означает возможность мыслить, а для других – необходимость «уйти» от мышления. Можно считать, что для одних возможность мыслить представляет особую ценность, имеет смысл, а для других – антиценность, возникновение фрустрирующей ситуации, от которой личность и защищается путем различных форм «ухода» от мышления. Причем разного рода «невключаемость» в мыслительную деятельность может происходить и в силу особой значимости актуальной деятельности; в этом случае мотив актуальной деятельности настолько значим, что возможность перехода к мышлению может просто игнорироваться.

В этом переходе психологических новообразований деятельности в устойчивое личностное свойство, позволяющее включаться в постановку и решение проблем в потенциально проблемных ситуациях (ситуациях обнаружения познавательного противоречия), и обнаруживается проявление системной детерминации становления чувствительности к проблемам. Обоснованность выделенных личностных качеств была подтверждена в ходе исследований, проведенных в «естественных группах» испытуемых, т.е. по отношению к тем личностям, содержание повседневной деятельности которых связано с необходимостью иметь развитую «чувствительность к проблемам» как необходимую предпосылку для успешности этой деятельности. Такими «естественными группами» людей, для которых заведомо можно считать характерным «включаемость» в решение мыслительных задач и повышенную возможность их обнаружения и постановки, в свое время выступали изобретатели и рационализаторы, зарекомендовавшие себя как инициативно обнаруживающие и решающие изобретательские задачи (а не просто участвующие в разрешении кем-то поставленных задач); студенты, про которых известно, что они обладают способностью к самостоятельной научной работе; специалисты в области инновационного проектирования [8].

Еще одно направление исследований феномена чувствительности к проблемам было связано с изучением взаимосвязи индивидуальных стратегий категоризации и чувствительности к проблемам. Мы полагали, что если мышление появляется не «в ответ» на противоречие, а, напротив, является инструментом его конструирования в процессе опредмечивания (категоризации), то должна проявиться связь между индивидуальными особенностями категоризации и поведением субъекта в потенциально проблемной ситуации (степень чувствительности к проблемам). Осмысление процесса инициации мышления через новое понимание восприятия (в контексте его роли в порождении многомерного мира человека и его образа в сознании) позволило отойти от успешивных представлений о последовательности свя-

зи восприятия и мышления и выйти к их симультанности. Возникла возможность исследовать мышление не как последовательную (после восприятия) форму познания, а в его включенности в сам процесс восприятия, понимаемого как «вписывание» информации в образ мира человека. Реализация этого замысла осуществлялась в процессе объективации процессов категоризации, сама процедура подведения под понятие рассматривалась как мыслительный акт, включенный в структуру восприятия, детерминированный индивидуальными стратегиями категоризации.

С помощью специально разработанной А.А. Делюкиной экспериментальной методики исследования процессов категоризации при восприятии незнакомых субъекту предметов удалось смоделировать в условиях лабораторного эксперимента ситуацию, позволяющую зафиксировать акты включения мышления в процессы восприятия в виде стратегий категоризации; выяснить, как происходит «структурирование» образа, какие именно детали и особенности предмета становятся «важными», какие – «мешающими», а какие – «незначительными» [3].

Получены данные, расширяющие традиционное понимание преемственности между восприятием и мышлением (как последовательных фаз развития познавательной деятельности) представлениями о включенности мыслительных актов в процесс восприятия, понимаемого как «вписывание» явлений и предметов в образ мира.

Сама процедура подведения под категорию как мыслительный акт, включенный в структуру восприятия, детерминируется индивидуальными стратегиями категоризации:

- игнорирование основных характеристик предмета;
- выделение тех характеристик предмета, которые позволяют его идентифицировать как уже знакомый;
- выделение особенностей предмета в качестве дополнения к тем его характеристикам, которые позволяют идентифицировать предмет как уже знакомый;
- выделение особенностей предмета в качестве причин, обуславливающих необходимость его усовершенствования;
- выделение всех основных особенностей предмета как его сущностных характеристик.

Полученные экспериментальные данные позволяют утверждать, что предпочитаемые стратегии категоризации при восприятии незнакомых предметов влияют на процесс выделения и объективации познавательного противоречия в потенциально проблемной ситуации, детерминируя поведение субъекта в этих ситуациях. Способность субъекта к обнаружению и разрешению познавательных противоречий (чувствительность к проблемам) обусловлена стратегиями категоризации, которые реализуются на стадии восприятия предлагаемого субъекту стимульного материала. Учет этой детерминанты не только влияет на практику создания средств диагностики чувствительности к проблемам, но и существен-

но изменяет представление о самом предмете психологического исследования на стадии инициации мыслительной деятельности.

До определенного времени чувствительность к проблемам изучалась в условиях лабораторного эксперимента на содержательном материале, как правило не привязанном к специфике реальной жизнедеятельности (модифицированная методика Н.Л. Элиавы, ряд авторских методик В.Е. Клочко, О.М. Краснорядцевой, в которых использовался прием непрерывной записи КГР и синхронной регистрации высказываний испытуемых; авторская методика А.А. Делюкиной). Проблемным оставалось исследование проявлений чувствительности к проблемам в условиях реальной жизнедеятельности. Вместе с тем становилось понятно, что вряд ли можно говорить о способности человека чувствовать проблемы с равной степенью успешности и в условиях лабораторного исследования, и в реальных условиях жизнедеятельности; возникали предположения о возможной нелинейной связи между этими проявлениями проблемной чувствительности. Для О.К. Тихомирова возможность исследования мышления в контексте реальной жизнедеятельности никогда не выступала методологически не обоснованной, потому что в его научной школе уже давно предметом исследования стала эта особая психологическая онтология («ценностно-смысловая структура ситуации»).

Реальная жизнедеятельность с психологической точки зрения есть то, что разворачивается в ценностно-смысловых пространствах, детерминируется ими. Здесь каждое событие, любые текущие моменты индивидуальной жизни могут быть поняты не через субъективное переживание и не через объективные акты поведения, а через анализ того, что на самом деле детерминирует и то и другое. В реальной жизнедеятельности мышление возникает как то, без чего невозможно решение жизненных задач, и в этом аспекте оно может быть любым по типу – творческим, репродуктивным, теоретическим, практическим и т.д. Главное качество всех проявлений мышления в реальной жизнедеятельности заключается в его включенности в конкретный момент бытия человека как один из возможных способов реализации образа жизни [8, 9].

Начиная с 90-х гг. прошлого столетия был осуществлен цикл исследований, направленных на изучение проявлений феномена чувствительности к проблемам в условиях реальной жизнедеятельности людей. В диссертационном исследовании Г.Ж. Акылбаевой было установлено, что особенности соотношения общей чувствительности к проблемам, проявляющейся при столкновении человека с противоречиями логического порядка, и дифференцированной чувствительностью к проблемам, проявляющейся в узкоспециальных видах деятельности (в литературном и изобразительном творчестве, математической деятельности), находятся не в прямой зависимости, а опосредованы наличием у человека специальных способностей [1].

В исследовании Е.В. Кочетовской были выявлены особенности проявления чувствительности к проблемам у детей в реальной учебной ситуации урока. Индикаторами чувствительности к проблемам выступали ее экстероактивные проявления: яркие эмоциональные реакции ученика на вопросы, требующие сообразительности; желание самостоятельно искать и находить ответы на эти вопросы; активность включения в реализацию возникающей возможности разрешения появляющихся познавательных противоречий и т.п. [6]. Фактором, обуславливающим содержание и качество такой деятельности, в которой человек сталкивается с возможностями трансформации деятельности в мыслительную и при этом сами условия организации деятельности не мешают, а стимулируют такую трансформацию, является образовательная среда. Были получены свидетельства того, что развивающая образовательная среда является фактором, детерминирующим развитие чувствительности к проблемам. Особенности развивающей образовательной среды проявляются в индексе чувствительности к проблемам у детей, находящихся в разных образовательных средах (традиционная образовательная система и система развивающего обучения). Установлено, что на этапе перехода предметного сознания в смысловое развитие чувствительности к проблемам определяется системой детерминирующих факторов, ведущим из которых выступает не просто образовательная среда, а ее центрирующий момент – особенности функционирования психологической системы «ребенок – взрослый», которая и обуславливает процесс трансформации культуры в ценностно-смысловую картину мира формирующейся личности.

Автором статьи был исследован феномен «чувствительности к профессиональным проблемам», изучены его проявления, установлена его взаимосвязь с общей чувствительностью к проблемам [8]. Чувствительность к профессиональным проблемам изучалась нами с помощью специально разработанного методического приема в рамках конкретно-психологического эксперимента. Экспериментальные исследования чувствительности к профессиональным проблемам показали, что развитая общая чувствительность к проблемам еще не является гарантией того, что чувствительность к профессиональным проблемам тоже будет высокой. Другими словами, если для человека обнаруживаемое познавательное противоречие в широком смысле (за пределами узкопрофессиональной деятельности) не имеет смысла ценности, т.е. того, посредством чего можно реализовать собственно творческий, присущий ему интеллектуальный потенциал и дать ему дальнейшее развитие, то не стоит ждать высокой познавательной активности и в профессиональной деятельности. Возможность для возникновения профессионального мышления будет восприниматься таким человеком как конфликт, как познавательная фрустрация, которая разрешается, как и все

другие жизненные ситуации, приводящие к фрустрации, в опоре на сложившиеся тенденции избегания трансформации деятельности, защиты себя, обвинения других и т.д. Но чтобы обладать развитой чувствительностью к профессиональным проблемам, недостаточно иметь развитую общую чувствительность к проблемам. Специфика взаимосвязи этих двух видов чувствительности к проблемам обусловлена проявлением особенностей профессионального образа мира, раскрывающегося в особенностях профессионального мышления.

Таким образом, были получены экспериментальные подтверждения того, что развитие чувствительности к проблемам как устойчивого свойства личности осуществляется в процессе трансформации системно детерминированных психологических новообразований, возникающих в микроэтапах реальной жизнедеятельности, в макроэтапы развивающейся личности. Чувствительность к проблемам является системно детерминированным явлением, но на разных стадиях становления сознания эта детерминация имеет свою специфику, выявление которой возможно при условии понимания уникальной многомерности мира человека, стадийности его становления, проявляющейся в закономерной смене форм сознания.

Дальнейшее развитие исходных идей теории самоорганизующихся психологических систем [5], зародившейся в рамках смысловой теории мышления, позволило расширить представление о феномене чувствительности к проблемам как некотором личностном ресурсе, который необходим для обеспечения самодвижения человека в значимых для него сферах жизнедеятельности. Э.В. Галажинский, разрабатывая идею системной детерминации самореализации личности, с помощью исследования феномена чувствительности к познавательному противоречию выделил два уровня самореализации (продуктивно-сверхадаптивный и репродуктивно-адаптивный), различие между которыми обусловлено доминированием разных источников активности (текущие потребности и наличные возможности) и разными типами смысловых образований (актуальные смыслы и ценности саморазвития, самодвижения) [2].

В исследовании М.И. Ефановой, выполненном под нашим руководством, была предпринята попытка изучения проявления потенциала самореализации в феномене «чувствительности к проблемам» и формах реагирования человека на познавательные противоречия на разных этапах мыслительной деятельности (инициации и динамизации) [4]. Потенциал самореализации понимается как возможность, готовность, способность к реализации открывающейся возможности самодвижения, саморазвития, как общесистемное свойство личности, рассматриваемое в единстве трех аспектов: ценностного (способность обнаруживать возможные направления самореализации), мотивационного (сложившаяся у человека готовность к реализации этих возможностей) и

регулятивного (переход возможности в действительность, опосредованный целеобразованием). Актуализация потенциала самореализации происходит в опоре на ценностно-смысловые характеристики актуальной ситуации, указывающие возможные направления самореализации, одним из которых является переход от тривиальной (заданной, стереотипной и т.д.) деятельности к мыслительной, обусловленный познавательным целеобразованием, приводящим к постановке и решению мыслительной задачи. Более того, по мере формирования мыслительной задачи (постановка цели и определение условий), т.е. по мере перехода мыслительной деятельности в стадию динамизации, потенциал самореализации заявляет о себе особенностями промежуточного целеобразования: той настоятельностью, с которой человек добивается решения задачи, перестраивает поиск, выдвигает новые промежуточные цели и версии. Полученные результаты дают возможность констатировать, что потенциал самореализации личности и на стадии инициации мыслительной, и на стадии ее динамизации проявляет себя в поведенческих особенностях испытуемых, за которыми стоит качество смысловых образований, являющееся показателем проявления потенциала самореализации. Можно вести речь о двух видах смысловых образований. В первом их виде устанавливается значимость предмета для уже актуальных потребностей и мотивов, вызвавших деятельность, и данный вид определяется как смыслы. Второй вид смысловых образований возникает на основе открываемой в предмете возможности организовывать новую деятельность, отвечающую более высоким по рангу потребностям в иерархии всей системы потребностей личности. Данный вид представляет собой скорее ценностные образования. В качестве основных показателей потенциала самореализации выступили различные виды смысловых образований: ценности саморазвития, самореализации, актуальные смыслы (здесь и сейчас) следования инструкции извне, актуальные смыслы «ухода» от познавательного несоответствия с минимальными потерями для испытуемого.

Был реализован специальный этап исследования, направленный на изучение взаимосвязи потенциала самореализации личности с особенностями решения человеком жизненных творческих задач. Для изучения особенностей решения человеком жизненных творческих задач использовали модифицированный вариант методики «Творческая уникальность в жизненном пути» (Е.П. Варламова, Ю.Н. Михайлова).

Полученные данные позволяют высказать некоторые суждения относительно обусловленности потенциала самореализации общесистемными свойствами личности:

– значимыми личностными характеристиками на стадии инициации мыслительной деятельности являются интернальность и особенности ценностных ориентаций, на стадии динамизации интернальность оказыва-

ется менее значимым фактором, а более значимыми становятся креативность и уровень развития познавательных потребностей;

– общесистемными свойствами личности, обуславливающими избирательность и направленность потенциала самореализации, могут являться «интернальность», «креативность», «репродуктивность», «целостность в восприятии жизни», «ориентация на творческие возможности», «принятие социальных норм»;

– сравнительный анализ индекса чувствительности к проблемам и индекса качества познавательного целеобразования позволил констатировать тот факт, что и на стадии инициации, и на стадии динамизации мыслительной деятельности проявляется общий потенциал самореализации, характерный для обеих стадий мыслительной деятельности.

Результаты исследования позволили получить данные о том, что потенциал самореализации (зафиксированный в особенностях познавательного целеобразования) в условиях реальной жизнедеятельности проявляется в специфике решения человеком жизненных задач. Выделены три уровня проявления потенциала самореализации.

1. Высокий творческий уровень, когда принятие и решение жизненных задач актуализируется ценностями самодвижения, саморазвития.

2. Средний, репродуктивный, когда постановка и возможность реализации жизненных целей инициированы кем-то «извне».

3. Низкий, компенсаторный, когда жизненные задачи, предстающие перед человеком, интерпретируются, подстраиваются под «удобную» ситуацию и уже в других компенсаторных областях происходит самореализация человека.

Показано, что потенциал самореализации на стадиях инициации и динамизации мыслительной деятельности актуализируется различными ценностно-смысловыми образованиями, которые либо приводят к инициативному целеобразованию (или различным формам «ухода» от него), либо заявляют о себе особенностями промежуточного целеобразования, выражающимися в его динамике, избирательности, устойчивости в ходе мыслительной деятельности [10].

Дальнейшие исследования, проводимые в рамках проектных разработок, затребованных сегодня со стороны социальных и, прежде всего, образовательных практик, ориентированных на активное вхождение в различные сферы инновационной деятельности, открывают новые возможности для расширения проблемного поля исследований.

В цикле исследований, проведенных под нашим руководством в 2007–2009 гг. студентами А.О. Кыжынаевой и М.В. Федосеевой (в рамках выполняемых курсовых и дипломных проектов), были выявлены интересные взаимосвязи общей чувствительности к проблемам с рядом показателей инновационного потенциала у мо-

лодых людей, имеющих разный опыт вхождения в инновационную деятельность.

1. Были установлены закономерности в выборе предпочтений копинг-стратегий у представителей групп с различным уровнем выраженности чувствительности к проблемам:

– с возрастанием уровня чувствительности возрастает процент выборов стратегии «придание смысла». Проанализировав возможные причины данного явления, мы можем сказать, что придание смысла трудным жизненным обстоятельствам молодыми людьми с высокой чувствительностью к проблемам отражает понимание ими проблемной ситуации не как обусловленной средой и нарушающей их привычное состояние, а как того, что имеет смысл для их жизненного становления, самореализации, саморазвития. Стратегия «придание смысла» как раз выступает показателем инновативности молодых людей с высокой чувствительностью к проблемам. Осознанное изменение своего отношения к стрессовой ситуации воспринимается ими как попытка «позитивно истолковывать» эту ситуацию;

– молодые люди с высокой чувствительностью к проблемам, как правило, демонстрируют доминирование и стратегии «игнорирование» как стратегии защиты от отрицательных эмоций, негативных переживаний, мешающих сосредоточиться на решении проблемы в сочетании со стратегией «проблемный анализ», что может свидетельствовать об их умении и способности разобратся в сложившейся трудной ситуации;

– если испытуемые с высокой чувствительностью к проблемам склонны придавать особый смысл проблемным ситуациям, то испытуемые с низкой чувствительностью к проблемам ориентированы скорее на саморегуляцию нарушенного эмоционального состояния, возвращение к его балансу. Установка на трудные ситуации не как на проблемы человека, подлежащие «решению здесь и сейчас», а как некое «указание» на необходимость концентрироваться на восстановлении нарушенного эмоционального состояния, возвращении к его балансу достаточно ярко выражена у этой категории молодых людей, вовлеченных в инновационную деятельность. Систему интересует только ее текущее состояние, и в динамике разрешения трудной ситуации она возвращается к прошлому, не приобретая новые ресурсы, не выходя на новые параметры собственной жизнедеятельности;

– в поведенческой сфере молодые люди с низкой чувствительностью к проблемам по преимуществу выбирают стратегию «обращение», со средней чувствительностью к проблемам – стратегию «сотрудничество», с высокой чувствительностью к проблемам – стратегию «отвлечение или погружение в любимое дело». То есть чем ниже чувствительность к проблемам, тем более выраженной становится стратегия обращения за помощью к другим людям для решения своих проблем;

– при анализе полной картины выборов копинг-стратегий был обнаружен интересный феномен – наличие своеобразного «креста» в предпочтениях форм поведения в проблемной ситуации в зависимости от уровня чувствительности к проблемам. Так, копинг-стратегии «отвлечение или погружение в любимое дело» и «отступление или самоизоляция», которые располагаются на минимальных позициях у респондентов с низкой чувствительностью к проблемам, оказываются наиболее предпочитаемыми респондентами с высокой чувствительностью к проблемам. Напротив, свойственные наименее чувствительным к проблемам респондентам стратегии «обращение» или «поиск совета» и «сотрудничество» оказываются наименее предпочтительными для респондентов с высокой чувствительностью к проблемам.

2. Получены достоверные данные о существовании неоднозначной зависимости чувствительности к проблемам и таких показателей инновационного потенциала, как жизнестойкость и ригидность. Так, выявлено, что у молодых людей с высокой чувствительностью к проблемам не встречаются низкие показатели жизнестойкости и высокие показатели ригидности, а у лиц с низкой чувствительностью к проблемам не обнаружено высоких показателей жизнестойкости и низких показателей ригидности.

3. Большая часть студентов, принявших участие в исследованиях, продемонстрировали средний уровень чувствительности к проблемам, для которого характерно обнаружение противоречия без попыток выйти из него, а также различные формы ухода от противоречия. Эти факты дают основание для предположения о том, что содержание профессионального образования в меньшей степени ориентировано пока на актуализацию и развитие способности молодых людей самостоятельно обнаружить, ставить и решать когнитивные противоречия, возникающие в процессе обучения.

4. Возможность практического использования результатов проведенных исследований представляется в разработке специальных тренинговых программ развивающего типа, направленных на актуализацию и (или) развитие чувствительности к проблемам у студенческой молодежи, находящейся на разных этапах вхождения в инновационную деятельность.

Анализ материалов трехлетних исследований, проводившихся на факультете психологии Томского государственного университета (в рамках грантовых проектов) с победителями программы «Участник Молодежного научно-инновационного конкурса» (поддержанной фондом «Содействие развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере»), позволяет прогнозировать, что высокая чувствительность к проблемам и высокая жизнестойкость будут присутствовать в своих развитых формах у молодых людей, достигших реальных успехов в инновационной деятельности (успешные

предприниматели, талантливые молодые ученые в области информационных и сверхточных технологий). В экспериментальной проверке этой гипотезы видятся нам дальнейшие перспективы исследования.

Литература

1. Акылбаева Г.Ж. Особенности чувствительности к проблемам у людей с выраженными специальными способностями: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 1999. 23 с.
2. Галажинский Э.В. Детерминация и направленность самореализации личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 212 с.
3. Делюкина А.А. Стратегии категоризации в процессах инициации мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2002. 19 с.
4. Ефанова М.И. Проявление потенциала самореализации личности в особенностях познавательного целеобразования: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2004. 23 с.
5. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Введение в трансспективный анализ. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 173 с.
6. Кочетовская Е.В. Системная детерминация чувствительности к проблемам как развивающегося свойства личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 1999. 23 с.
7. Красноядцева О.М. Диагностика мышления в процессах трансформации рутинной деятельности в творческую. Караганда, 1994.
8. Красноядцева О.М. Методологические основания исследования мышления в реальной (профессиональной) деятельности // Сибирский психологический журнал. 1997. Вып. 5. С. 33–38.
9. Красноядцева О.М. Реконструкция ценностно-смысловой структуры ситуации деятельности как метод исследования особенностей ментального пространства личности // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность, коммуникация, толерантность. Томск, 2002. С. 140–150.
10. Красноядцева О.М., Ефанова М.И. Возможности исследования потенциала самореализации современной молодежи // Материалы школы-семинара «Гуманитарные основания развития региона с высоким инновационным потенциалом: глобализация, идентификация, миграция». Томск, 2007. С. 40–53.
11. Психология инновационной деятельности: тезаурус (словарь, охватывающий специфику профессиональной лексики) / Сост. Э.В. Галажинский, В.Е. Ключко, О.М. Красноядцева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 24 с.
12. Guilford J.P. The nature of human intelligence. N.Y., 1967. 255 p.

SENSITIVITY TO PROBLEMS AS DESCRIPTION OF INNOVATIVE POTENTIAL OF A PERSONALITY

Krasnoryadtseva O.M. (Tomsk)

Summary. The article represents the results of investigations of long standing of psychological phenomenon « sensitivity to the problems». Sensitivity to the problems in context of research of psychological peculiarities of innovative potential of a personality is considered.

Key words: sensitivity to the problems; meaning based theory of thinking; potential of self-realization of a personality; innovative potential of a personality.

О СООТНЕСЕНИИ ПОНЯТИЙ «СОВЕСТЬ» И «САМООСУЩЕСТВЛЕНИЕ»

С.А. Барсукова (Пенза)

Аннотация. Идея осуществления человеком своей сущности рассматривается в контексте проблемы совести. Трактовка совести с точки зрения процесса самоосуществления выводит на проблему объективации внутренней сущности личности в соотнесении с такими явлениями, как «свобода» и «ответственность». В результативном аспекте совесть как самоосуществление – это исполненность, реализованность человека в контексте бытия, в его движении к «добру».

Ключевые слова: совесть; самоосуществление; свобода; ответственность; трансцендирование; добро.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена рядом причин теоретического и практического характера. В современной науке круг вопросов, относящихся к духовно-нравственному развитию личности, становится особой областью психологического исследования, поскольку структура «новой реальности», состоящая из техносферы и информационной среды, выдвинула на авансцену человеческую личность как важнейший фактор самосохранения и изменения самого общества. Очевидно, что любые изменения в социуме оказываются безуспешными, если не находят опору в жизни личности, не подкрепляются адекватными изменениями во внутреннем мире человека.

Такой внутриличностный феномен, как совесть, становится, по-видимому, единственным социальным основанием организованности общества, противоречащим деструктивным процессам и отсутствию отлаженной правовой системы. Так, Н.И. Лапин, исследуя ценности российского сознания, пришел к выводу, что в иерархии ценностей россиян на первое место вышла совесть, как внутреннего альтернатива оппозиции власти [3]. Н.В. Марьясова при исследовании основных параметров духовности современных россиян выявила, что совесть определяется респондентами как важнейшее качество, проявляющееся в сложных этических ситуациях и имеющее определяющее значение для достижения счастья [9].

Понятие «совесть» в философской и психологической справочной литературе рассматривается в тесной связи с обязательством, самоконтролем, отчетностью, требовательностью к себе, ответственностью. Все определения совести в названных источниках являются вариациями текста, изложенного в «Малом энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона (1906), где совесть определяется как нравственное сознание человека, выражающееся в оценке собственных и чужих поступков, на основе определенного критерия добра и зла [7]. Четкой психологической интерпретации этого понятия нами не обнаружено. В зарубежных психологических словарях понятие «совесть» связывают с психоаналитическим толкованием, включающим совесть в структуру Супер-Эго [13].

Длительное время отечественная психология относилась явления духовно-нравственной сферы к объектам философии, социальной антропологии, этики и богословия. А.Н. Леонтьев с горечью констатировал, что «тра-

диционной психологии нечего делать с такими категориями, как совесть, т.к. она вообще не располагает понятиями, в которых этические категории могут быть психологически раскрыты» [4. С. 89].

В 50-х – начале 60-х гг. в работах Б.Г. Ананьева, А.Г. Ковалева В.Н. Мясищева, К.К. Платонова, П.М. Якобсона и др. появляются отдельные высказывания о совести в связи с рассмотрением проблем онтогенеза. Еще нет специальной разработки проблемы совести, делаются лишь попытки определить данное понятие, найти его место в структуре личности, определить роль в поведении личности.

Дальнейшая разработка представлений о совести проводится в рамках социально-культурной тематики и представлена в работах И.С. Кона, К. Муздыбаева, В.В. Столина, В.Н. Шердакова и др. Совесть понимается как психологически сложное образование, выраженное в форме нравственного отношения и нравственного чувства, или описывается как моральное качество человека. Особое внимание уделяется взаимосвязи совести с такими личностными образованиями, как самосознание и ответственность. Как правило, совесть в психологической литературе упоминается лишь в социоцентрическом контексте. А процесс формирования совести сводится к процессу интериоризации социально-культурных нормативов, принятых в данной общественной группе, для более успешной адаптации к ней.

Начиная с 90-х гг. в отечественной психологии постепенно утверждается феноменологический подход к изучению личности. Осуществляются пересмотр и переоценка теоретического и эмпирического материала, наработанного в предыдущие годы, происходит выход на иную парадигму, появляется стойкий интерес психологии к духовным и нравственным аспектам человеческого существования. Становится востребованным наследие таких отечественных философов, как В.С. Соловьев, И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, М.М. Бахтин, Н.О. Лосский, Г.И. Гурджиев и др. Характерное для советского периода отождествление морали и нравственности сменяется более четким различием данных сфер регуляции деятельности и поведения человека. Все большее внимание уделяется не столько внешним (межличностным, интерперсональным) отношениям человека и социума, сколько внутренним (интраперсональным) проявлениям человека. Тем самым проблематика совести

как психологического феномена высвобождается из узких рамок процессов интериоризации и социализации.

Особенностью понимания совести в психологии на современном этапе является то, что данный феномен признается компонентом духовности личности (А.И. Зеличенко, В.П. Зинченко, Н.А. Коваль, В.Д. Шадриков и др.); выступает в качестве механизма нравственной самореализации (К.А. Абульханова-Славская, Б.С. Братусь, В.В. Знаков и др.); понимается обобщенно как поиск добра (Т.А. Дронова, В.П. Симонов и др.); отмечается связь совести с проявлениями индивидуальности человека (А.Г. Асмолов, В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев и др.), более того – с его сущностью (С.В. Гуленина, А.Б. Орлов). Очевидно, что в данных определениях находят отражение либо отдельные компоненты, входящие в структуру совести, либо формы проявления совести, либо механизмы ее действия. Целостного представления о совести, основанного на антропоцентрической парадигме, в отечественной психологии нет.

Так как совесть не может быть сведена к какой-то частной психической реакции, а своими истоками и общим результирующим действием обнаруживает принадлежность ко всем аспектам человеческого бытия, мы рассматриваем данный феномен с онтологической позиции (именно с этой позиции понятие нравственности выводится в экзистенциализме). Соответственно, мы анализируем совесть как нравственный феномен, который функционирует на экзистенциальном уровне бытия человека. С точки зрения названной позиции совесть – это не исполнение должного, а самовыражение индивидуальности и сущности человека.

Анализ различных подходов к определению индивидуальности в отечественной психологии позволяет заключить, что на современном уровне развития психологического знания совесть как проявление индивидуальности человека можно определять через особенное, общее и единичное; рассматривать с позиции закономерного целого; характеризовать через взаимоотношения разнообразных свойств и уровней ее организации; выявлять различные системообразующие ее факторы и их взаимодействие.

Слабо разработанным в психологии остается понимание феномена «сущность человека». Между тем исследователями отмечается, что традиция психологического рассмотрения сущности человека имеет древние корни, прослеживающиеся буквально во всех крупнейших религиозных системах прошлого, и прежде всего в их эзотерических составляющих: «Во всех этих традициях внутренней работы ключевыми моментами являются осознание человеком принципиального различия между своей сущностью и своей личностью и их последующее пересоподчинение» [14. С. 69]. К. Юнг часто использовал термины «самость» и «сущность» как синонимы: «С интеллектуальной точки зрения самость – не что иное, как психологическое понятие, конструкция,

которая должна выражать неразличимую нами сущность, саму по себе для нас непостижимую, ибо она превосходит возможности нашего постижения, как явствует уже из ее определения» [24. С. 312]. В психосинтезе для обозначения данного центра психики используется термин «высшее Я». Сущность в себе – Ин-се – это понятие используется в концептуальном аппарате онтопсихологии. В рамках гуманистической психологии обсуждаемую инстанцию обычно обозначают термином «внутреннее Я». В теории экзистенциального анализа используется термин Person. «Person» – это то, что Я говорит во мне и представляет ту прасовну, из которой Я черпает свою духовную силу» [6]. Подчеркнем, что с точки зрения экзистенциального анализа Person является носителем этического, нравственного начала человека. Для отечественной психологии было характерным отождествление личности и сущности. Все это связано с ориентацией нашего общества на социализацию личности. Человеку отказывалось в наличии у него собственной, а не общественной сущности [2. С. 99]. А.Б. Орлов приходит к выводу, что личность является не субъектом, а атрибутом. Для обозначения подлинного субъекта как трансперсональной (т.е. за- и внеличностной) психической реальности автор использует термин «сущность» [14].

Представляет интерес выделение сущностных свойств человека Н.И. Непомнящей (изучавшей фундаментальные особенности людей, достигших высоких показателей развития личности) [11]. Первое – потенциальная универсальность (всеобщность), обеспечивающая возможность присвоения самого разного содержания, форм, способов жизни во всем многообразии этого содержания. Соответственно, соотносясь с сущностью человека, совесть получает возможность приобретать признаки универсальности, всеобщности, эквивалентности природе. Второе – потенциальная бесконечность человека, позволяющая и в процессе присвоения, и в процессе функционирования выходить за пределы известного, усвоенного, в том числе и за пределы самого себя, создавать новое, творить. Здесь можно сослаться и на В.А. Петровского, рассматривающего способность трансцендирования как главнейшее свойство личности. Данная способность позволяет человеку выйти из уровня бытовой морали и перейти на уровень бытия, тем самым оторвавшись от стереотипов и социальных установок, принять решение в соответствии со своими внутренними ощущениями. Третье – особая взаимосвязь с другими людьми, которая характеризует способность отождествления себя с ними и позволяет брать новое содержание от других – родство человека с человеческим родом и обособление себя, своего Я, что дает возможность делать данное содержание своим. С.Л. Рубинштейн отмечал, что выход за пределы самого себя есть не отрицание сущности индивидуальности, а становление и вместе с тем реализация сущности в мире, в других людях, в себе самом.

Перечисленные сущностные свойства позволили нам при соотнесении феноменов «совесть» и «сущность человека» сформулировать основное условие функционирования (и развития) совести – переход из интерперсональных отношений в трансперсональные. Выход на трансперсональный уровень дает возможность человеку осуществить себя в своей уникальности. И совесть в этом случае есть не просто проявление сущности человека, а самоосуществление его индивидуальности.

Понятие «самоосуществление» (self-fulfillment) введено К. Гольдштейном в 1940 г. Анализ литературных данных позволяет заключить, что в понимании феномена самоосуществления внимание уделяется, прежде всего, реализации духовной компоненты внутреннего содержания человека. С точки зрения Ш. Бюлер, стремление личности к самоосуществлению служит основной динамической тенденцией в структуре интенциональности. В гуманистической психологии самоосуществление индивидуальности рассматривается как неповторимое единичное проявление мира человека. Понятие самоосуществления близко понятиям самоактуализации и самореализации, предложенным А. Маслоу и К. Роджерсом. Однако понятие самоосуществления богаче и многостороннее.

В своих феноменологических воплощениях идея самоосуществления личности представлена такими предметами психологической реальности, как «выбор», «нравственность личности», «отраженная субъектность», «событийная общность». Мы полагаем, что все вышеперечисленные предметные области могут быть объединены обобщенным понятием «совесть».

Е.В. Селезнева в процессе семантического анализа выделила опорные точки значения понятия «самоосуществление» [19]. Во-первых, самоосуществление – это одновременно процесс (движение к своим сущностным, истинным началам) и результат (бытие истины и истина бытия). Во-вторых, самоосуществление подразумевает, что активность в процессе движения к сущности исходит от самого человека, т.е. осуществить себя может только сам человек. В-третьих, самоосуществление как сформулированный в качестве цели результат задает направление саморазвитию человека в целом.

При анализе феномена совести также отчетливо просматриваются два основных аспекта: процессуальный и результативный. Трактую совесть в контексте процесса самоосуществления, мы выходим на проблему объективации внутренней сущности личности в соотнесении с такими явлениями, как «свобода» и «ответственность». В результативном аспекте совесть как самоосуществление – это исполненность, реализованность человека в контексте бытия, в его движении к «добру».

Таким образом, необходимо рассматривать категории «свобода», «ответственность», «добро» и «зло» во взаимосвязи с совестью.

Понятие «ответственность» сегодня имеет множество толкований, поскольку расположено в междисциплинарном феноменологическом поле. Оно включает в себя и формальный аспект, и собственно личностный, в котором также можно выделить как минимум две стороны: 1) ответственность в смысле нормативности, послушания, социального долга; 2) ответственность как сопричастность событию, как ответственность перед самим собой. Анализ научных источников показал, что понятия совести и ответственности рассматриваются в очень тесной связи, вплоть до слияния.

Специфика подлинной нравственности, в представлении экзистенциалистов, состоит в безраздельной, абсолютной личной ответственности человека. В сущностных аспектах это касается только тех вещей, возникновение и изменение которых зависит от человеческого существования [5]. По М. Хайдеггеру, человек ответствен только перед своей совестью, содержание которой всецело обусловлено самим индивидом [22]. Ряд исследователей (К. Изард, Н.О. Лосский, Д.С. Шимановский и др.) считают чувство ответственности ядром структуры совести. В отечественных словарях совесть – это сознание и чувство ответственности человека за свое поведение [16. С. 406]. Имеется также точка зрения на совесть как субъективную составляющую моральной ответственности индивида [10]. В этом случае совесть связывается с понятием «долг». Мы убеждены в необходимости разведения понятий «совесть» и «долг».

П.В. Симонов, рассматривая природу совести, задается вопросом, на базе какой потребности она возникает. «Естественнее всего было бы предположить, что речь идет о социальной потребности следовать нормам, исторически сложившимся в группе, к которой принадлежит субъект. Но это чувство долга, а не совести. Совесть и долг имеют разное происхождение. Долг социален. Он исторически детерминирован нормами поведения, принятыми в данной группе. Норм и порожденных ими представлений о долге может быть много. Но нельзя представить несколько совестей. Ведь голос совести есть голос истины в той мере, в какой она оказалась доступна данному человеку» [20. С. 105].

Таким образом, ответственность как должествование есть проявление, прежде всего, персонального в человеке и результат интерперсональных влияний. Когда мы говорим о совести в соотношении с сущностью человека, в аспекте самоосуществления, то рассматриваем «диалог» совести и ответственности на трансперсональном уровне. И этот диалог очень хорошо, на наш взгляд, отражен в выражении М. Хайдеггера «хотеть – иметь – совесть». Подразумевается, что в основе совести лежит выбор: быть «собой» или быть «как все». Желание иметь совесть – это согласие или несогласие принять на себя ответственность за свой выбор. Решение и ответственность относятся к экзистенциальному плану, а совесть – к экзистенциальному. Ответственность относится к данной, частной, конкретной ситуации и живет на ее материале, в ее предметности, а совесть относит-

ся к общему решению принимать на себя ответственность в различных ситуациях, т.е. «быть» (хотя бы время от времени).

Тот, кто берет на себя ответственность сам, обладает возможностью сам же, в ее пределах, контролировать, организовывать все свои действия, отношения, снимая тем самым внешний контроль, принуждение, обретая независимость и свободу. Свобода не есть только сознание необходимости, она есть преобразующее присвоение субъектом [17]. Таким образом, ответственность индивида за свое самоосуществление как личности совпадает с ответственностью за все, что находится в сфере его свободы. Совесть взывает к ответу, иницируя ответственность, однако механизм последней задан человеческой свободой.

В психологии под свободой понимается достаточно широкий спектр феноменов: быть причиной самого себя и своих действий, способность самостоятельно принимать решения, желать, выбирать стиль жизни, путь добра и т.п. Мы не ставим своей целью подробное рассмотрение подходов к пониманию «свободы», нам интересно то, как данное понятие соотносится с проявлением совести в аспекте самоосуществления. И в этом отношении нас привлекают размышления о двух планах понимания свободы: свободы «от...» и свободы «для...». Внешней свободы «от...» недостаточно, чтобы быть внутренне свободным «для...». Тенденция к свободе «от...», на наш взгляд, проявляется, когда человек, отказываясь от своей «персоны», начинает погружаться в свою «тень» (в трактовке К. Юнга) и игнорирует ответственность не только перед другими, но и перед собой. В этом случае совесть молчит, уходя все более глубоко в иррациональное. Ориентация на свободу «от...» может привести к уходу от любой нравственности.

В экзистенциализме свобода рассматривается как свобода человека, достигаемая им в процессе экзистирования и трансцендирования – выходе за пределы границ эмпирического «Я» в поисках самобытия. И это – проявление свободы «для...». По П. Сартру, быть свободным – значит быть самим собой. В выборе себя происходит переживание ответственности. Философы-экзистенциалисты отдают приоритет индивидуальному смыслу свободы во внутреннем мире человека, отличному от внешнего, социального его бытия. Но для внутренней свободы необходимо созреть – быть готовым к свободе.

Проявление совести как свободного самоизъявления человека возможно только при условии его выхода за пределы интерперсональных отношений. Франкл указывает, что именно совесть дает человеку свободу, необходимую для того, чтобы подняться на высочайший уровень духовности, поскольку постигнуть смысл своего уникального существования способен только свободный человек, не попавший под влияние конформизма или тоталитаризма [21]. В.Д. Шадриков считает, что совестный акт есть проявление свободной воли, воле-

вое действие: «Поступок по совести позволяет человеку пережить изумительное и таинственное душевное состояние, раскрывает перед ним истинную духовную свободу. В этот момент человек начинает постигать духовную свободу не с чужих слов, не отвлеченным рассудком, но собственным опытом» [23. С. 46].

Таким образом, если совестный акт осуществляется свободно и человек находится в непрерывном ответственном диалоге со своей совестью, то он аутентичен и проживает свою собственную, а не чужую жизнь, т.е. являет в мир именно самого себя, свою сущность.

Не менее значима связь совести с понятиями добра и зла. Рассуждая о становлении данных категорий, М.К. Мамардашвили отмечает, что впервые само это различие на уровне «психологического языка, осмысленного, дающего возможность для высказывания чего-то, появляется только тогда, когда появляется система отсчета внутри самой реальности, и эту систему отсчета составляет совесть...» [8. С. 121]. По мнению С.Л. Рубинштейна, добро и зло являются не структурными компонентами, а «функциональными характеристиками» личности, которые проявляются в конкретных отношениях и действиях, направленных на другую личность [18. С. 252]. Современные отечественные исследователи считают, что на уровне психики и ее внешних проявлений добро и зло являются органическими элементами установок, мотивов, целей, ценностных ориентаций, представлений и категориальных структур индивидуального сознания [14]. Большинство авторов единодушны в том, что «добро» и «зло» являются сильнейшими детерминантами развития человека и его поведения. А.А. Гусейнов пишет: «Если сконструировать иерархию бытия, нижней точкой которой является природное существо, а верхней некое бесконечное, бессмертное, тождественное самому себе абсолютное начало, то человек находится посередине... Движение снизу вверх придает человеческому бытию нравственное качество, составляет вектор добра. Степень ориентированности по этому вектору как раз и фиксируется совестью» [1. С.179].

Если в бытовой трактовке совесть интерпретируется в конечном счете прагматически, как средство для достижения «добра», то в бытийной, наиболее органичной для исследования ее подлинной специфики, она представляет, эксплицирует само добро. Иррациональный план существования совести обусловлен, прежде всего, ее абсолютностью, самодостаточной убедительностью «компаса», всегда указывающего в направлении «Добро».

Мы не ставим перед собой задачу широкого рассмотрения проблемы критериев добра и зла, взяв за основу точку зрения Э. Нойманна: «Добро есть все то, что приводит к целостности, а зло – к разделению, дезинтеграции» [12. С. 38]. Этическая ценность личности состоит в сохранении верности самому себе, в подлинности и положительности ее сущности. И здесь важное значение имеет не антитеза добра и зла, а внутренняя аутентичность человека. Осуществление этой этической цен-

ности и есть добродетель. Совесть ведет человека в направлении к «добру» и тем самым способствует его самоосуществлению.

Таким образом, совесть есть мера совпадения существования и сущности человека, бытового и бытийного намерения. Согласованность со своей совестью дает возможность человеку осуществить себя в своей уникальности, т.е. самоосуществиться. Трактую совесть с точки зрения процесса самоосуществления, мы выходим на проблему объективации внутренней сущности человека в соотношении с такими явлениями, как «свобода» и «ответственность». Непременным условием развития и функционирования механизма совести является свобода выбора индивидом способов поведения – право самостоятельно решать, как поступить в том или ином случае. В результативном аспекте совесть как самоосуществление – это исполненность, реализованность человека в контексте бытия, в его движении к «добру».

Понятия «добро» и «зло» условны и относительны, это лишь проекция наших желаний на внутреннюю двойственность любого объекта. Главным в проблеме добра и зла оказывается выбор, осуществляемый индивидом. Избрав для себя «путь добра», необходимо постоянно осуществлять нравственный выбор, поскольку в любой точке этого пути могут проявляться и добро, и зло. Когда встает вопрос о том, чем именно руководствовался человек в данном своем поступке – разумом или чувствами, то, по сути дела, выясняется совсем иное: руководствовался ли он ситуационными, узкоситуационными, частными ориентирами или ориентирами внеситуационными, охватывающими более значительный временной период, ориентирами масштаба большого отрезка времени или даже всей жизни.

Рассматривая совесть с антропоцентрических позиций как возможность аутентичного самоосуществления, мы выходим на проблему успешности жизнедеятельности индивида в масштабе всей его жизни и в любой жизненной ситуации.

Литература

1. Гусейнов А.А. Язык и совесть. М.: Ифран, 1996. 185 с.
2. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся: Очерки российской психологии. М.: Три-вола, 1994. 231 с.
3. Лапин Н.И. Ценности в кризисном социуме // Ценности социальных групп и кризис общества. М., 1991. С. 4–21.
4. Леонтьев А.Н. О формировании способностей // Вопросы психологии. 1960. № 1. С. 87–94.
5. Лукьянов О.В. Экзистенциально-феноменологическое исследование: Проблема современности и ответственности // Сибирский психологический журнал. 2008. № 29. С. 41–46.
6. Лэнгли А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2005. 159 с.
7. Малый энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. М., 1994. Т. 4. С. 1518.
8. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М.: Аграф, 2002. 320 с.
9. Марьясова Н.В. Духовность личности: возможности ее психологической диагностики. Хабаровск, 2008. С. 151.
10. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л.: Академия, 1983. 240 с.
11. Непомнящая Н.И. Ценность и личностное основание. М., 2000. 235 с.
12. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. СПб.: Академический проект, 1999. 206 с.
13. Оксфордский толковый словарь по психологии / Под ред. А. Ребера. М.: Мир, 2002. 540 с.
14. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики. М.: Академия, 2002. 272 с.
15. Попов Л.М. Добро и зло в этической психологии личности. М.: Институт психологии РАН, 2008. 240 с.
16. Психолого-педагогический словарь / Под ред. С. Ю. Циркина. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 544 с.
17. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2003. 508 с.
18. Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник-92. М., 1994. С. 230–259.
19. Селезнева Е.В. Самоосуществление в системе акмеологической культуры человека: Доклад на заседании кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности РАГС 4 марта 2004 года. М., 2004. С. 181–189.
20. Симонов П.В. Между долгом и совестью // Человек. 1995. № 4. С. 105–106.
21. Франкл В. Духовность, свобода, ответственность // Психология личности в трудах зарубежных психологов / Сост. и общ. ред. А.А. Реана. СПб.: Питер, 2000. С. 245–254.
22. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Республика, 1997. 446 с.
23. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М.: Логос-М, 2006. 392 с.
24. Юнг К. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. 317 с.

ABOUT CORRELATION OF CONCEPTS «CONSCIENCE» AND «SELF-REALIZATION»

Baryskova S.A. (Penza)

Summary. The idea of realization is considered by the person of the essence in a context of a problem of conscience. The treatment of conscience from the point of view of process of self-realization deduces on a problem объективации internal essence of the person in correlation with such phenomena as «freedom» and «responsibility». In productive aspect conscience as self-realization is исполненность, реализованность the person in a context of life, in its movement to «goods».

Key words: conscience; self-fulfillment; freedom; responsibility; transcendionary; good.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОЦЕНКИ ПОНИМАНИЯ НАРРАТИВНЫХ И ЭКСПОЗИТОРНЫХ ТЕКСТОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЛАТЕНТНОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С.В. Курицин, В.М. Воронин (Екатеринбург)

Аннотация. Предлагается использование латентного семантического анализа (LSA) в качестве метода компьютерной оценки понимания текста. Проводится сравнительное исследование оценок понимания нарративных и экспозиторных текстов, полученных с помощью LSA и экспертов.

Ключевые слова: латентный семантический анализ; понимание текста; компьютерное тестирование; когнитивное моделирование; обработка дискурса; нарративный текст; экспозиторный текст.

Обучение пониманию текстов является одной из самых важных задач, поставленных перед современным образованием, которое направлено на развитие способностей мышления, выработку практических навыков, изучение процедур и технологий, формирование базовых компетенций. Умение адекватно воспринимать, осмысливать и в результате понимать прочитанное является важнейшим компонентом образовательного процесса.

Проблема оценивания результатов понимания до настоящего времени является малоизученной [1]. Это положение отмечается и в Концепции образовательной области «Филология» (2000): «До сих пор не выработаны научно обоснованные критерии оценки знаний, умений и навыков учащихся...» Несмотря на появление систем оценивания, основанных на критериях правильного выполнения текстового задания (ЕГЭ и др.), массовую школьную практику оценивания результатов понимания текста можно охарактеризовать как рутинную.

Компьютерное тестирование знаний становится все более актуальной и широко распространенной технологией оценки качества знаний обучающихся. Наряду с такими достоинствами, как относительная простота технической реализации, высокая степень автоматизации и минимизация затрат времени на проведение процедуры тестирования, опыт практического использования этой технологии позволяет говорить о следующих проблемах:

- в большинстве из широко распространенных компьютерных систем тестирования используются вопросы, основанные на прямом сравнении ответа с заранее заданным вариантом правильного ответа. Такие тесты подходят для проверки фактологических знаний и понимания концептуальных связей в предметной области, косвенной проверки практических навыков решения задач в определенной предметной области. При этом недоступны для оценивания дискурсивные аспекты знания, связанные со способностью тестируемого практически продемонстрировать свои знания и умения в рассуждениях, дискуссиях, ответах на вопросы собеседников;
- практически невозможно проводить автоматическое тестирование творческих способностей обучающихся, например в рамках гуманитарных специальностей;
- наличие правильного варианта ответа на вопрос не исключает возможность простого угадывания или нахождения правильного ответа по принципу исключения.

Решение отмеченных проблем в настоящее время связывается с компьютерной лингвистикой и технологиями искусственного интеллекта.

На наш взгляд, продуктивным является привлечение метода латентно-семантического анализа (LSA) [6, 8] для преодоления ограничений тестового контроля по выборочному методу. Этот метод позволяет извлекать контекстно-зависимые значения слов при помощи статистической обработки больших наборов текстовых данных, и в его основу заложены принципы анализа главных компонентов, применяемого в создании искусственных нейронных сетей. Совокупность всех контекстов, в которых встречается и не встречается данное слово, задает множество обоюдных ограничений, которые дают возможность определить похожесть смысловых значений слов и множеств слов. Он позволяет моделировать отдельные когнитивные и психолингвистические процессы у человека, и реализация его возможна на современных персональных компьютерах.

Для решения поставленной задачи было необходимо разработать компьютерную программу – имплементацию алгоритма LSA и протестировать ее для русского языка, а также создать необходимый для работы программы корпус русского языка, репрезентирующий общее знание учащихся старших классов.

Экспериментальная апробация LSA в качестве инструмента оценки понимания текстов проводилась нами на примере свободно конструируемых развернутых ответов на понимание текстов двух видов – нарративного и экспозиторного.

Метод LSA (первоначально известный как Латентное семантическое индексирование (Latent Semantic Indexing, LSI) разрабатывался для решения задач поиска и извлечения информации (information retrieval), которое представляет собой выделение из большой базы данных документов небольшого количества документов, релевантных заданному запросу. Предшествующие подходы к решению этой задачи включали в себя поиск по ключевым словам (keyword-matching), удельный вес этих ключевых слов и векторную основу, изображающую наличие слов в документах. LSA распространил векторную основу на декомпозицию на сингулярные значения (Singular Value Decomposition (SVD)) [4] перестройки базы.

Хотя существуют некоторые вариации, но общий алгоритм работы LSA таков [7]:

1. Сбор большого массива (релевантного) текста и разделение его на «документы». В большинстве случаев каждый параграф обрабатывается как отдельный документ. Такой подход основан на том, что информация внутри параграфа имеет тенденцию быть логически связанной (когерентной) и последовательной.

2. Следующий этап – создание смежной матрицы документов и термов. Клетка в этой матрице соответствует документу x и терму y и содержит количество раз, которое y встречается в x . Терм определяется как слово, которое встречается более чем в одном документе, и при морфологическом поиске или другом морфологическом анализе не представляет собой попытки комбинировать различные формы того же слова.

Если есть m термов и n документов, то такая матрица может быть рассмотрена как репрезентация, в которой существует m -мерный вектор для каждого документа и n -мерный вектор для каждого термина.

3. Значение каждой клетки может быть уменьшено за счет эффекта от общих слов, которые встречаются во всем корпусе (т.е. наиболее часто встречаемых слов в общем массиве текстовой информации). Метод общего взвешивания – «логарифм энтропии» – базируется на теории информации (Information Theory), в которой значение повышается при получении информации.

4. SVD способствует осуществлению при помощи параметра k , который точно определяет желаемое число измерений. (В принципе SVD рассчитывается со всеми измерениями и создает три матрицы, которые при перемножении дают исходные данные, но соответствующее количество памяти, которое требуется для такой операции, фактически не реально. Вместо этого используют алгоритмы, оптимизированные для разреженного пространства данных и подсчитывают только наиболее значимые k -измерения матриц.) Результат описанного выше процесса – три матрицы. Одна имеет k -мерный вектор для каждого документа, другая – k -мерный вектор для каждого термина в корпусе, и в третьей – k -сингулярные значения. Первые две матрицы определяют два различных векторных пространства, которые также отличаются от пространства, определяемого исходной матрицей.

LSA начинает процесс изучения с определения частоты встречаемости слов в контекстах («документах»). LSA прочитывает текст в цифровой форме и определяет, когда встречаются слова в каждом сегменте текста и с какой частотой. Если слова соответствуют когнитивным единицам, то необходимо определить каждое слово как очень длинный вектор, содержащий вектор количества раз, когда слово появилось в каждом параграфе или документе. Но известно, что данное решение неудовлетворительно: причина, по которой пропозициональные репрезентации занимают первое место в исследованиях процессов понимания, такова, что слова не могут яв-

ляться аналогами когнитивных единиц. Итак, вместо прямого определения слов в терминах документов (и документов в терминах слов) LSA заменяет семантическое приближение, что радикально уменьшает измерение пространства. Это делается с помощью хорошо известной техники декомпозиции матрицы на сингулярные значения. Теорема, взятая из алгебры, гласит, что любая квадратная матрица \mathbf{M} может быть разложена на три матрицы:

$$\mathbf{M} = \mathbf{A} * \mathbf{D} * \mathbf{A}'$$

где \mathbf{A} и \mathbf{A}' матрицы составляют собственный вектор (eigenvector) матрицы и \mathbf{D} – диагональная матрица с собственными значениями (eigenvalues) (или сингулярными значениями) матрицы. В LSA нас интересуют не квадратные матрицы, а теорема, выведенная для неквадратных (non-square) матриц. Собственное значение последовательно в терминах их величины или важности. Умножение трех матриц приводит к возврату к исходной матрице. LSA отбрасывает большинство собственных значений (и связанных с ним собственных векторов) и сохраняет только наибольшие, представляя 300 самых больших. Перемножение трех матриц, таким образом, уменьшает и не воспроизводит точно \mathbf{M} , но приближает к оригинальной \mathbf{M} . Таким образом, это является значительным преимуществом. Исходная матрица также содержит множество информации о всех деталях и случаях употребления слова. Путем отбрасывания всех этих деталей мы сохраняем только сущность значения каждого слова, это чистая семантическая структура, индифферентная к специфичным ситуациям. При таком конструировании семантического пространства, как правило в 300 измерений, каждое слово и документ исходной матрицы могут быть представлены как вектор. Более того, новые слова и документы могут быть вставлены в это пространство и просчитаны с любым исходным вектором. Есть различные способы сравнения векторов; рассмотрим в качестве примера один из них – он наиболее тесно связан с корреляцией: измерение связанности (relatedness) между векторами – нахождение косинуса между векторами в многомерном семантическом пространстве. Одинаковые векторы имеют косинус, равный 1, ортогональные векторы имеют косинус, равный 0, и противоположные векторы имеют косинус, равный –1. Например, «дерево» и «деревья» имеют $\cos = 0,85$; «дерево» и «кошка» существенно независимы, $\cos = -0,01$; «кошка» и «собака, преследующая кошку» – $\cos = 0,36$ (по данным Kintsch [6]).

Макроединицы текста могут также быть представлены как векторы в LSA-пространстве. Действительно, как только текст был проанализирован по составляющим его словам и пропозициям, вектор, репрезентирующий текст в целом, – просто центроид составляющих векторов. Таким образом, макроструктура текста свободно создается на основе только что созданной микроструктуры текста (учитывая, что соответствующие мак-

роединицы ясно обозначены в тексте). Следовательно, макроединицы могут так же принимать участие в процессе активации знания, как слова или пропозиции.

Как отмечалось выше, для апробации метода LSA в качестве инструментария оценки понимания было необходимо создать корпус русского языка и программу – имплементацию алгоритма LSA. Русский корпус LSA, созданный для этого исследования, содержит документы, отражающие базовые знания среднестатистического российского школьника к 11-му классу. Он включает литературу, обязательную к прочтению в рамках школьной программы, учебники по всем школьным дисциплинам до 11-го класса, научно-популярные, художественные и фантастические произведения, энциклопедии, газетные статьи, сценарии фильмов, стенограммы специализированных интернет-форумов и т.д., т.е. ту информацию, которая, на наш взгляд, в достаточно большой степени репрезентирует базовые знания учеников 11-х классов. В целом корпус состоит из 71 267 документов (т.е. параграфов), включает 4 661 954 различных термина (без применения стемминга, т.е. без возврата словам их исходных форм). Размерность корпуса была определена опытным путем в 337 измерений.

Все вычисления мер LSA производились в специально разработанной программе, использующей имплементацию алгоритма LSA. Программа была написана на языке C для операционной системы Microsoft Windows и оптимизирована для параллельных и распределенных вычислений для процессоров компании Intel.

Методы исследования

В этом исследовании использовался LSA как процедура оценки семантического подобия между пересказом и исходным текстом. Для целей этого исследования способность LSA моделировать человеческие суждения о пересказе была проверена шестью различными способами. В литературе [2, 5, 9] различаются холистический (holistic) (H) и компонентный, или аналитический, методы (componential) (C). Принципиальные различия, которые существуют между холистическими и компонентными методами, основываются на том, как они оценивают пересказ. В то время как холистические методы обеспечивают полную оценку, основываясь на подобии пересказу исходного (глобального) текста, компонентные методы обеспечивают оценку, вычисляя подобие между множественными компонентами пересказа (например, между предложениями, когерентностью, дополнительными или главными темами).

Согласно Foltz и др. [2], каждый подход имеет свои преимущества. В то время как холистический метод может типично обеспечивать более точную меру полной итоговой качественной оценки, компонентный метод оценки может обеспечить более детализированные данные о том, какие компоненты пересказа были оцене-

ны лучше. В этом исследовании были выбраны шесть различных методов – четыре холистических и два компонентных.

Метод H1. Пересказ – исходный текст. Этот холистический метод заключается в сравнении пересказа каждого испытуемого с исходным текстом мерой косинуса между ними. Так, чем выше косинус между пересказом и текстом, тем лучше будет качество пересказа. Этот метод был применен E. Kintsch и др. [5] для задачи оценки пересказа в программе Summary Street.

Метод H2. Пересказ – пересказ. Этот метод заключается в анализе пересказов, написанных обучающимися, для установления подобия среди всех них. Каждому пересказу присваивается среднее значение его косинуса по сравнению с остальными пересказами, что означает, что пересказ, наиболее подобный остальной части пересказов (т.е. со всеми пересказами, данными обучающимися), получил бы самую высокую оценку, второй по мере подобия пересказ получил бы вторую наивысшую оценку и т.д. Landauer, Laham и др. [9] использовали подобный метод, но применяли вместо ранговой системы оценки матрицу расстояний (1-косинус). Матрица расстояний между всеми пересказами была «развернута» к единственному измерению (континууму), которое лучше всего восстанавливало все расстояния, и точка, соответствующая конкретному пересказу, в этом измерении бралась как мера его качества.

Метод H3. Пересказ – экспертный пересказ. Третий холистический метод заключается в оценке пересказов обучающихся путем сравнения их с эталонным пересказом, написанным экспертами-оценщиками. Таким образом, пересказ обучающегося, наиболее подобный экспертному пересказу, оценивается как наилучший, обладающий высшим качеством. В настоящем исследовании четыре пересказа, написанных экспертами-оценщиками, были выбраны как стандарт и оценка каждого пересказа обучающегося была вычислена как его косинус LSA со стандартом. Подобный метод использовался Landauer, Laham и др. [9] для пересказов обучающихся.

Метод H4. Предградуированный пересказ – неградуированный пересказ. Этот заключительный холистический метод заключается в предварительной оценке набора пересказов обучающихся экспертами-оценщиками. Набор пересказов сначала градуируется экспертами-оценщиками, затем вычисляется косинус между каждым неградуированным и каждым предградуированным пересказом, а каждому новому пересказу присваивается среднее значение косинусов небольшого набора (10) близко подобных пересказов. Главная сила этого метода – то, что он рассматривает человеческие суждения (оценки экспертов-оценщиков) как начальную фазу. Этот метод был применен Landauer, Laham и др. [9] для пересказов обучающихся.

Метод C1. Пересказ – предложения исходного текста. Этот компонентный метод заключается в исследо-

вании подобия пересказа обучающегося и каждого предложения в исходном тексте, который был прочитан. Вычисленный косинус, таким образом, среднее значение косинуса между пересказом обучающегося и всеми предложениями исходного текста.

Метод С2. Пересказ – главное предложение исходного текста. Этот последний компонентный метод очень схож с предыдущим. Он состоит в вычислении и усреднении косинусов между каждым предложением в пересказе обучающегося и рядом предложений исходного текста, которые эксперты посчитали наиболее важными. Этот метод был применен P. Foltz, D. Laham и T. Landauer [3] для пересказов обучающихся.

Характеристика выборки

В качестве испытуемых выступали 22 учащихся 11-х классов общеобразовательной школы, а в качестве экспертов – 4 преподавателя (в том числе один кандидат психологических наук).

Процедура исследования

Задача испытуемых заключалась в передаче содержания текстов (нарративного и экспозиторного). Пересказы писались учениками от руки и затем перекодировались в электронную форму. Эксперты-оценщики оценивали пересказы по двум шкалам: по содержанию (от 0 до 4 баллов) и по когерентности (от 0 до 6 баллов).

В качестве нарративного текста использовался русский перевод рассказа «Circle Island» («Остров Круга») [10]. Этот рассказ состоит из 170 слов и требует определенного фоновознания для понимания. Данный текст был выбран в силу того, что является типичным нарративным текстом, поскольку изначально создавался для демонстрации пропозициональной схемы нарративного текста и психологического объяснения понимания такого текста.

В качестве экспозиторного текста была взята статья из энциклопедии, адаптированной для общих навыков чтения всех испытуемых, о деревьях в джунглях. Статья содержала 500 слов и также требовала предшествующего общего знания. Текст был выбран в качестве типичного экспозиторного текста, поскольку в нем присутствуют концептуализация знаний, причинно-следственные связи, специфическая терминология. К тому же текст аналогичен тем текстам, которые ученики изучают на уроках биологии в 11-м классе.

Результаты

Полученные данные прошли три ступени анализа. Во-первых, для каждого типа текста была оценена надежность Interrater оценок экспертов-оценщиков (согласованность оценок экспертов-оценщиков) и проведен

корреляционный анализ мер косинуса LSA, полученных с помощью вышеупомянутых шести методов с оценками экспертов-оценщиков для каждого типа текста и каждого оцениваемого компонента (т.е. содержания и когерентности). Во-вторых, было произведено сравнение полученных корреляций с целью оценить относительную надежность методов для каждого типа текста и каждого компонента, используя дисперсионный анализ ANOVA (методы к тексту, к оценке). В-третьих, был проведен регрессионный анализ для оценки независимой пропорции различий оценок экспертов-оценщиков, объясняемой каждым методом.

Тест надежности Interrater оценок экспертов-оценщиков

Перед анализом того, является ли LSA надежным инструментом в оценке пересказа, было необходимо проверить надежность оценок экспертов-оценщиков. Для нарративного текста корреляции общих оценок варьировались от 0,79 до 0,84 (коэффициент Пирсона). Эти данные использовались как основание для сравнения корреляции между оценками экспертов-оценщиков и LSA. Тест надежности Interrater содержания варьировался от 0,81 до 0,86, а когерентности – от 0,66 до 0,75. Для экспозиторного текста надежность общих оценок экспертов-оценщиков варьировалась от 0,64 до 0,82 (коэффициент Пирсона). Тест надежности Interrater содержания варьировался от 0,53 до 0,81, а когерентности – от 0,58 до 0,79.

Анализ корреляций между косинусом LSA и оценками экспертов-оценщиков

В нарративном тексте корреляции между оценками LSA и оценками экспертов-оценщиков были просчитаны для каждого метода (табл. 1). Все корреляции были положительны и статистически значимы ($p < 0,001$). Для шести методов все корреляции между оценками экспертов-оценщиков и косинусами LSA были подобны, таким образом, все методы работали в сходной манере. В частности, для нарративного текста холистические методы сопоставимы с компонентными методами. Обнаруженные корреляции сопоставимы с обнаруженными в [5] для текстов о древних цивилизациях.

Корреляции между оценками LSA и оценками экспертов-оценщиков для экспозиторного текста показаны в табл. 2. Для первых пяти методов все корреляции были положительны и статистически значимы ($p < 0,01$). Метод Пересказ – главное предложение исходного текста (С2) показывает статистически незначимую корреляцию между оценкой третьего эксперта-оценщика и косинусом LSA. Для экспозиторного текста эти шесть методов не работают подобным образом, как для нарративного текста. При симулировании LSA оценок экспертов-оцен-

Таблица 1

Корреляционная матрица оценок пересказов LSA и экспертов-оценщиков для нарративного текста

Метод	Эксперт 1	Эксперт 2	Эксперт 3	Эксперт 4
H1 – пересказ – исходный текст	0,55***	0,54***	0,60***	0,47***
H2 – пересказ – пересказ	0,54***	0,55***	0,57***	0,49***
H3 – пересказ – экспертный пересказ	0,52***	0,52***	0,53***	0,46***
H4 – предградуированный пересказ – неградуированный пересказ	0,57***	0,50***	0,53***	0,50***
C1 – пересказ – предложения исходного текста	0,58***	0,56***	0,60***	0,50***
C2 – пересказ – главное предложение исходного текста	0,57***	0,55***	0,59***	0,48***

*** $p < 0,001$.

Таблица 2

Корреляционная матрица оценок пересказов LSA и экспертов-оценщиков для экспозиторного текста

Метод	Эксперт 1	Эксперт 2	Эксперт 3	Эксперт 4
H1 – пересказ – исходный текст	0,40***	0,33***	0,37***	0,40***
H2 – пересказ – пересказ	0,42***	0,42***	0,31***	0,48***
H3 – пересказ – экспертный пересказ	0,56***	0,52***	0,41***	0,61***
H4 – предградуированный пересказ – неградуированный пересказ	0,52***	0,57***	0,48***	0,63***
C1 – пересказ – предложения исходного текста	0,27***	0,22**	0,22**	0,27***
C2 – пересказ – главное предложение исходного текста	0,21**	0,17*	0,14	0,22**

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

щиков некоторые методы более надежны по сравнению с другими. В целом во всех изученных случаях для экспозиторного текста холистические методы были более надежны, чем компонентные.

Дисперсионный анализ корреляционных данных

Чтобы сравнивать все корреляционные данные и сделать выводы о них, был выполнен дисперсионный анализ ANOVA (6 (Методы) на 2 (тип текста, нарративный и экспозиторный) на 2 (вид оценки, содержание и когерентность)).

Результаты ANOVA показывают, что оценка, основанная на семантическом подобии, хорошо соответствовала человеческой оценке. Семантическое подобие исходит из сравнения пересказа с исходным текстом, с пересказом, сделанным экспертами, с частью пересказа, или, в случае компонентных методов, с предложениями исходного текста. Таким образом, семантические отношения становятся важным индикатором при оценке общего качества пересказа.

Регрессионный анализ

Для определения того, что выбранные методы оценивают сходным образом, и того, что они измеряют независимо, необходимо было выполнить регрессионный анализ, в котором была бы оценена та пропорция разницы суждений экспертов, которую каждый объясняет независимо.

Восемь пошаговых регрессионных моделей были выполнены на данных для каждого типа оценки того, как различные методы объясняют независимую пропорцию разницы в оценках содержания и оценках когерентности экспертов-оценщиков. Четыре пошаговые регрессионные модели были выполнены для прогнозирования содержания (одна для каждого эксперта-оценщика) и четыре модели – для прогнозирования когерентности. Независимые переменные были шестью методами, используемыми в данном исследовании.

Результаты показали устойчивый паттерн для двух типов текста. Метод H4 (*предградуированный пересказ – неградуированный пересказ*) присутствовал во всех регрессионных моделях. Кроме того, все 16 регрессионных моделей, за исключением одной, содержали другой метод в заключительном уравнении модели. Регрессионный анализ показал, что при комбинировании двух наиболее успешных методов процент объясняемой разницы для экспозиторных текстов может достичь процента объясняемой разницы для нарративных текстов. Или, другими словами, предсказание человеческих суждений при комбинировании несколько методов улучшилось для экспозиторных текстов, чем для нарративных.

Общие выводы

Результаты показали, что существуют различия в способе, которым методы ведут себя относительно нарративных и экспозиторных текстов. Таким образом, надежность LSA была выше для нарративного текста, чем

для экспозиторного, с подобием между оценками экспертов-оценщиков и косинусами LSA, являющимися больше для содержания, чем для когерентности.

Следующие выводы относятся к вопросу об относительной надежности различных методов, основанных на LSA, для вычисления качества пересказа. Во-первых, сравнение всех методов показало, что они все ведут себя одинаково хорошо для нарративных текстов, с корреляциями, подобными найденным Kintsch и др. [5]. Однако компонентные методы эксплицитно хуже выполнялись для экспозиторных текстов. Мы можем выразить это также, говоря, что методы, которые используют информацию исходного текста, чтобы оценить пересказ, были хуже. Методы Н4 (*предградуированный пересказ – неградуированный пересказ*), Н3 (*пересказ – экспертный пересказ*), Н2 (*пересказ – пересказ*) были значительно лучше. Эти три метода используют для конечной оценки только информацию, содержащуюся в пересказе. Три худших метода используют информацию, основанную на исходном тексте. Кроме того, LSA в нарративном тексте коррелирует больше с оценками содержания экспертов-оценщиков, чем с оценками когерентности экспертов-оценщиков. Однако для экспозиторного текста

мы обнаружили противоположные результаты. Эти различия могли появиться из-за того, как LSA оценивает содержание в нарративном тексте. Оценки когерентности и содержания экспозиторного текста и оценки когерентности нарративного текста фактически одинаковы. Фактически различия между когерентностью и содержанием не были статистически значимы.

Если эти данные показали, что холистические методы были более надежны, чем компонентные методы, то это также подтверждает идею о том, что LSA может обеспечить более точное измерение общего качества пересказа в противоположность предоставлению более определенной информации относительно того, какие компоненты пересказа могут быть оценены лучше. Эта точка зрения также предполагает, что LSA более чувствителен к оценке того, как семантическая информация обрабатывается в терминах концептуализации и абстракции, а не к оценке с помощью компонентных методов.

Результаты показали, что метод Н4 (*предградуированный пересказ – неградуированный пересказ*), дополненный методом Н3 (*пересказ – экспертный пересказ*), может использоваться для лучшего прогнозирования пропорции разницы в человеческих суждениях.

Литература

1. Шановал С.А. Понимание текстов как результат решения учебных филологических задач: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
2. Foltz W., Gilliam S., Kendall S. Supporting content-based feedback in on-line writing evaluation with LSA // *Interactive Learning Environments*. 2000. № 8. P. 111–128.
3. Foltz P., Laham D., Landauer T. Automated Essay Scoring: Applications to Educational Technology // *Proceedings of World Conference on Educational Multimedia, Hypermedia and Telecommunications* 1999. Chesapeake, VA: AACE, 1999. P. 939–944.
4. Golub G.H., Luk F.T., Overton M.L. A block Lanczos method for computing the singular values and corresponding singular vectors of a matrix // *ACM Transactions on Mathematical Software*. 1981. № 7. P. 149–169.
5. Kintsch E., Steinhart D., Stahl G. Developing Summarization Skills through the Use of LSA-Based Feedback // *Interactive Learning Environments*. 2000. № 8(2). P. 87–109.
6. Kintsch W. *Comprehension: A paradigm for cognition*. N.Y.: Cambridge University Press, 1998.
7. Landauer T.K., Dumais S.T. A solution to Plato's problem: the Latent Semantic Analysis theory of the acquisition, induction, and representation of knowledge // *Psychological Review*. 1997. № 104.
8. Landauer T.K., Foltz P.W., Laham D. Introduction to Latent Semantic Analysis // *Discourse Processes*. 1998. № 25. P. 259–284.
9. Landauer T.K., Laham D., Rehder B., Schreiner M.E. How well can passage meaning be derived without using word order? A comparison of Latent Semantic Analysis and humans // *Proceedings of the 19th annual meeting of the Cognitive Science Society*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1997. P. 412–417.
10. Thorndyke P.W. Cognitive structures in comprehension and memory of narrative discourse // *Cognitive Psychology*. 1977. № 9. P. 11–110.

APPLICATION OF LATENT SEMANTIC ANALYSIS FOR ASSESSMENT OF COMPREHENSION OF NARRATIVE AND EXPOSITORY TEXTS
Kuritsin S.V., Voronin V.M. (Ekaterinburg)

Summary. The paper describes an application of latent semantic analysis (LSA) as a method for computer assessment of text comprehension. Comparative research of assessments of comprehension of narrative and expository texts for LSA and experts is conducted.

Key words: latent semantic analysis; text comprehension; computer assessment; cognitive modeling; discourse processing; narrative text; expository text.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНЕННОГО САМООСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПСИХОЛОГИИ

И.О. Логинова (Красноярск)

Аннотация. Показаны возможности системной антропологической психологии как методологического основания, адекватного тенденции развития науки, идущей по линии ее антропологизации. Обосновано обращение к вопросам жизненного самоосуществления человека.

Ключевые слова: жизненное самоосуществление человека; антропологизация; онтологизация; системная антропологическая психология.

Проблема жизненного самоосуществления человека может быть отнесена к числу самых сложных психологических проблем в силу ее полидисциплинарности и широкой представленности в философии, философской антропологии, культурологии и других науках, что затрудняет объективацию ее как собственно психологической проблемы. Трудно не согласиться с Л.С. Выготским, который заметил, что «правильная постановка вопроса есть не меньшее дело научного творчества и исследования, чем правильный ответ, – и гораздо более ответственное дело» [2. С. 39]. «Правильная постановка вопроса» и решение данной проблемы становятся возможными именно в психологической науке, выходящей к целостному человеку, неотъемлемой характеристикой которого и является жизненное самоосуществление.

В пользу психологии как флагамена в исследованиях целостного человека говорит и тот факт, что именно в этой науке возникли идеи «человекознания» (Б.Г. Ананьев), охватывающие предельно широко проблему человека, благодаря чему обрели статус научной панорамы фило-, онто-, антропо-, социо-, био-, субъектоконтексты изучения человека. Кроме того, именно этот базис лег в основу новых направлений исследования в психологии – акмеологии (и ее дополняющей – дифференциальной акмеологии), психологической антропологии (и ее дополняющей – дифференциальной антропологии), обеспечивающих глубину и содержательность изучения различных проявлений человека [20. С. 163]. Данные идеи, выступающие «научной эстафетой», характеризуют «расцвет» «на клумбе психологии», о чем свидетельствуют дискуссионные работы современных ученых, посвященные проблемам методологического плюрализма (Смирнов С.Д., 2005), методологического либерализма (Юревич А.В., 2005), методологии гуманитарных наук (Гусельцева М.С., 2005, 2006; Кольцова В.А., 2007), методологических установок в психологии (Гусельцева М.С., 2006; Юревич А.В., 2005), интегративных процессов в психологической науке (Юревич А.В., 2006), коммуникативной методологии (Мазилов В.А., 2003), обозначающие новые пространства исследований, порождаемые переопределением предмета науки (Клочко В.Е., 2007). В.В. Знаков также отмечает

«возрастающее значение» исследований, посвященных человеческому бытию во всей его целостности, отражающих «эволюцию в методологии науки» [6. С. 86–87].

А. Бергсон в работе «Творческая эволюция» заметил, что «чем больше фиксируешь внимание на этой непрерывности жизни, тем больше замечаешь, что органическая эволюция приближается к эволюции сознания, где прошлое напирает на настоящее и выдавливает из него новую форму, несоизмеримую с предшествующими» [1]. А.Б. Орлов (2002) указывает, что «сама жизнь порождает предмет и задачи новой психологии ...сама жизнь превращает одну из школ, одно из направлений ... психологии... в ведущее направление» [17. С. 23]. Такое порождение жизнью новых идей есть не что иное, как проявление тенденции развития науки, выводящей исследователей к особой психологической реальности, за которой открываются перспективы эволюционного движения, проявляющиеся в разнообразии научных теорий, являющихся неотъемлемым атрибутом научного прогресса, при этом само это разнообразие выражает его эволюционную направленность [3. С. 226].

Не оспариваются перспективы развития методологии современной психологии, связанные с раскрытием связи общеметодологических и конкретно-научных принципов и методов исследования, с осознанием связи с культурологией, науковедением, эпистемологией науки, поиском новых эффективных форм взаимодействия и взаимовлияния науки и практики [11]. Основанием таких перспектив выступает методологическая рефлексия по отношению к потребностям логики развития психологического знания, к которым относится «интенсивное развитие психологического знания, сопровождающееся процессами дифференциации и интеграции ...ростом методологического самосознания» ученых, «усложнением стоящих перед психологией задач, требующих совершенствования способов и методов исследования» [11. С. 6]. Раскрывая суть рефлексии, В.И. Слободчиков подчеркивает, что данное понятие означает высвобождение сознания из любой поглощенности, а различные уровни рефлексии есть ступени такого высвобождения. Можно сказать, что рефлексия расши-

ряет возможности исследователя, позволяя обнаружить человеку свой собственный способ существования, который не является данностью и не носит окончательный характер. Что касается методологической рефлексии, то это возможность ученым выйти за рамки сложившегося типа рациональности, сравнивая себя как исследователя с другими представителями научного сообщества на основании сложившихся норм и ценностей науки (сравнительная рефлексия) и определяя границы собственных возможностей (определяющая рефлексия). Думается, что это один из возможных путей выхода исследователей к новым рубежам, становящихся «реалиями» психологической науки.

М.С. Гусельцева, анализируя культуру как психологическую реальность, отмечает основополагающие черты гуманистических культур, к которым относит синтетичность, стремление к целостности, динамичность и изменчивость, насыщенность смыслами и неопределенность, установку на развитие, свободу, радость и оптимизм, доброжелательное и терпимое отношение к человеку. Именно гуманистически ориентированные культуры «вынашивают образ целостного человека, заботятся о его духовном развитии» [4. С. 19]. В этой же связи логика автора такова, что увеличившееся количество публикаций по проблеме целостного человека, участвовавшее использование термина «самоосуществление» можно рассматривать как показатель выхода культуры в фазу гуманизации (в реальности, отмечает автор, гуманистические культуры существуют в виде малых сообществ людей, например научных школ), провозглашающей свободный выбор и ответственность человека за свою судьбу и мир в целом.

Однако за этими проявлениями культуры можно увидеть и более системные изменения в науке. В.Е. Ключко считает, что прогрессивную эволюцию определяют силы, «пребывающие в потенции», которая при определенных условиях обретает направленность, «обеспечивающую движение системы по линии усложнения ее системной организации». За многообразием «переживаемых» психологической наукой кризисов, сдвигов, тенденций «открывается» антропологизация как наиболее ярко проявляющаяся тенденция развития, определяющая направление движения и его содержание [7. С. 109]. Так, в ряде исследований В.Е. Ключко (2005, 2007, 2008) было показано, что такие заметные тенденции, как гуманизация, гуманитаризация, онтологизация психологического познания, о которых пишет М.С. Гусельцева, на самом деле представляют собой различные проявления общей тенденции развития науки по линии ее антропологизации. Эта тенденция обусловлена как формирующимся социальным заказом на исследование феномена жизненного самоосуществления человека, познание его сущности, механизмов и стратегий жизненного самоосуществления как проявлений устойчивой подвижности системы, так и состоянием самой психологической науки, в рамках которой подобный соци-

альный заказ может быть по-настоящему принят, поскольку он подготовлен теоретико-методологическим заделом, который постепенно обретает психология в процессах онтологизации психологического познания и постепенного выдвижения человека в качестве предмета науки. Данная тенденция «с силой стальной пружины» (Л.С. Выготский) выводит исследователей к обозначению круга проблем, касающихся человека как системы, открытой в мир, обретающей благодаря этому признаки многомерности, обеспечивающей ценностно-смысловую обусловленность поведения и деятельности человека и стремящейся к нормотворчеству и постоянному выходу за пределы себя как условию устойчивого бытия (А.К. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, Л.И. Божович, Б.С. Братусь, Л.С. Выготский, М.Р. Гинзбург, О.С. Газман, Э.В. Галажинский, Г.В. Залевский, В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева, Л.А. Коростылева, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, В.Н. Мясищев, Г. Оллпорт, К. Роджерс, В.В. Столин, В.И. Слободчиков, Э. Фромм, В. Франкл и др.). Ученый видит за данными проявлениями попытки психологов использовать все потенциальные источники, которые способны хотя бы намекнуть на наличие в них знания о природе человека как целостного явления. Как раз на то, что этот процесс реально происходит в науке, указывает, считает В.Е. Ключко, возникновение различных проектов гуманистической, экзистенциальной, гуманитарной, христианской и т.п. психологий. Данная тенденция, по мнению Т.В. Черниковой, определяет качественно иной уровень разработки идей, теорий, поскольку «порождает новое отношение к миру в форме экзистенциального знания, развитие возможностей человека к самопреобразованию» [21. С. 86].

А.П. Огурцов (2002) считает, что эпоха замкнутых систем прошла, благодаря чему создаются многообразные формы антропологического знания, ориентирующиеся на различные научные дисциплины, задающие новые перспективы и ставящие проблемы, исходя из своей установки и своей методологии [16], руководствуясь антропологическим способом рассмотрения проблем, ставящим вопросы о том, насколько полны специально-научные данные о человеке, исходя из целостности человека, из жизни человека как целостного феномена.

Термин «жизненное самоосуществление» человека (man vital self-fulfillment), приобретающий все большую популярность среди ученых-психологов, социологов, педагогов, философов, отражает не столько «модную» идею, сколько тенденцию развития науки, выходящей к вопросам осуществления человеком себя в мире. Е.В. Некрасовой подмечено, что «психологический феномен превращается в проблему, когда для этого создаются определенные методологические, теоретические, методические предпосылки в науке» [15. С. 12]. Считаем, что такие предпосылки, наряду с общенаучными, представленными выше, есть.

Во-первых, методологическим ориентиром постановки проблемы жизненного самоосуществления человека является переход науки к постнеклассическому этапу развития, когда предметом исследования выступают сверхсложные и эволюционирующие системы, имеющие, как правило, уровневую организацию структуры, в качестве существенного фактора своей динамики включают вероятностное поведение. Особую роль в становлении постнеклассического типа рациональности сыграли труды разработчиков философско-методологических проблем системных исследований (А.Н. Аверьянов, Л. фон Берталани, В.П. Кузьмин, В.С. Степин и др.), теорий самоорганизации в открытых системах (И.Р. Пригожин, Г. Хакен, С.П. Курдюмов, Д.С. Чернавский, В.Г. Буданов и др.). В основе постнеклассических идей, по мнению Ю.В. Лоскутова, лежит общенаучная концепция «универсального эволюционизма», объединяющая идеи эволюционного и системного подходов, благодаря чему становится возможным «решение вопроса об отношении человека к миру, а именно утверждение приоритета глубинных человеческих интересов и ценностей, человеческой практики по отношению к окружающему миру» [12. С. 156]. Эта онтологическая специфика постнеклассических исследований порождает соответствующую специфику ее научных оснований: обнаруживается усложнение по предмету исследования (человекоразмерные системы), по методу (комплексность и полиоперациональность), по организации (междисциплинарные), задавая ориентир на преодоление раздробленности научного знания. В этой связи постнеклассическая рациональность существенным образом меняет образ самой науки – доминирует системная методология, сближающая противостоящие естественно-научную и гуманитарную методологии исследований, а следовательно, две научные культуры – естественно-научную и гуманитарную, определяя возможность гармоничного видения человека. Игнорировать эти изменения – все равно, что «перепрыгнуть через методологию» [2. С. 107], потеряв при этом все отправные точки систематического и целенаправленного движения психологической науки.

Изменения в мировоззрении ученых, уровне мышления, вызванные реализацией постнеклассических идей, обеспечивают возможность исследовать системы более высокого порядка – саморазвивающиеся системы, поскольку осуществляется отказ от принципа отражения реальности в пользу принципа порождения субъективной реальности, позволяя обнаруживать взаимопереходы и взаимопроникновения мира и человека, за которыми открываются «трансубъективные пространства человека» (Д.Н. Узнадзе), «многомерный мир человека» (А.Н. Леонтьев), «жизненные пространства» (К. Левин), «жизненная онтология» (С.Л. Рубинштейн), «со-бытие» (В.И. Слободчиков). Смена мышления исследователей, таким образом, есть не что иное, как ме-

тодологические предпосылки к постановке обозначенной выше проблемы.

Во-вторых, для того чтобы выйти на уровень «чувствительности» к оформившимся в науке теоретическим предпосылкам, необходимо признать, что «настоящая наука призвана работать за пределами очевидного, ее механизм – теоретическое мышление» [8. С. 106], благодаря которому «отправной точкой системы координат» [14] выступает теоретически определенный предмет исследования: «Сегодня психология вновь системно усложняет свой предмет, выходя за пределы субъективного к системному определению субъективного и объективного в одной системе собственно психологических координат» [8. С. 111]. Определение предмета психологической науки как самоорганизующейся психологической системы – человека – позволяет теоретически осмыслить содержание жизненного самоосуществления человека, а следовательно, и те предпосылки, которые определяют возможность обозначения данной проблемы.

Зрелая давно в умах представителей философской антропологии, психологии, идеи о человеке (Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, Л.С. Выготский, В.П. Зинченко, В.В. Знаков, М.К. Мамардашвили, С.Л. Рубинштейн, Ж.П. Сартр, В.И. Слободчиков, Д.Н. Узнадзе, П.А. Флоренский, С.Л. Франк и др.), определяющие теоретические основания данного исследования, постепенно «выводили» ученых к пониманию, что «внутреннее» есть «в то же время вывернутая наша внутренность» [13. С. 115], состоявшаяся в процессе взаимодействия с «внешним», преобразившим и «внешнее» и «внутреннее». Теоретической предпосылкой возможности постановки проблемы жизненного самоосуществления человека выступает также сформировавшаяся теория психологических систем (В.Е. Ключко, О.М. Красноярцева, Э.В. Галажинский), «шагнувшая» в процессе становления из неклассики в постнеклассику и продолжающая свое поступательное развитие в виде системной антропологической психологии, являющейся концептуальным контекстом нашего исследования.

Необходимость обращения к понятию «жизненное самоосуществление» человека в теоретическом плане определяется и тем, что без его четкого определения (как понятия более высокого порядка) невозможно понять суть таких явлений, как самореализация, самоактуализация, и других проявлений «само» человека в контексте разворачивающейся жизни человека.

Будучи представленным в рамках различных научных отраслей, подходов, теорий, школ и направлений, понятие «жизненное самоосуществление» человека не обрело единого понимания. Обнаруживается ситуация, когда психологам на рубеже XX–XXI вв. становится явно недостаточно терминов «саморазвитие», «самоактуализация», «самореализация» для описания (и объяснения) таких проявлений человека, которые «схватывают» переход возможности в действительность в актах взаимо-

действия человека с миром. Непонятным для многих представителей сообщества остается вопрос о том, откуда берутся эти самые возможности человека («изнутри»? или черпаются из среды, содержащей эти возможности? как человек обнаруживает эти возможности?). Вопросов множество. И версий, собственно, немало. Отсюда и «разноголосица» синонимичного ряда: самоосуществление человека, самоосуществление личности, жизненное самоосуществление, способность к самоосуществлению, готовность к самоосуществлению, – за которым скрывается позиция каждого исследователя, стремящегося «нащупать твердую почву под ногами». Эта ситуация характеризует происходящие сегодня «внутренние и не оформившиеся процессы» в науке, которые есть показатель «тенденции развития, реформы и роста», поскольку «смутное состояние языка в психологии отражает смутное состояние науки» [2. С. 62]. Поэтому «выбор слова есть уже методологический процесс» [2. С. 70].

В-третьих, предпосылки в области методического обеспечения психологических исследований проявляют себя в том, что на фоне еще сохраняющегося противоречия идеографического и номотетического подходов обнаруживается тенденция к комплексности и сочетанию разнообразных методических приемов изучения реальной жизнедеятельности людей. Этим объясняется активное использование учеными наряду с объяснительными методами биографического метода (Березина Т.Н., 2001), герменевтического метода (Брудный А.А., 1998; Знаков В.В., 1999), метода нарратива (Е.В. Некрасова и др.), транспективного анализа становления человека (Клочко В.Е., 2005), учитывающих особенности становления человека как закономерно усложняющейся пространственно-временной организации. В предисловии в третьему номеру журнала «Мир психологии» за 2003 г. Э.В. Сайко отметил, что «само становление человека – это сложный длительный целостный процесс (заданный объективно сформированными связями определенных феноменов в общей эволюции), обуславливающий формирование сущностных оснований человека, его свойств, качеств с тенденцией развития уровней и форм осуществления, – свойств, проявляющихся в способности стать субъектом и воспроизводить в себе человека, способности, которая развивается и исторически, и в онтогенезе» [19. С. 5].

В этой связи исследование жизненного самоосуществления человека с учетом обозначившихся в науке методических изменений можно считать в определенной степени подготовленным «методологическим переворотом, связанным со смещением интереса от универсальных законов к уникальным событиям, с переходом от общих схем исследования к ситуативному анализу» [5. С. 4], а следовательно, позволяет и на этом уровне организации исследования обозначить проблему.

Несомненно, что полный объем предпосылок, позволяющих обосновать возможность постановки пробле-

мы жизненного самоосуществления человека, перечислить невозможно, поскольку часть из них недоступна исследователю в силу самодетерминации и саморазвития научного знания. Тем не менее обозначение того объема предпосылок, который доступен исследователю, задает направление, определяет логику реального исследования. Кроме того, проблемы «входят в мир только вместе с жизнью» [18. С. 208], и именно жизнь обеспечивает «касание случая, но случая – не такого, который прошел мимо нас, а случая, который пошел нам на пользу, оказался продуктивным» [13. С. 315]. Думается, что продуктивность случая можно будет оценить по ходу решения обозначенной проблемы.

Для нас обозначение и рассмотрение понятия «жизненное самоосуществление» человека – это вопрос о становлении собственно человеческого в человеке, механизмах человекообразования, которые решает современная психологическая наука, это вопрос о самоосуществлении человека как способе предъявления себя миру и в этом открывающем для себя новые возможности. Важно отметить, что данное понятие имеет непосредственное отношение именно к человеку (не личности, не индивидуальности, не субъекту), выступающему «отправной точкой системы координат» (М.К. Мамардашвили) в данном исследовании. Системообразующим основанием теории, на которое мы опираемся, выступает представление о человеке как о сложной самоорганизующейся системе, режимом существования которой является саморазвитие, содержательное наполнение которой включает самого человека, взятого в единстве с той частью объективного мира, которая составляет его (человека) действительность, обладающую признаками реальности и предметности, в которой человек живет и действует и которую формирует в ходе сменяющихся друг друга деятельностей, реализующих системы жизненных отношений, представляющих различные структурные уровни целостной организации человека [10]. При этом прилагательное «жизненное» несет особую нагрузку, указывая на протяженность «место-времени» разворачивающегося самоосуществления (это не одномоментный акт осуществления собственного потенциала!), где человек совершает усилие на пути к себе, открывая в себе «человеческие» пространства.

Исходным положением работы является следующее: в рамках теоретически (а не эмпирически!) определенно-го предмета психологического познания можно обнаружить в процессах жизненного самоосуществления человека процессы реально осуществляющегося перехода возможности в действительность, а человек выполняет в этом переходе ключевую роль, выступая инициатором движения всей самоорганизующейся системы. Такое понимание человека способствует осмыслению понятия «жизненное самоосуществление» человека не как результата жизненного пути, не как процесса, реализующего этот путь, а как непрерывного процесса движения человека к самому

себе и в этом движении открывающего новые возможности, которые, в соответствии с законами «взаимодействия» и «ограничения взаимодействия» [7–10], зависят от степени соответствия человека этим возможностям (кому-то они не откроются, кто-то их не обнаружит, а кто-то, обнаружив, проигнорирует по ряду причин, и т.д.). Вот поэтому самоосуществление человека – это каждый раз новая «превращенная форма» (М.К. Мамардашвили), являющаяся продуктом всей системы в целом, а человек как открытая самоорганизующаяся система выступает причиной избирательного взаимодействия со средой и, соответственно, причиной самоосуществления, которое предполагает свободу человека в выборе возможностей.

Таким образом, антропологизация психологической науки выводит к такому уровню системности

мышления, при котором определяющими становятся категории онтологического и аксеологического плана, позволяющие выйти к теоретико-методологическому обоснованию постановки проблемы жизненно-самоосуществления в психологии, которую можно оценить как «новые возможности... которых раньше не было» [18. С. 189]. В этом как раз и состоит «соблазн будущего» [Там же] и притяжение его конкурирующих возможностей, которые обеспечивают непрерывное разворачивание жизни. Данный тезис характеризует как непрерывное разворачивание идей, теорий в науке, собственно, научную жизнь, так и жизненное самоосуществление человека, пространство которого расширяется по мере появления новых «приманивающих» возможностей.

Литература

1. Бергсон А. Творческая эволюция. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/berg/5.htm>
2. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 14–120.
3. Галажинский Э.В. О принципах системной антропологической психологии // Материалы IV съезда Российского психологического общества. Ростов н/Д, 2007. Т. 1. С. 226.
4. Гусельцева М.С. Культура как психологическая реальность: опыт идеального моделирования // Вопросы психологии. 2007. № 5. С. 13–24.
5. Гусельцева М.С. Культурная психология и методология гуманитарных наук // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 3–17.
6. Знаков В.В. Экзистенциальная психология, психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Моросановой. Москва; Ставрополь, 2007. С. 85–102.
7. Клочко В.Е. От саморегуляции личности к самоорганизации человека: системные основания парадигмального сдвига в научной психологии // Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Моросановой. Москва; Ставрополь, 2007. С. 103–119.
8. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Томский государственный университет, 2005. 174 с.
9. Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 154 с.
10. Клочко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991.
11. Кольцова В.А. Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2007. Т. 28, № 2. С. 5–18.
12. Лоскутов Ю.В. Современная философия: на пути к постнеклассической парадигме // Человек и общество: на рубеже тысячелетий. Воронеж, 2001. Вып. 9–10. С. 156–159.
13. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути (М. Пруст «В поисках утраченного времени»). СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. 570 с.
14. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 365 с.
15. Некрасова Е.В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2005. 47 с.
16. Огурцов А.П. Педагогическая антропология: поиски перспективы // Человек. 2002. № 1.
17. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики. М.: Академия, 2002. 272 с.
18. Поппер К.Р. Мир предрасположенностей: два взгляда на причинность // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2006. С. 176–209.
19. Сайко Э.В. Миф – феномен социальной эволюции, этап становления и способ организации мышления // Мир психологии. 2003. № 3. С. 3–11.
20. Толочек В.А. Общий подход и частные результаты комплексных исследований феномена «человек» в научной школе Б.Г. Ананьева // Вопросы психологии. 2007. № 5. С. 161–169.
21. Черникова Т.В. Психологическая поддержка специалистов «помогающих» профессий: антропологический подход // Психология обучения. 2008. № 3. С. 77–90.

THE METHODOLOGICAL-THEORETIC SUBSTANTIATION OF A PROBLEM STATEMENT OF THE MAN VITAL SELF-FULFILLMENT IN PSYCHOLOGY

Loginova I.O. (Krasnoyarsk)

Summary. In article the methodological-theoretic substantiation of a problem statement of the man vital self-fulfillment in a psychological science is submitted. Opportunities of system anthropological psychology as the methodological basis adequate to the tendency of a science development, going on line of it anthropologization are shown. The conversion to questions of the man vital self-fulfillment which is based on the methodological-theoretic precondition, issued in processes of psychological knowledge ontologization and gradual promotion of the person as an object of science is proved.

Key words: man vital self-fulfillment; anthropologization; onthologization; system anthropology psychology.

ФРУСТРАЦИОННЫЕ ТЕОРИИ АГРЕССИИ (К ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ)

Е.Г. Шестакова (Пермь)

Аннотация. Приведен краткий обзор ранних работ, в которых фрустрация рассматривается как источник агрессии.

Ключевые слова: фрустрация; аверсивные стимулы; защита Я; агрессивное побуждение; агрессивное поведение.

Психоаналитический анализ фрустрации и агрессии

Пожалуй, З. Фрейд [20–22] был одним из первых, в поле внимания которого попали вопросы агрессии в связи с фрустрацией. Так как его идеи фрустрации и агрессии неоднократно подвергались модификации, рассмотрим его взгляды в историческом ключе, разделив их на три периода [14].

К первому периоду можно отнести ранние работы Фрейда, в которых основой агрессии утверждались либидо (сексуальная энергия) и психосексуальное развитие. Импульсы агрессивного характера – проявления разрушительности или жестокости – он относил к сексуальности и стремлению к господству, биологическое значение которого состоит в необходимости преодоления сопротивления сексуального объекта и овладения им. Агрессивные импульсы рассматривались в контексте стадий психосексуального развития. В период поздней оральной стадии склонность ребенка кусать объекты трактовалась как выражение орально-агрессивных импульсов, обусловленных фрустрацией, которая, в свою очередь, могла возникать из-за отсутствия матери или отсрочки удовлетворения. Пик агрессии наступает в течение анальной стадии, когда садистические побуждения наносить ущерб и доминировать над другими достигают наибольшей частоты и интенсивности. В период эдиповой стадии соперничество с родителем своего пола за любовь родителя противоположного пола приводит к желанию смерти ненавистного соперника. В этой схеме вначале появляется садизм, а позже мазохизм как инверсия вовне направленных агрессивных импульсов, садизм и мазохизм как разные формы агрессии.

В следующий период изменившаяся точка зрения Фрейда заключалась, во-первых, в том, что агрессия рассматривалась как первичное и независимое от либидо влечение, во-вторых, агрессия относилась к эго, главная цель которого определялась как самосохранение. Прототипы отношений ненависти трактовались как производные не от сексуальной жизни, а от борьбы эго за самосохранение и самоподдержание. Так, агрессивные тенденции переносились из сферы либидо в сферу эго, а возникновение агрессивных побуждений допускалось параллельно или в отсутствие сексуального конфликта. Фрейд подчеркивал реактивную природу агрессивных побуждений: эго нападает на те объекты, которые ему

угрожают или отказывают в удовлетворении потребностей; эго ненавидит, питает отвращение и преследует с намерением разрушить те объекты, которые вызывают у него мучительные болезненные чувства. Реактивный взгляд Фрейда на агрессию несколько десятилетий спустя адаптировала Йельская группа психологов, переформулировав его в терминах поведенческой психологии и изложив в виде широко известной сейчас гипотезы о зависимости агрессии от фрустрации [17].

Финальную теорию агрессии (третий период) Фрейд изложил в терминах полярностей: жизнь против смерти, выражение против подавления, рост напряжения против снижения напряжения. Источником агрессии постулировался инстинкт смерти, который выражает желание организма возвратиться в состояние небытия, из которого он возник. Инстинкту смерти противопоставлялся инстинкт жизни, который включает в себя две тенденции – либидо и самосохранения. Оба инстинкта, жизни и смерти, имеют своей целью редукцию напряжения. Инстинкт жизни ищет освобождения от сексуального напряжения, а инстинкт смерти – от напряжения жить и существовать. Инстинкт смерти проявляется прежде всего в первичном побуждении к саморазрушению. Инстинкт жизни, наоборот, разворачивает деструктивные побуждения от Я к внешним объектам. Однако как бы агрессия не извергалась на внешние объекты, она возвратится обратно, поражая Я. В этой схеме присутствует первичный мазохизм (саморазрушение), который направляется вовне и переходит в форму садизма. В той степени, в какой агрессивность не может проявиться в садизме, она возвращается обратно и направляется на Я в форме вторичного мазохизма.

В этой финальной формулировке инстинкт разрушения является производным от инстинкта смерти. Деструктивный инстинкт развивается по следующей схеме: первичный мазохизм – отклонение от аутоагрессии и перенаправление агрессии на внешние объекты (садизм). Однако может возникать вторичный мазохизм, когда деструктивные импульсы не могут полностью разрядиться на внешние объекты.

Как в психоанализе трактуются отношения между агрессией и фрустрацией? В более ранних работах Фрейд [22] рассматривал фрустрацию источником агрессии. В более поздних работах он развивал представления об агрессии, основываясь на теории влечений к жизни и к смерти. Он отвергал теорию фрустрации, в

которой агрессия сводилась к реакции на неисполненное влечение – желание.

Несмотря на то, что Фрейд в позднем периоде творчества отказался от понимания фрустрации как источника агрессии, некоторые его ученики и последователи все же признавали важную роль фрустрации для возникновения агрессии. Так, вслед за отцом Анна Фрейд (1949) вначале отстаивала представление об агрессии как первичном (врожденном) влечении в контексте инстинкта смерти. Более чем через двадцать лет (1972) она изменила свой взгляд на эту проблему и отмечала отсутствие у агрессии собственного энергетического источника. Признавалось, что агрессия вызывается фрустрацией, находится на службе эго и используется в целях защиты [4].

От признания первичности (врожденности) агрессии отказался и Кохут [3]. Он рассматривал агрессию в связи с фрустрацией. Существенной особенностью его концепции является положение о том, что развитие включает оптимальный и «заниженный» уровни фрустрации, с одной стороны, нормальную и враждебно-деструктивную агрессию – с другой. Нормальная (неразрушительная) агрессия соединяется с чувством уверенности, развивается на основе оптимальной фрустрации и рассматривается в аспекте здоровых проявлений самости. Преодолению препятствий на пути к цели (фрустрация) может помогать агрессия как путь или способ мобилизации человека. Враждебно-деструктивная агрессия развивается также на основе фрустрации, но уровень ее ниже оптимального, она провоцирует раздражительность, злобность и опасные действия.

Психоаналитические теории агрессии поляризуются в вопросе ее происхождения. Агрессия увязывается с фрустрацией в тех теориях, в которых агрессия рассматривается как реактивный и защитный феномен, а не как инстинкт к разрушению человека или врожденная часть конституции человека [5].

Базовые идеи фрустрации и агрессии в поведенческом подходе

В 1939 г. исследователи института исследований человеческих отношений Йельского университета опубликовали работу, которая оказала исключительно сильное влияние на поведенческие науки. Группа под руководством Джона Долларда [17] предприняла попытку определить фундамент человеческой агрессии с помощью нескольких базовых идей.

Центральное допущение Долларда и соавт. [17] состояло в том, что агрессия всегда является следствием фрустрации. Это допущение означало, что (а) к агрессивному поведению всегда приводит фрустрация и (б) существование фрустрации всегда ведет к какому-либо

проявлению агрессии. Наряду с постулатом об агрессии в связи с эффектами фрустрации был введен постулат о цели агрессии. Удержание людей от достижения желаемой цели приводит к фрустрации, если они предвосхищают удовлетворение от достижения этой цели и в то же время вступают в борьбу, скрыто или явно, за нее. Фрустрация определялась как вмешательство в направленное на цель действие, внешний барьер, препятствующий достижению цели¹. Предсказывалось, что чем интенсивнее ожидаемое удовлетворение при достижении цели и чем сильнее ограничения (препятствия) в его получении (блокирование цели), тем выше степень выраженности агрессии. В конечном итоге решающее значение для возникновения агрессии отводилось трем факторам: во-первых, цели и ожидаемому удовлетворению при ее достижении; во-вторых, внешнему барьеру как препятствию на пути к достижению цели; в-третьих, реакции на внешний барьер.

Доллард и соавт. [17] определяли агрессию как поведение, целью которого является причинение боли и ущерба человеку, на которого она направлена. Вместе с тем предполагалось, что агрессивное поведение вызывает у агрессора эффект катарсиса. Способу воздействия на цель не придавалось большого значения, поскольку разные формы агрессии рассматривались как взаимозаменяемые. Однако это допущение не позволяло дифференцировать агрессию на враждебную (эмоциональную) и инструментальную (действенную) – различие, впервые введенное Фешбахом [19]. Тогда как целью враждебной (эмоциональной) агрессии является причинение ущерба или вреда, инструментальная (действенная) агрессия ориентирована главным образом на достижение иных, чем причинение ущерба, целей, таких, например, как социальный статус, деньги, территория и пр. Люди периодически проявляют агрессию по отношению к окружающим не потому, что им препятствовали в прошлом, а в ожидании получить какую-то выгоду в будущем. Доллард и соавт. [17], очевидно, имели в виду лишь враждебную (эмоциональную) агрессию, не принимая в расчет инструментальную агрессию [11].

Миллер с сотр. [25] предложили важные пояснения в отношении гипотезы о зависимости агрессии от фрустрации. Агрессивные реакции могут подавляться благодаря возникновению других побуждений. Если побуждение к агрессии является самым сильным в иерархии побуждений, тогда поведение будет носить агрессивный характер. Если сильнее иные, неагрессивные побуждения, тогда они в первую очередь проявятся и предотвратят, хотя бы временно, проявление актов агрессии. Однако если даже агрессия изначально не доминирует по отношению к другим побуждениям, у человека, упорствующего в достижении цели и по-прежнему сталкивающегося с препятствиями, неагрессивные реакции

¹ Отметим, что некоторые ученые понимают фрустрацию иначе – как внутреннюю (а не внешнюю) эмоциональную реакцию в ответ на те или иные ограничения или препятствия на пути к достижению цели (см., напр., [28]).

исчезнут, а вероятность доминирования агрессивных побуждений в конечном итоге возрастет.

Миллер с сотр. [25] признали также, что положение о том, что агрессия всегда предполагает фрустрацию, оправданно и полезно в качестве первого приближения. Однако второе положение о том, что фрустрация всегда ведет к какой-то форме агрессии, было неудачным и ввело в заблуждение. Это второе положение было перефразировано следующим образом: фрустрация порождает побуждение к нескольким различным видам реакции, и одним из них является побуждение к какой-либо форме агрессии. Иначе говоря, фрустрация производит побуждение к агрессии, но фрустрация может приводить также к другим побуждениям, не относящимся к агрессии. В этой связи ставился вопрос об иерархии побуждений, возникающих в результате фрустрации. Побуждение к агрессии может доминировать в этой иерархии. В то же время побуждение к агрессии может занимать недоминантную позицию в иерархии побуждений, вызванных фрустрацией. Значит, не каждое препятствие приводит к открытой агрессии.

За прошедшие десятилетия базовая формулировка гипотезы о зависимости агрессии от фрустрации фактически не изменилась. Многие психологи до сих пор используют эту гипотезу практически в том виде, в котором она была изложена Доллардом и соавт. [17]. Вместе с тем отношение серьезных ученых к этой гипотезе неоднозначно. Критические замечания о том, что (а) не всякая фрустрация приводит к агрессии, (б) не каждое агрессивное действие вызвано фрустрацией, (в) агрессия – не единственная реакция на ситуацию фрустрации (цит. по: [2]), были сняты благодаря уточнениям в работе Миллера с сотр. [25] (см. выше). Однако Зилман [30] подверг сомнению положение о том, что блокирование цели вызывает агрессию. Бэрон [9] предположил, что целевые барьеры могут продуцировать агрессивные реакции, только если барьеры возникают неожиданно. Он полагал, что место фрустрации в возникновении агрессии не столь велико, сколько ей уделяется внимания в специальной литературе. Бандура [7, 8] также утверждал, что роль фрустрации в порождении агрессии является сильно преувеличенной. Фрустрация создает лишь общее эмоциональное возбуждение, как человек реагирует на это возбуждение, зависит в первую очередь от социального научения.

Несмотря на критику, исследования гипотезы о связях агрессии с фрустрацией продолжают в самых различных направлениях. Так, исследователи обнаружили, что фактором, влияющим на агрессивное поведение, может быть социальная приемлемость. Пастор [26] был одним из первых, кто выдвинул предположение о продуцировании агрессивных действий фрустрацией, вызванной препятствиями в силу нарушений общепринятых норм и правил поведения. Люди, нарушающие социальные нормы и правила и лишённые желаемой цели,

чаще более агрессивны и злы, чем те, кто принимает социальные барьеры как норму [7, 30]. Но, предвосхищая социальное неодобрение, люди могут подавлять проявления своей агрессивности [15].

Люди подавляют свои агрессивные реакции значительно в меньшей степени, если прямая атака предпринимается против их личности, ибо личная атака приравнивается к нарушению социальных норм. В меньшей степени люди сдерживаются и тогда, когда свою агрессию рассматривают как форму возмездия. В самом деле, в то время как нарушение общепринятых норм в форме агрессии осуждается, отношение в обществе к агрессии как возмездию является более терпимым (см. [11]).

Еще одним фактором, приводящим к агрессивному поведению, могут быть особенности восприятия ситуации агрессором и степени причинения ему ущерба и боли – тема атрибуций препятствий против собственной личности. Причины, которыми люди объясняют собственный неуспех в достижении желаемого, могут сильно влиять на их агрессивные реакции в ответ на фрустрацию. Вероятнее, они ответят открытой агрессией на блокировку кем-либо их цели, если будут полагать, что обидчик сделал это намеренно и неоправданно, чем если будут думать, что препятствие было случайным и не направленным на них лично. Так к фрустрации и агрессии добавляются чувство несправедливости и отрицательные эмоции по поводу случившегося [6, 16, 18, 29, 30, 31]. Неличные фрустрации также могут продуцировать агрессию. К ним относят, например, конкуренцию и соревнование [27].

На возникновение фрустрации и агрессии влияет предыдущий опыт, а степень подверженности фрустрации и агрессии варьирует в зависимости от индивидуальных особенностей. Buss [14] показал связь фрустрации и агрессивности с импульсивностью, уровнем активности, интенсивностью реакции, а также с независимостью. Люди значительно различаются по своей способности задерживать реакцию и терпеть фрустрацию. Те, кто не может ждать, более склонны к агрессивности, чем те, кто способен выносить напряжение вынужденной задержки (импульсивность). Энергичный человек неизбежно вовлекает себя в большее количество взаимодействий, особенно соревновательных и конфликтных, с окружающими. Активный человек сталкивается с большим количеством стимулов для собственного гнева и агрессии, чем менее активный (активность). Некоторые люди склонны реагировать интенсивно на ситуации, которые вызывают более умеренные реакции у большинства людей. Так как частота и интенсивность агрессивных реакций являются индикаторами силы привычки, высокореактивные люди более агрессивны, чем менее реактивные (интенсивность реакции). Независимость характеризует склонность к самодостаточности и устойчивости к давлению группы. У самостоятельной личности в ежедневных взаимоотношениях с окружаю-

щими людьми больше стимулов для фрустрации и агрессии, чем у более зависимых личностей. В то время как зависимые личности тормозят фрустрацию и агрессию благодаря конформизму и склонности подчиняться требованиям окружающих, независимые личности, наоборот, склонны протестовать и выражать непокорность. Непокорность, будучи существенным компонентом независимости, в то же время является одним из условий агрессивности (независимость) (см. также [24]).

Фрустрация и агрессия в структуре эмоциональной сети: когнитивный подход

Следующий шаг в развитии представлений о роли фрустрации в возникновении агрессии связан с Л. Берковицем [11]. Если Доллард развивал гипотезу фрустрации – агрессии с позиций поведенческой психологии, Берковиц предложил новый взгляд на возможную связь фрустрации и агрессии с позиций когнитивной психологии. По сути, это была модификация и дополнение теории Долларда под иным, когнитивным углом зрения.

Берковиц [10–12] изменил формулировку гипотезы фрустрации – агрессии. Он поставил вопрос о том, почему в ответ на фрустрацию увеличиваются агрессивные побуждения. Принципиальный ответ заключался в том, что отношения между фрустрацией и агрессией являются частным случаем более общей связи между вызывающими отвращение стимулами и агрессивными побуждениями. В этом подходе обращают на себя внимание, по меньшей мере, два важных изменения в сравнении с подходом Йельской группы. Во-первых, Доллард и соавт. [17] источником фрустрации считали внешний барьер; Берковиц, напротив, поставил вопрос о внутренних источниках фрустрации. Во-вторых, в качестве внутренних источников фрустрации Берковиц рассматривал негативные аффекты, такие, прежде всего, как отвращение. Негативные события, которые вызывают их, Берковиц обозначил термином «аверсивные стимулы». Вследствие своей негативной природы фрустрация дает толчок агрессивным наклонностям, утверждал Берковиц. Фрустрация вызывает побуждение к агрессии потому, предположительно, что аверсивные стимулы неприятны для тех, кто их испытывает. Препятствием же выступают такие события, которые вызывают отвращение, или, более широко, негативный аффект, т.е. любые чувства, которые человек старается избежать или испытывать с меньшей частотой.

Можно сказать, что в качестве препятствий выступают негативные события (аверсивные стимулы). Однако они продуцируют агрессивные побуждения лишь в той степени, в какой создают негативный аффект. Этот подход следует отличать от представлений о том, что сама по себе фрустрация не продуцирует агрессивную склонность. Согласно этим представлениям фрустрация не сама, а совместно с другими, поддерживающими ее

факторами (например, атака на личность или действительная ценность агрессивных реакций) вызывает агрессивные побуждения [30, 31]. По Берковицу [11], напротив, фрустрация, вызванная аверсивными стимулами и негативным аффектом, может сама, без участия других факторов, привести к агрессивному побуждению. Подход Берковица следует отличать также от представлений о том, что агрессия, вызванная аверсивными стимулами, является инструментальной и направлена на редукцию вредной стимуляции (см., напр.: [7, 30]). Напротив, Берковиц утверждает, что агрессия, вызванная негативным аффектом (аверсивными стимулами), является в первую очередь враждебной (эмоциональной или экспрессивной) и вряд ли содержит в себе инструментальную ценность и цель.

Вышеописанные явления Берковиц оформил в виде когнитивной неоассоционистской модели эмоциональной сети. Подвергнув ревизии гипотезу фрустрации – агрессии Долларда, Берковиц дополнил объяснение склонности к агрессии, во-первых, фрустрацией, возникающей в результате негативного аффекта, неудовольствия, отвращения в ответ на аверсивные стимулы, во-вторых, эффектами осознания и атрибуции. Выделялись стадии, через которые проходит образование вызванных аверсивными стимулами эмоциональных переживаний и агрессивных поведенческих актов. Данная когнитивная неоассоционистская модель показывает, что чувства, мысли и воспоминания взаимосвязаны в памяти, образуя эмоциональные сети. Активация любого компонента сети имеет тенденцию активировать любые связанные с ним другие компоненты. Даже нерадостные или депрессивные мысли, по-видимому, активируют другие негативные воспоминания и чувства, в том числе переживания гнева и склонность к агрессии [11, 13].

Позже Берковиц [12] несколько модифицировал и уточнил неоассоционистскую модель агрессии. Во-первых, фрустрация рассматривалась не сама по себе, а в связи с негативными оценками и неприятными средовыми условиями совместно. Во-вторых, была предпринята попытка интегрировать понятия автоматических субкогнитивных процессов в теории, подчеркивающие чрезвычайную роль когнитивных процессов высшего порядка, таких как оценивание и атрибуции. Тем самым неоассоционистская модель эмоциональной сети интегрировала, как отмечал ее автор, классическую теорию эмоций Джемса – Ланге [23] с современными когнитивными подходами.

В XX в. фрустрационные теории агрессии развивались от фрустрации как базовой идеи (психоанализ) к ее разработке в поведенческом ключе (поведенческая психология), а затем к разработке вопроса о том, почему в ответ на фрустрацию увеличиваются агрессивные побуждения (когнитивная психология). К настоящему времени фрустрационные теории агрессии разрабатываются параллельно во всех трех направлениях. В со-

держательном плане фрустрационные теории имеют большое значение в понимании движущих сил агрессии. Такие разные традиции, как психоанализ, поведенческая психология и когнитивная психология, сходятся в признании фундаментальной роли фрустрации для агрессии. Это свидетельствует о плодотворности и перспективности фрустрационной идеи в дальнейшей разработке представлений о психологических механизмах агрессии.

Вместе с тем концептуальная и междисциплинарная вездесущность фрустрационной гипотезы в отношении агрессии позволяют предполагать, что фрустрация и агрессия представляют собой многомерные и многопорядковые феномены, в которых выражается их принадлежность одной и той же системе. В первом приближении и предположительно фрустрацию и агрессию можно понимать как трехмерное образование. Первым измерением фрустрации и агрессии могут быть их защитные функции, которые реализуют эго и самость, вторым измерением – фрустрация как стимул и агрессия как ответное поведение, третьим измерением – фрустрация и побуждение к агрессии как оценивание и атрибуция авersiveвных стимулов.

Ряд проблем требует новых подходов и свежих решений. Так, чтобы определить собственные вклады фрустрации в агрессию, следует отчетливо установить место фрустрации среди внешних (стимулов) и внутренних (реакции, эмоции) факторов, отделить фрустрацию, вызывающую агрессию, от фрустрации, агрессию не вызываю-

щую, изучить связи фрустрации, вызывающей агрессию, с сопутствующими психологическими состояниями и процессами, более ясно развести агрессию как поведение и агрессию как побуждение (мотив), не смешивать агрессию эмоциональную и агрессию инструментальную.

Актуальной является также проблема концептуального объединения реактивных (ситуативных) подходов к фрустрации и агрессии с индивидуальными (устойчивыми) особенностями людей по их личности и темпераменту. На первый взгляд, если под фрустрацией понимать внешний стимул, а под агрессией – ответное поведение, возникает непримиримое концептуальное противоречие, когда ставится вопрос об агрессивных особенностях (склонностях) человека. В самом деле, в первом случае в фокусе внимания нечто внешнее, а во втором – нечто внутреннее и уходящее своими корнями за пределы ситуации. И все же эта проблема может иметь перспективные решения, если искать и находить опосредующие эти связи звенья. Одним из них, к примеру, может быть чувствительность человека к фрустрации в зависимости от его индивидуальных особенностей, другим – осуществление Я-концепцией функции защиты и т.д.

Теория становится состоятельной, если успешно выдерживает эмпирические испытания в свою поддержку (см. [1]). Какими бы привлекательными не были те или иные фрустрационные теории агрессии, их следует подвергать эмпирическому тестированию и оставлять в багаже научного знания те из них, которые выдержали проверку на соответствие реальности.

Литература

1. Дорфман Л.Я. Горизонты современной эмпирической психологии // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2008а. Т. 5, № 3. С. 3–30.
2. Зотова Л.Э. Вопрос соотношения фрустрации и агрессии в отечественной (Н.Д. Левитов) и зарубежной психологии // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2007. № 2. С. 7–11.
3. Кохут Х. Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2002. 316 с.
4. Старовойтов В.В. Современный психоанализ: интеграция субъект-объектного и субъект-субъектного подходов. М.: ИФ РАН, 2004. 202 с.
5. Фонази П., Моран Дж. С., Таргет М. Агрессия и психологическая самость // Журнал практической психологии и психоанализа. 2004. № 2. Режим доступа: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20040202>
6. Averill J.R. Anger and aggression: An essay on emotion. N.Y.: Springer-Verlag, 1982.
7. Bandura A. Aggression: Social learning analysis. N.Y.: Prentice-Hall, 1973.
8. Bandura A. Psychological mechanisms of aggression // Aggression: Theoretical and empirical reviews. N.Y.: Academic Press, 1983. Vol. 1. P. 1–40.
9. Baron R. Reducing organizational conflict: An incompatible response approach // Journal of Applied Psychology. 1984. № 69. P. 272–279.
10. Berkowitz L. Aversively stimulated aggression: Some parallels and differences in research with animals and humans // American Psychologist. 1983. № 38. P. 1135–1144.
11. Berkowitz L. Frustration-aggression hypothesis: Examination and reformulation // Psychological Bulletin. 1989. Vol. 106, № 1. P. 59–63.
12. Berkowitz L. On the formation and regulation of anger and aggression: A cognitive-neoassociationistic analysis // American Psychologist. 1990. Vol. 45, № 4. P. 494–503.
13. Berkowitz L., Heimer K. On the construction of the anger experience: Aversive events and negative priming in the formation of feelings // Advances in experimental social psychology. N.Y.: Academic Press, 1989. Vol. 22. P. 1–37.
14. Buss A.H. The psychology of aggression. N.Y.: Wiley, 1961.
15. Cohen A.R. Social norms, arbitrariness of frustration and status of the agent of frustration in the frustration-aggression hypothesis // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1955. № 51. P. 222–226.
16. Dodge K.A., Coie J.D. Social information processing factors in reactive and proactive aggression in children's peer groups // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. № 53. P. 1146–1158.
17. Dollard J., Miller N.E., Doob L.M. et al. Frustration and aggression. New Haven, CT: Yale University Press, 1939.
18. Ferguson T.J., Rule B.G. An attributional perspective on anger and aggression // Aggression: Theoretical and empirical reviews. N.Y.: Academic Press, 1983. Vol. 1. P. 41–74.
19. Feshbach S. The function of aggression and the regulation of aggressive drive // Psychological Review. 1964. № 71. P. 257–272.
20. Freud S. Collected papers. L.: Hogarth Press, 1925.

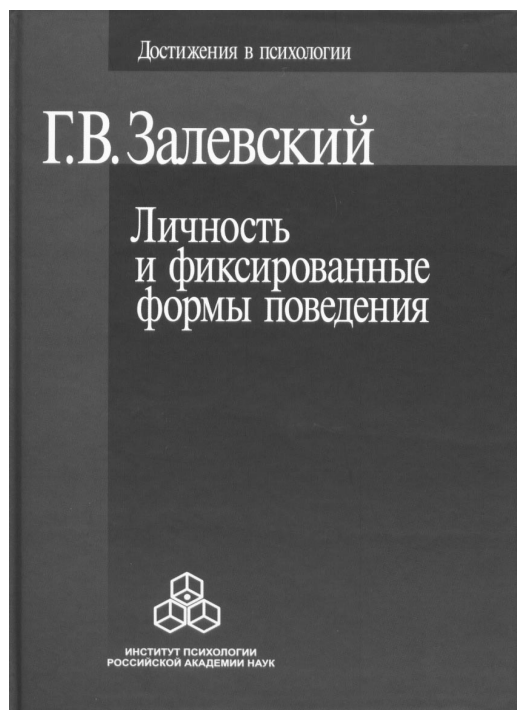
21. Freud S. Beyond the pleasure principle. N.Y.: Boni & Liveright, 1927.
22. Freud S.A. General introduction to psychoanalysis. N.Y.: Garden City Publishing Co, 1943.
23. James W. The principles of psychology. London: Macmilan, 1890/1902. Vol. 1.
24. Kirkpatrick L.A., Waugh C.E., Valencia A., Webster G.D. The functional domain specificity of self-esteem and the differential prediction of aggression // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 82, № 5. P. 756–767.
25. Miller N.E. The frustration-aggression hypothesis // Psychological Review. 1941. № 48. P. 337–342.
26. Pastore N. The role of arbitrariness in the frustration-aggression hypothesis // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1952. № 47. P. 728–731.
27. Rocha R., Rogers R.W. Ares and Babbitt in the classroom: Effects of competition and reward on children's aggression // Journal of Personality and Social Psychology. 1976. № 33(5). P. 588–593.
28. Rosenzweig S. An outline of frustration theory // Personality and the Behavior Disorders. N.Y.: Ronald Press, 1944. P. 379–388.
29. Weiner B. On sin versus sickness: A theory of perceived responsibility and social motivation // American Psychologist. 1993. № 48. P. 957–965.
30. Zillmann D. Hostility and aggression. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1978.
31. Zillmann D. Cognition-excitation dependencies in the escalation of anger and angry aggression // The dynamics of aggression. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Inc., 1994. P. 45–71.

FRUSTRATION THEORIES OF AGGRESSION (TOWARD THEIR HISTORICAL BACKGROUND)

Shestakova E.G. (Perm)

Summary. The historical background of frustration theories of aggression is reviewed. These theories are shown in the framework of psychoanalysis, behavioural psychology and cognitive psychology. At the present time, the theories are explored in parallel. The frustration idea related to aggression is fruitful and perspective one to the further examination of aggression sources.

Key words: frustration; aversive stimuli; ego-defense; aggressive urge; aggressive behaviour.

Залевский Г.В.

Личность и фиксированные формы поведения. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 336 с. (Достижения в психологии)

В монографии проанализированы и систематизированы отечественные и зарубежные данные, материалы собственных многолетних экспериментально-психологических исследований фиксированных форм поведения на основе системно-структурного подхода. В центре экспериментально-психологического анализа находятся ригидность–флексibility в континууме predispositional фактора феноменологии фиксированных форм поведения отдельного человека как индивидуальной системы, семьи, организационных сообществ, школы, этносов как групповых систем.

В последнем разделе монографии аргументируются дифференциально-диагностическое, прогностическое, реабилитационное значения проблемы фиксированных форм поведения для медико-психологической практики, а также практик образовательной, инновационной, научного творчества и межэтнических отношений.

ВЛИЯНИЕ СТАЖА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОВЕНЬ МАКИАВЕЛЛИЗМА ПЕДАГОГОВ

Э.А. Щеглова (Томск)

Аннотация. Рассматривается феномен макиавеллизма в профессионально-педагогической деятельности. Приводятся результаты эмпирического исследования; установлена связь макиавеллизма с возрастом и педагогическим стажем, а также его динамика в зависимости от профессионального становления учителя.

Ключевые слова: макиавеллизм; манипуляция; профессионально-педагогическая деятельность; межличностное общение.

Произошедшие в последнее время изменения в социальной, экономической и политической жизни современного общества способствуют тому, что все большее количество людей выбирают манипулятивную стратегию поведения в качестве основной и наиболее эффективной (Знаков В.В., 2002; Грачев Г.В., Мельник И.К., 2004). Манипулятивная стратегия поведения характеризуется субъект-объектными отношениями, в которых манипулятор воздействует на партнера, не учитывая его желания и потребности, для достижения собственной выгоды посредством обмана, хитрости и утаивания информации [3]. Негативные тенденции этого проявляются и в сфере образования. Особенности современной системы образования, требующие от учителя в основном контрольных функций, способствуют тому, что многие педагоги в своей профессиональной деятельности все чаще выбирают манипулятивную стратегию поведения. К тому же развитие средств массовой информации, компьютерных технологий неизбежно снижает роль учителя в образовательном процессе, уменьшается личностное воздействие учителя на учащихся, доверительность отношений в процессе общения.

В любом обучении всегда присутствует элемент манипуляции (сделать урок интереснее, замотивировать детей, привлечь их внимание и т.д.). Это часто приводит к формированию у педагогов стабильной личностной установки на то, что для достижения педагогических целей можно и даже нужно использовать манипуляцию. Эта установка негативно отражается на межличностных отношениях учителя с учениками.

Манипулирование препятствует пониманию в межличностном взаимодействии (Знаков В.В., 2005) и обращается для всех лиц, участвующих в таком взаимодействии, многочисленными психологическими проблемами (В.В. Знаков, Е.Л. Доценко, Г.В. Грачев, И.К. Мельник, С.А. Богомаз, О.В. Макаренко). Эмпирическому изучению стилей поведения педагогов в процессе взаимоотношений с учащимися начинает уделяться серьезное внимание в педагогической и прикладной психологии, и важно проследить динамику изменения манипулятивного поведения педагогов.

В последнее время в категориальный аппарат психологии наряду с понятием «манипуляция» вошло понятие «макиавеллизм». В.В. Знаков дает следующее оп-

ределение данному понятию, отмечая его главные составляющие: «Макиавеллизм представляет собой психологический синдром, основанный на сочетании взаимосвязанных когнитивных, мотивационных и поведенческих характеристик. Макиавеллизм следует рассматривать как устойчивую черту личности, выражающую систему отношений человека к другим людям, социальной действительности. Главными психологическими составляющими макиавеллизма как черты личности являются: 1) убеждение субъекта в том, что при общении с другими людьми ими можно и даже нужно манипулировать; 2) владение *навыками*, конкретные умения манипуляции. Последние включают в себя способность убеждать других, понимать их намерения и причины поступков» [4].

Отдельные признаки макиавеллизма есть у каждого человека, но у одних они проявляются в манипулятивном поведении, у других находятся в латентной стадии. В ранее проведенных исследованиях отмечалось, что стремление манипулировать другими людьми в межличностных отношениях может быть детерминировано, с одной стороны, факторами, в значительной степени обусловленными наследственностью (интеллектуальные способности, гибкость мыслительных процессов и полнезависимость). С другой стороны, на развитие стремления человека к манипулированию другими могут влиять факторы, которые в большей степени зависят от социальной среды (личностная пассивность и отсутствие чувства самореализации) [1]. Мы предположили, что степень выраженности макиавеллизма педагогов зависит от особенностей их профессионального становления.

Нами было проведено исследование, целью которого было изучение динамики выраженности макиавеллизма у учителей средних общеобразовательных школ. В нем участвовали 248 учителей средних общеобразовательных школ городов Бишкек и Кант (Республика Кыргызстан) в возрасте от 20 до 69 лет.

Для исследования макиавеллизма педагогов применялась «Методика исследования макиавеллизма личности», адаптированная В.В. Знаковым (далее МАК-шкала) [5].

При применении данной методики были получены следующие суммарные показатели: $M = 70,54$, $\sigma = 11,387$; $M_e = 72$; $\min = 44$; $\max = 106$. Полученные нами данные попадают в диапазон средних значений показателя ма-

киавеллизма в ранее проведенных исследованиях (В.В. Знаков, С.А. Богомаз, О.В. Макаренко, А.Г. Гладких) [6–8].

В результате корреляционного анализа эмпирических данных не было выявлено зависимости между МАК-показателем, стажем работы и возрастом педагогов. Посколь-

ку связи между переменными могут быть не только линейными, мы провели регрессионный анализ с оценкой криволинейности. При этом были получены две регрессионные модели изменения уровня макиавеллизма педагогов в зависимости от их стажа работы ($p=0,040$) и возраста ($p=0,005$). Данные модели представлены на рис. 1.

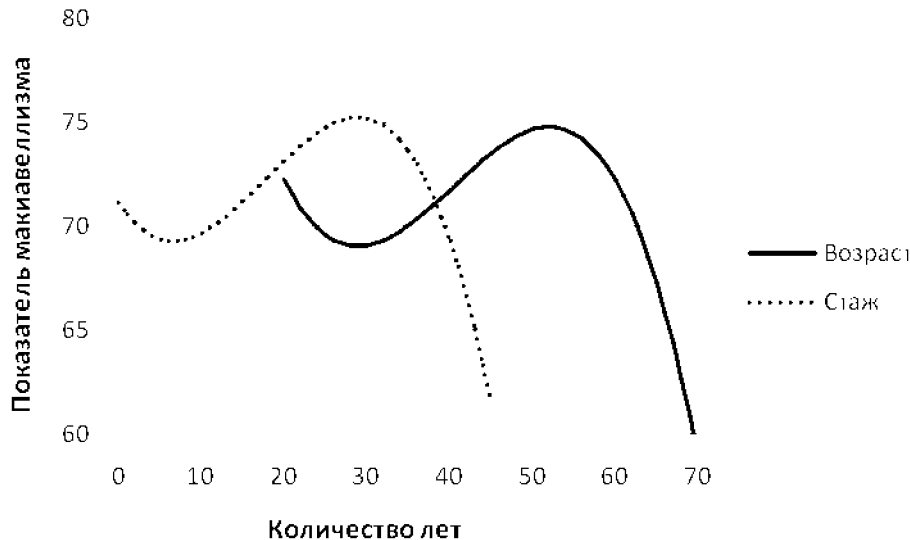

Рис. 1. Зависимость уровня макиавеллизма от возраста и стажа работы педагогов

Графическое представление регрессионной модели позволяет описать динамику макиавеллизма педагогов в процессе их профессиональной деятельности. После института в школу приходят работать молодые учителя, не имеющие педагогического опыта, но теоретически вооруженные различными методическими приемами и технологиями. Они стараются организовать свою работу и отношения с учащимися «правильно», в соответствии со своими представлениями идеально организованного учебно-воспитательного процесса. В этот период молодой педагог больше времени уделяет поиску наилучших стратегий работы с учащимися и наработке дидактического материала. В этот период у него, очевидно, отсутствует потребность в манипулировании учениками. Как видим на графике, применение передовых образовательных технологий, стремление к партнерским взаимоотношениям с учащимися сопровождаются снижением макиавеллизма. Однако когда стаж педагогов приближается к семи годам, уровень макиавеллизма начинает расти. По-видимому, работая рядом с более опытными коллегами, наблюдая за ними, общаясь с ними, молодые учителя убеждаются, что достичь желаемого результата можно гораздо проще и быстрее – с помощью манипуляции. Иногда учителя используют манипулятивные приемы в своей профессиональной деятельности неосознанно, но достаточно часто они считают, что поступают так в целях формирующего воздействия, во имя перспективных интересов учащихся. Поскольку макиавеллизм имеет дело с мотивационны-

ми структурами внутреннего мира человека, то его часто применяют как средство мотивационного обеспечения учебного процесса. Во многих ситуациях обман и скрытое принуждение считают более предпочтительными, чем явное и грубое принуждение. Все это, вероятно, способствует росту макиавеллизма педагогов, о чем свидетельствует характерный подъем кривой на графике (см. рис. 1). Когда стаж педагогов достигает примерно двадцати девяти лет, вновь наблюдается снижение макиавеллизма. Можно предположить, что с годами работы в школе накапливается опыт, потребность в манипулировании в итоге снижается. К этому времени учитель уже заработал авторитет, у него сформирован определенный имидж, поэтому желаемого результата он достигает не манипуляцией, а личным влиянием, что является одним из проявлений актуализирующего поведения.

Сходная зависимость обнаруживается при анализе регрессионной модели изменения уровня макиавеллизма педагогов в зависимости от возраста (см. рис. 1). Как видим на графике, уровень макиавеллизма педагогов с двадцати до двадцати девяти лет снижается, а затем начинает повышаться. Примерно с пятидесяти двух лет показатель макиавеллизма педагогов вновь уменьшается. Эти возрастные периоды, как мы предположили, связаны с приобретением профессионального опыта. Изменение макиавеллистских установок педагогов в зависимости от профессионального становления было описано в предыдущей модели.

Зависимость показателя макиавеллизма от возраста изучалась как российскими, так и зарубежными учеными. Многие авторы отмечают, что возраст обратно коррелирует с уровнем макиавеллизма. В ранее проведенных исследованиях было установлено, что уровень макиавеллизма растёт к зрелости человека, а затем более или менее стабилизируется. У пожилых людей отмечен низкий уровень макиавеллизма, что связывают с гипотезой о социально значимых ценностях, которые человек усваивает на протяжении жизни. Результаты данного исследования представляют несколько иную картину. На наш взгляд, интересен тот факт, что у педагогов после некоторого снижения макиавеллизма, примерно с двадцати восьми лет и

до пятидесяти, вновь наблюдается его рост. Мы предполагаем, что это связано с особенностями профессии учителя. Статистический анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что степень выраженности макиавеллизма у учителей зависит от их методического и педагогического опыта, умения организовать учебно-воспитательный процесс. Полученная криволинейная зависимость показателя макиавеллизма от стажа и возраста педагогов указывает на то, что базисная установка «все люди плохи, и ими можно и даже нужно манипулировать», а вместе с ней и склонность к манипулированию являются динамическим образованием и зависят от стажа профессионально-педагогической деятельности.

Литература

1. Гладких В.Ю., Богомаз С.А. Когнитивные способности человека и смысловая насыщенность его жизни как условия, способствующие развитию макиавеллизма. Режим доступа: // <http://www.psychology.tom.ru>, свободный.
2. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 2004. Режим доступа: // <http://www.zipsites.ru>, свободный.
3. Доценко Е.Л. Психология манипулирования: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо: Юрайт, 2000. 344 с.
4. Знаков В.В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 50.
5. Знаков В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 5. С. 16–22.
6. Знаков В. В. Макиавеллизм и феномен вранья // Вопросы психологии. 1999. № 6.
7. Макаренко О.В., Богомаз С.А. К проблеме профилактики склонности к манипулированию у студентов-психологов // Проблема подготовки и востребованности психологов-профессионалов: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2006. С. 143–148.
8. Макаренко О.В., Гладких А.Г., Богомаз С.А. Особенности эмоциональной сферы людей, склонных к манипулированию // Актуальные проблемы современной социальной психологии. Якутск, 2005. С. 54–61.

INFLUENCE OF THE EXPERIENCE OF PROFESSIONAL WORK ON LEVEL MACHIAVELLIANISM OF TEACHERS

Shcheglova E.A. (Tomsk)

Summary. The phenomenon of machiavellianism in professional pedagogical work is examined in the present article. Results of empirical research are given; communication machiavellianism with the years and by the pedagogical experience, and also its dynamics depending on professional becoming the teacher is established.

Key words: machiavellianism; manipulation; professional pedagogical work; interpersonal dialogue.

КЛИНИЧЕСКАЯ (МЕДИЦИНСКАЯ) ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.07

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ БОЛЬНЫХ С НЕВРОТИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ХАРАКТЕР И СТЕПЕНЬ ВЫРАЖЕННОСТИ ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКОЙ СИМПТОМАТИКИ

Е.Б. Мизинова, Е.А. Колотильщикова (Санкт-Петербург)

Аннотация. Представлены результаты исследования динамики социально-психологических особенностей личности больных с невротическими расстройствами и их влияние на характер и степень выраженности психопатологической симптоматики.

Ключевые слова: больные с невротическими расстройствами; социально-психологические характеристики личности; психопатологическая симптоматика; Гиссенский личностный тест; клиническая шкала самоотчета SCL-90; симптоматический опросник Александровича.

Для теории и практики медицины в последние десятилетия характерно повышение внимания к изучению нервно-психических заболеваний. Возрастающее количество стрессовых факторов, характерных для современного общества, экономическая, политическая и социальная нестабильность ведут к изменению значения психологических факторов в деятельности человека и в известной мере объясняют наблюдаемые сдвиги в структуре заболеваемости населения: при резком снижении инфекционной патологии относительно увеличивается удельный вес болезней, в возникновении и течении которых существенную роль играет фактор нервно-психического перенапряжения, к их числу относятся и неврозы [1, 6]. В настоящее время проблема многопланового изучения невротических расстройств остается, безусловно, актуальной, при этом наибольшее распространение получают концепции полифакторной этиологии неврозов. Признается единство биологических, психологических и социальных механизмов. Подход к проблеме происхождения неврозов с позиций полифакторной этиологии в большей степени, чем другие, соответствует и современному уровню знаний об их природе и наиболее адекватен стремлению углубить эти знания. Одним из аспектов этой проблемы является исследование личностных и психосоциальных особенностей больных неврозами, рассматриваемых в контексте микросоциальных отношений.

Целью исследования явилось изучение динамики социально-психологических особенностей личности больных с невротическими расстройствами в период с середины 1980-х по 2009 г. и их влияние на характер и степень выраженности психопатологической симптоматики.

Для достижения поставленной цели нами проводился сравнительный анализ основных психосоциальных качеств личности больных неврозами и нормативной выборки здоровых испытуемых с помощью Гиссенского личностного опросника, разработанного D. Beckman в

1968 г. на базе Психосоматической клиники Гиссенского университета, адаптированного и стандартизированного на отечественной популяции в 1993 г. [4]. Сопоставлялись характер и степень выраженности основных социально-психологических переменных, определяемых с помощью Гиссенского личностного теста, у пациентов с невротическими расстройствами, находившимися на стационарном лечении в отделении неврозов и психотерапии Института им. В.М. Бехтерева [2, 6, 7]. Проводился анализ корреляции основных шкал Гиссенского личностного теста и клинических шкал и индексов выраженности психопатологической симптоматики, определяемых с помощью клинической шкалы самоотчета SCL-90 и симптоматического опросника Александровича (данные 2007–2009 гг.). Всего в исследовании участвовало 1224 пациента.

В 2007–2009 гг. нами были получены показатели социально-психологических свойств личности больных неврозами с помощью Гиссенского личностного теста. При помощи t-критерия Стьюдента было выявлено, что существуют достоверные различия между больными с невротическими расстройствами и респондентами нормативной выборки по таким характеристикам социально-психологических особенностей личности, как представления о преобладающем настроении, доминирование, самоконтроль и замкнутость (табл. 1).

В результате исследования было выявлено, что усредненные показатели Гиссенского личностного теста по шкале доминантности (II шкала) больных неврозами были ниже по сравнению с контрольной группой здоровых испытуемых ($p < 0,03$; $t = -2,19$). Более низкие значения по II шкале указывают на то, что пациенты с невротическими расстройствами отличались большей нетерпеливостью, желанием настоять на своем, меньшей уступчивостью, покорностью и терпением.

Значения по шкале контроля (III шкала) в обследованной клинической группе оказались достоверно выше,

Таблица 1

Усредненные показатели шкал Гиссенского личностного теста больных неврозами и нормативной выборки

Шкалы ГТ	Больные неврозами	Нормативная выборка	p	Значение t-критерия Стьюдента
I	26,86 ± 0,56	27,68 ± 0,36	0,19	-1,29
II	24,00 ± 0,51	25,37 ± 0,38	0,03	-2,19
III	25,07 ± 0,35	23,26 ± 0,37	0,001	3,46
IV	30,57 ± 0,51	27,45 ± 0,40	0,001	4,87
V	20,75 ± 0,44	19,30 ± 0,35	0,009	2,61
VI	18,28 ± 0,45	17,86 ± 0,32	0,37	0,89
Всего больных	132	173		

Примечание. I – шкала социального одобрения; II – шкала доминантности; III – шкала контроля; IV – шкала преобладающего настроения; V – шкала открытости – замкнутости; VI – шкала социальных способностей.

чем у здоровых ($p < 0,001$; $t = 3,46$). Более высокие показатели по III шкале указывают на склонность больных неврозами к излишнему контролю, педантичности, усердию, отсутствию склонности к легкомысленному, беспечному поведению.

Самые значимые различия ($p < 0,001$; $t = 4,87$) в сравнении с нормативной выборкой наблюдались по шкале преобладающего настроения (IV шкала). Более высокие показатели по IV шкале свидетельствуют о том, что у больных с невротическими расстройствами преобладал депрессивный фон настроения, характеризующийся подавленностью, склонностью к рефлексии, робостью, зависимостью, самокритичностью.

В исследованной нозологической группе отмечались более высокие показатели ($p < 0,009$; $t = 2,61$) по шкале открытости – замкнутости (V шкала), это свидетельствует о том, что пациенты с невротическими расстройствами характеризуются замкнутостью, недоверчивостью, отстраненностью от других людей, они в основном стремятся скрыть от окружающих собственную потребность в любви.

По шкалам социального одобрения (I шкала) и социальных способностей (VI шкала) статистически достоверных различий в сопоставлении со здоровыми респондентами получено не было. Отмечалась тенденция к понижению средних значений по I шкале у больных неврозами ($p < 0,19$; $t = -1,29$), что свидетельствует о доминировании у них представлений о собственной непривлекательности и непопулярности у окружающих, неумении добиваться поставленных целей. При этом прослеживалась тенденция к повышению показателей по VI шкале ($p < 0,37$; $t = 0,89$), что указывает, по мнению авторов теста, на «социальную слабость» обследованных пациентов – необщительность, слабую способность к самоотдаче, неспособность к длительным привязанностям, небогатую фантазию.

Таким образом, в результате исследования было выявлено, что больным с невротическими расстройствами в большей степени свойственны такие личностные особенности, отождествляющиеся с психосоциальными защитными формами поведения, как доминантность, недружелюбие, притязания на первенство в коллективе, что сочеталось у них с повышенным самоконтролем (аккуратностью, постоянством, склонностью к сдержанному поведе-

нию) и замкнутостью, недоверчивостью. Также им по сравнению с респондентами нормативной выборки в большей степени была свойственна интропунитивная направленность развития агрессии, что обуславливает депрессивный характер реагирования. Пациенты с невротическими расстройствами были менее, чем здоровые, уверены в своей положительной социальной репутации, уважении и высокой оценке других людей, они отличались меньшим развитием своих социальных способностей.

В ходе сравнительного исследования определяются общие незначительные изменения средних значений шкал Гиссенского личностного теста у всех обследованных больных с невротическими расстройствами в период с 1980 по 2009 г. (табл. 2).

Значимые различия между пациентами, находившимися на стационарном лечении в 2007–2009 гг. и в середине 1980-х гг., были получены только по шкале преобладающего настроения ($30,57 \pm 0,51$ и $25,65 \pm 0,38$ соответственно; $p < 0,001$). Таким образом, больные неврозами в 2007–2009 гг., в сопоставлении с пациентами середины 1980-х гг., были более неуверены, критичны к себе и своим возможностям, у них отмечался более высокий уровень осознания имеющихся проблем через призму неудовлетворенности собой и пессимистической оценки своих перспектив, т.е. у них диагностировалось значимо более выраженное депрессивное состояние.

При сравнении социально-психологических особенностей личности пациентов с невротическими расстройствами в 2007–2009 гг. и в начале 1990-х гг. наблюдались достоверные отличия по шкалам социального одобрения ($p < 0,003$) и открытости – замкнутости ($p < 0,01$). Повышение средних значений по I шкале у больных неврозами в 2007–2009 гг. ($26,86 \pm 0,56$ в 2007–2009 гг. и $24,22 \pm 0,69$ в начале 1990-х гг.; $p < 0,003$) свидетельствует о том, что они были более уверены в своей социальной привлекательности, популярности, они успешнее взаимодействовали со своим социальным окружением, нежели пациенты в начале 1990-х гг. Достоверно более высокие показатели V шкалы у больных с невротическими расстройствами, находившихся на стационарном лечении в отделении неврозов и психотерапии Института им. В.М. Бехтерева в 2007–2009 гг. ($20,75 \pm 0,44$ в 2007–2009 гг. и $18,57 \pm 0,78$ в начале 1990-х гг.;

$p < 0,01$), указывают на преобладание у них таких психосоциальных качеств, как отчужденность и холодность при осуществлении социальных контактов, развивающихся из первичного недоверия. В свою очередь, пациенты начала 1990-х гг. характеризовали себя как более открытых и откровенных перед другими людьми, обладающих большой потребностью в любви.

Сопоставляя характер и степень выраженности основных психосоциальных переменных, определяемых с помощью Гиссенского личностного теста, у пациентов с невротическими расстройствами в 2007–2009 гг. и в конце 1990-х гг., необходимо отметить, что показатели по шкале преобладающего настроения (IV шкала) и шкале социальных способностей (VI шкала) в 1990-х гг. в целом были существенно выше, чем в 2007–2009 гг., у пациентов той же клинической группы. Следует учитывать тот факт, что высокие показатели по шкале преобладающего настроения (IV шкала) трактуются в рамках опросника как преобладание депрессивного фона настроения над гипоманиакальным, а высокие показатели по шкале социальных способностей (VI шкала) рассматриваются как недостаточность развития последних. Выявленные статистически более высокие ($p < 0,03$) значения по шкале преобладающего настроения (IV шкала) у пациентов с невротическими расстройствами в конце 1990-х гг. ($32,37 \pm 0,57$) по сравнению с той же клинической группой больных в 2007–2009 гг. ($30,57 \pm 0,51$) свидетельствуют о том, что в конце 1990-х гг. пациенты отличались преобладанием депрессивного фона настроения, большей подавленностью, робостью, зависимостью, самокритичностью, были более склонны к саморефлексии. Изменения внешних условий жизни больных в конце 1990-х гг. сильнее влияло на их душевное состояние, они в большей степени, чем больные в 2007–2009 гг., были тревожны, обеспокоены своими внутренними проблемами, отличались склонностью подавлять гетероагрессивные тенденции – гнев и

досаду, подменяя их аутоагрессивными тенденциями. Более высокие ($p < 0,03$) показатели по шкале социальных способностей (VI шкала) у больных невротизмом в конце 1990-х гг. ($20,02 \pm 0,68$) по сравнению с респондентами с той же нозологией в 2007–2009 гг. ($18,28 \pm 0,45$) указывают на то, что в конце 1990-х гг. пациенты были менее личностно зрелыми, меньше стремились к общению, обладали слабой способностью к самоотдаче, бедной фантазией, оставались менее способными к длительным привязанностям.

Таким образом, в конце 1990-х гг. больные с невротическими расстройствами, проходившие лечение в отделении неврозов и психотерапии Института им. В.М. Бехтерева, отличались от пациентов с невротизмом в 2007–2009 гг. меньшими психологической зрелостью, социальной компетентностью, развитостью социальных навыков и способностей, они в меньшей степени стремились к теплым длительным партнерским отношениям, внешние стрессовые обстоятельства негативно влияли на их психическое состояние, делая более тревожными, замкнутыми, подавленными, блокируя социальную активность, инициативность, проявление агрессивных чувств.

Сравнивая результаты исследования больных невротизмом, полученные с помощью Гиссенского личностного опросника в начале 2000-х гг. и в 2007–2009 гг., мы получили ряд статистически значимых различий. В частности, у пациентов в начале 2000-х гг. оказались статистически выше ($p < 0,004$) показатели по шкале социальных способностей (VI шкала) ($20,33 \pm 0,56$), чем значения по той же шкале у больных в 2007–2009 гг. ($18,28 \pm 0,45$), и статистически выше ($p < 0,004$) показатели по шкале преобладающего настроения (IV шкала) ($32,27 \pm 0,60$ и $30,57 \pm 0,51$ соответственно), т.е. больные невротизмом в начале 2000-х гг., так же как и в конце 1990-х гг., отличались от исследованных той же клинической группы в 2007–2009 гг. более депрессивным фоном настроения и меньшей развитостью социальных

Таблица 2

Усредненные показатели шкал Гиссенского личностного теста у больных с невротическими расстройствами с середины 1980-х гг. по 2007–2009 гг.

Шкалы ГТ	2007–2009	Середина 1980-х гг.	p	Начало 1990 гг.	p	Конец 1990-х гг.	p	Начало 2000-х гг.	p
I	$26,86 \pm 0,56$	$25,67 \pm 0,54$	0,38	$24,22 \pm 0,69$	0,003	$26,72 \pm 0,64$	0,87	$24,51 \pm 0,66$	0,007
II	$24,00 \pm 0,51$	$25,26 \pm 0,40$	0,21	$24,41 \pm 0,69$	0,63	$24,89 \pm 0,64$	0,29	$25,43 \pm 0,63$	0,08
III	$25,07 \pm 0,35$	$24,54 \pm 0,87$	0,81	$25,24 \pm 0,79$	0,84	$25,03 \pm 0,53$	0,95	$25,77 \pm 0,49$	0,24
IV	$30,57 \pm 0,51$	$25,65 \pm 0,38$	0,001	$31,30 \pm 0,38$	0,27	$32,37 \pm 0,57$	0,03	$32,27 \pm 0,60$	0,03
V	$20,75 \pm 0,44$	$18,95 \pm 1,03$	0,48	$18,57 \pm 0,78$	0,01	$20,90 \pm 0,95$	0,87	$21,52 \pm 0,60$	0,29
VI	$18,28 \pm 0,45$	$18,23 \pm 0,60$	0,97	$19,74 \pm 0,70$	0,07	$20,02 \pm 0,68$	0,03	$20,33 \pm 0,56$	0,004
Всего больных	132	796		112		77		107	

Примечание. I – шкала социального одобрения; II – шкала доминантности; III – шкала контроля; IV – шкала преобладающего настроения; V – шкала открытости – замкнутости; VI – шкала социальных способностей.

способностей. В рамках сравнительного анализа больных в начале 2000-х гг. и в 2007–2009 гг. было выявлено еще одно статистически достоверное отличие ($p < 0,007$), так, у пациентов с невротизмом в начале 2000-х гг. оказались ниже показатели по шкале социального одобрения (I шкала) ($24,51 \pm 0,66$), чем у больных в 2007–2009 гг. ($26,86 \pm 0,56$). В рамках методики это трактуется как большая склонность больных невротизмом в начале 2000-х гг. ощущать собственную непривлекательность, неуважение со стороны окружающих, неумение добиваться поставленных целей. Обследованные в 2007–2009 гг. больные невротизмом оказались более уверенными в себе, своей положительной социальной репутации, популярности, что способствует более успешному взаимодействию с окружающими.

Таким образом, больные с невротическими расстройствами в начале 2000-х гг. по сравнению с 2007–2009 гг. отличаются меньшими навыками социальной коммуникации, что заставляет их ощущать себя недооцененными, не способными нравиться, привлекать внимание окружающих, что сопровождалось более выраженными депрессивными тенденциями.

Итак, сравнение полученных на выделенной выборке показателей по шести шкалам Гиссенского личностного теста обнаруживает сдвиг средних значений самооценок относительно друг друга в период с середины 1980-х гг. по 2007–2009 гг. Статистически значимые отклонения обнаруживаются по шкалам I, IV, V и VI. Согласно этим данным больные с невротическими расстройствами, находившиеся на стационарном лечении в отделении неврозов и психотерапии Института им. В.М. Бехтерева в 2007–2009 гг., были более уверены в социальном одобрении окружающих по сравнению с пациентами начала 1990 и 2000-х гг. Депрессивный фон преобладающего настроения оказался более выраженным в 2007–2009 гг. в соотношении с серединой 1980-х гг., но полюс доминирующего настроения сместился в сторону большей оптимистичности по сравнению с больными невротизмом конца 1990-х и начала 2000-х гг. Пациенты с невротическими расстройствами 2007–2009 гг. оценивали себя как более открытых, способных к доверительным отношениям людей, нежели больные в начале 1990-х гг., они также более высоко оценивали уровень развития своих социальных навыков в сравнении с пациентами конца 1990-х и начала 2000-х гг. Таким образом, наиболее однородные результаты наблюдались в 2007–2009 гг. и в середине 1980-х гг., в свою очередь, основные различия в значениях шкал Гиссенского личностного теста выявились между больными отделением неврозов и психотерапии Института им. В.М. Бехтерева 2007–2009 гг., а также 1990-х и начала 2000-х гг., причем последние демонстрировали менее социально желательные характеристики личности. Вероятно, политические, социально-экономические, социально-психологические и другие перемены, происходившие в России в 1990-х и в начале 2000-х гг., обусловили рост уровня депрессивности, недоверия и закрытости, инициировали снижение уверенности в себе, своей социальной привлекательности и способностей у пациентов с невротическими расстройствами.

Сравнительное исследование значений параметров Гиссенского личностного теста у больных с невротическими расстройствами в период с середины 1980-х гг. по 2007–2009 гг. показало тем не менее общие изменения по основным шкалам опросника, однако не столь выраженные. Этот факт позволяет рассматривать Гиссенский личностный тест как устойчивый и надежный психодиагностический инструмент для исследования пациентов с невротическими расстройствами, его показатели могут использоваться в рамках определения взаимосвязей базовых психосоциальных свойств личности больных данной нозологической группы с основными клиническими синдромами.

Проведенное корреляционное исследование, результаты которого обрабатывались с помощью корреляционного анализа (по коэффициенту корреляции Спирмана), выявило 19 достоверных ($p < 0,05$) корреляционных связей, из них 5 отрицательных между показателями шкал Гиссенского личностного теста и симптоматического опросника Александровича у пациентов с невротическими расстройствами, получавшими стационарную помощь в отделении неврозов и психотерапии Института им. В.М. Бехтерева (табл. 3).

Одна отрицательная корреляционная взаимосвязь была прослежена между шкалой социального одобрения (I шкала) и психастеническими нарушениями ($r = -0,19$), предполагающая обратную зависимость, т.е. чем выше значения по шкале социального одобрения, тем больше больные уверены в своей положительной социальной репутации, привлекательности, популярности, способности добиваться поставленной цели, уважении и высокой оценке других людей, тем ниже у них показатели психастенических нарушений, т.е. тем в меньшей степени выражены недостаток самостоятельности, затрудняющая жизнь неуверенность в себе, беспомощность, жизненная «неумелость», зависимость, подчиняемость и т.д.

Тесные отрицательные корреляционные взаимосвязи были выявлены между шкалой доминантности (II шкала) и такими клиническими шкалами, как депрессивные расстройства ($r = -0,18$), беспокойство и напряжение ($r = -0,28$), истерические расстройства ($r = -0,20$). Чем выше у больных невротизмом значения по II шкале (больше развиты терпеливость, покладистость, склонность к подчинению и зависимость и менее выражены агрессивность, импульсивность, притязания на первенство), тем меньше выражены чувство печали, угнетенности, идеи самообвинения, пессимизм, предчувствие неудач и провалов в будущем, внутреннее напряжение, беспокойство, чувство злости, гнева, подверженность сильным, глубоким переживаниям, невозможность сдерживать свои чувства, невзирая на последствия, чувство недооцененности.

Матрица корреляций показателей шкал Гиссенского личностного теста и симптоматического опросника Александровича у больных с невротическими расстройствами в 2007–2009 гг. (n = 127)

Шкалы ГТ	Шкалы симптоматического опросника Александровича													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
I	0,01	-0,12	-0,10	-0,04	-0,06	-0,08	0,12	0,03	-0,04	-0,17	0,09	-0,19	0,00	-0,03
II	-0,04	-0,18	-0,28	-0,14	-0,20	-0,10	-0,01	-0,25	-0,12	-0,02	0,05	-0,14	-0,06	-0,13
III	0,24	0,13	0,10	0,07	0,12	0,05	0,11	0,11	0,04	0,05	0,24	0,12	0,18	0,17
IV	0,25	0,45	0,29	0,33	0,34	0,30	0,30	0,32	0,15	0,08	0,35	0,41	0,35	0,39
V	-0,20	-0,09	-0,09	-0,07	-0,10	-0,06	-0,02	0,02	-0,10	0,03	-0,11	-0,04	-0,14	-0,12
VI	-0,10	-0,06	-0,06	-0,00	-0,13	-0,05	0,01	-0,10	-0,06	0,07	-0,12	-0,05	-0,04	-0,07

Примечание. I – шкала социального одобрения; II – шкала доминантности; III – шкала контроля; IV – шкала преобладающего настроения; V – шкала открытости – замкнутости; VI – шкала социальных способностей. 1 – страх, фобии; 2 – депрессивные расстройства; 3 – беспокойство, напряжение; 4 – нарушение сна; 5 – истерические расстройства; 6 – неврастенические расстройства; 7 – сексуальные расстройства; 8 – дереализация; 9 – навязчивости; 10 – трудности в социальных контактах; 11 – ипохондрические расстройства; 12 – психастенические нарушения; 13 – соматические нарушения; 14 – уровень невротичности.

Шкала контроля (III шкала) положительно коррелирует с клинической шкалой страхов и фобий ($r = 0,24$), со шкалой ипохондрических расстройств ($r = 0,24$) и с соматическими нарушениями ($r = 0,18$). Таким образом, высоким значениям по III шкале, указывающим на склонность больных невротиками к излишнему контролю, педантичности, усердию, отсутствию легкомысленного, беззаботного поведения, соответствуют выраженность тревоги, разнообразных страхов, многочисленные соматические жалобы, постоянная концентрация внимания на телесных функциях, обнаружение у себя признаков различных серьезных заболеваний, ипохондрическая сосредоточенность.

Шкала преобладающего настроения (IV шкала) положительно коррелирует с большинством клинических шкал симптоматического опросника Александровича: депрессивными расстройствами ($r = 0,45$), психастеническими нарушениями ($r = 0,41$), общим индексом выраженности симптоматики ($r = 0,39$), ипохондрическими расстройствами ($r = 0,35$), соматическими нарушениями ($r = 0,35$), истерическими расстройствами ($r = 0,34$), нарушениями сна ($r = 0,33$), дереализацией ($r = 0,32$), неврастеническими и сексуальными расстройствами ($r = 0,30$), беспокойством и напряжением ($r = 0,29$), страхом и фобиями ($r = 0,25$). Данные взаимосвязи свидетельствуют о том, что преобладание у пациентов с невротическими расстройствами подавленности, склонности к рефлексии, робости, зависимости, самокритичности сопряжено с большей выраженностью невротической симптоматики в целом, таких расстройств, как тревожно-депрессивные, психастенические, неврастенические, истерические, ипохондрические.

Выявлена отрицательная корреляционная взаимосвязь между шкалой открытости–замкнутости (V шкала) со страхом и фобиями ($r = -0,20$). Чем выше значения по V шкале, тем, соответственно, более замкнутыми, недоверчивыми, отстраненными от других людей, стремящимися скрыть собственную потребность в любви считают себя пациенты с невротическими расстройствами, тем меньше они предъявляют жалобы тревожного и фобического регистра.

Корреляционный анализ зависимости симптоматической конфигурации, измеряемой с помощью опросника выраженности психопатологической симптоматики SCL-90, от социально-психологических характеристик в группе больных с невротическими расстройствами, находившихся на стационарном лечении в отделении неврозов и психотерапии Института им. В.М. Бехтерева в 2007–2009 гг., показал следующее (табл. 4).

Отмечаются три значимые отрицательные корреляции шкалы доминантности – с параметрами тревожность ($r = -0,19$; $p < 0,05$), враждебность ($r = -0,35$; $p < 0,05$) и общий индекс выраженности симптоматики ($r = -0,18$; $p < 0,05$). Это означает, что в исследованной нозологической группе отрицательный полюс доминантности сопряжен с низкими значениями шкал тревожность, враждебность и общим индексом выраженности симптоматики. Таким образом, подчиняемость, скромность, робость, уступчивость у больных невротиками связаны с низким уровнем нервозности, нетерпеливости и внутреннего напряжения; с невысокой степенью враждебного поведения (агрессивные мысли, чувства и действия); со снижением общей напряженности симптомов.

Наблюдается положительная корреляционная взаимосвязь шкалы контроля с параметром фобии ($r = 0,20$; $p < 0,05$). Из этого следует, что избыточный самоконтроль приводит к повышению значений по шкале фобии. Итак, сдержанность, педантичность, старательность у пациентов с невротическими расстройствами обуславливают повышение страхов фобической природы (страх открытых пространств, большого скопления людей, фобические реакции социального характера и пр.).

Шкала преобладающего настроения имеет положительные корреляции со всеми шкалами опросника выраженности психопатологической симптоматики SCL-90, т.е. высокий уровень депрессивного фона настроения у больных невротиками связан с повышением значений всех параметров теста. Наиболее тесные корреляции были выявлены со шкалами межличностная тревожность ($r = 0,48$; $p < 0,05$), депрессивность ($r = 0,46$; $p < 0,05$), общий индекс выраженности симп-

Таблица 4

Матрица корреляций показателей шкал Гиссенского личностного теста и опросника выраженности психопатологической симптоматики SCL-90 у больных с невротическими расстройствами в 2007–2009 гг. (n = 128)

Шкалы ГТ	Шкалы опросника выраженности психопатологической симптоматики SCL-90												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
I	0,06	-0,01	-0,16	-0,09	-0,04	-0,06	-0,05	-0,09	-0,04	-0,10	-0,07	-0,11	0,09
II	-0,10	-0,17	-0,14	-0,17	-0,19	-0,35	0,02	-0,10	-0,17	-0,13	-0,18	-0,16	-0,12
III	0,17	-0,02	0,10	0,11	0,13	-0,08	0,20	0,03	0,07	0,16	0,13	0,09	0,11
IV	0,35	0,30	0,48	0,46	0,35	0,20	0,28	0,36	0,41	0,41	0,46	0,40	0,26
V	-0,10	-0,06	-0,02	-0,05	-0,23	-0,11	-0,15	-0,08	-0,07	-0,10	-0,11	-0,13	0,01
VI	-0,04	-0,04	0,08	0,01	-0,09	-0,00	-0,05	-0,04	-0,01	0,07	-0,02	-0,00	-0,03

Примечание. I – шкала социального одобрения; II – шкала доминантности; III – шкала контроля; IV – шкала преобладающего настроения; V – шкала открытости – замкнутости; VI – шкала социальных способностей. 1 – соматизация; 2 – обсессивность – компульсивность; 3 – межличностная тревожность; 4 – депрессивность; 5 – тревожность; 6 – враждебность; 7 – фобии; 8 – паранойяльность; 9 – психотизм; 10 – шкала дополнительных значений; 11 – общий балл – индекс GSI; 12 – индекс проявления симптоматики PSI; 13 – индекс выраженности дистресса PDSI.

томатики ($r = 0,46$; $p < 0,05$), психотизм ($r = 0,41$; $p < 0,05$), шкала дополнительных значений ($r = 0,41$; $p < 0,05$), индекс проявлений симптоматики ($r = 0,40$; $p < 0,05$). В целом угнетенность, интропунитивность, застенчивость пациентов с невротическими расстройствами предопределяет развитие высокого уровня симптоматики, обостренного чувства неловкости и выраженного дискомфорта при межличностном взаимодействии, угасания интереса, недостаточности мотивации к деятельности и др.

Выявляется отрицательная корреляционная взаимосвязь шкалы открытость – замкнутость с параметром тревожность ($r = -0,23$; $p < 0,05$), т.е. недоверчивость, необщительность, отстраненность от окружающих приводят к снижению значений по шкале тревожность. Таким образом, низкий уровень доверия и искренности перед другими людьми у больных неврозами определяет снижение чувства гнетущего беспричинного внутреннего беспокойства.

Итак, исходя из результатов корреляционного анализа, можно сделать следующие выводы. Субъективно негативное представление пациентов с невротическими рас-

стройствами о своей социальной репутации, слабая способность добиваться поставленных целей провоцируют у них ощущение беспомощности, зависимости, подчиняемости, усиливая психастеническую симптоматику. Уступчивость, покладистость, бесконфликтность больных неврозами обуславливают понижение у них уровня внутреннего напряжения и беспокойства, печали и угнетенности, проявлений враждебного и демонстративного поведения, а доминантность, нетерпение, желание настоять на своем, в свою очередь, ведут к повышению общей напряженности данных симптомов. Склонность к излишнему контролю способствует повышению общей тревожности, формированию страхов разнообразной природы, соматических жалоб, ипохондрической сосредоточенности. Подавленность, интропунитивность, застенчивость пациентов с невротическими расстройствами сопряжены с развитием высокого уровня невротической симптоматики в целом в рамках тревожно-депрессивных, неврастенических, истерических, ипохондрических расстройств, а низкий уровень доверия и искренности позволяет больным справляться с тревогой, беспокойством, страхами.

Литература

1. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства: Руководство для врачей. М., 1997. 442 с.
2. Аристова Т.А. Сравнительные исследования биологического и психологического компонентов психической адаптации больных неврозами и неврозоподобной шизофренией: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1999. 196 с.
3. Гольякина Е.А. Динамика социально-психологических характеристик больных неврозами в процессе групповой психотерапии: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1992. 168 с.
4. Гольякина Е.А., Исурина Г.Л., Кайдановская Е.В. и др. Гиссенский личностный опросник (использование в психодиагностике для решения дифференциально-диагностических и психотерапевтических задач): Метод. пособие. СПб., 1993. 19 с.
5. Захарова М.Л. Исследование дисфункциональных отношений у больных неврозами и их динамики в процессе психотерапии: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2001. 230 с.
6. Карвасарский Б.Д. Неврозы. 2-е изд. М.: Медицина, 1990. 489 с.
7. Носков Г.Г. Клинико-психологические особенности механизмов формирования невротической тревожности при основных формах неврозов: Дис. ... канд. мед. наук. СПб., 1987. 187 с.

THE DYNAMICS OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PERSONAL TRAITS IN PATIENTS WITH NEUROTIC DISORDERS FROM THE MIDDLE EIGHTIES TO 2009 YEAR AND THEIR INFLUENCE ON THE CHARACTER AND ON THE DEGREE OF PSYCHOPATHOLOGICAL SYMPTOMS
Mizinova E.B., Kolotilshchikova E.A. (Sankt-Petersburg)

Summary. The research results of the dynamics of social and psychological personal traits in patients with neurotic disorders from the middle eighties to 2009 year and their influence on the character and on the degree of psychopathological symptoms are presented.

Key words: patients with neurotic disorders; social and psychological personal traits; psychopathological symptoms; Hissen's personal scale; Symptoms check list – 90 L.R. Derogatis, the Alexandrowitz' symptomatic scale.

ОСОЗНАННЫЕ И НЕОСОЗНАННЫЕ КОМПОНЕНТЫ «ВНУТРЕННЕЙ КАРТИНЫ БОЛЕЗНИ» У БОЛЬНЫХ РАССЕЯННЫМ СКЛЕРОЗОМ

Т.Н. Резникова, В.И. Семиволос, Н.А. Селиверстова (Санкт-Петербург)

Аннотация. Рассмотрена одна из наиболее актуальных проблем медицинской психологии – «внутренняя картина болезни». С помощью комплекса психологических методик, включающих проективный тест «профили человека», выявлено, что у больных рассеянным склерозом имеются диссоциации между осознанными и неосознанными компонентами внутренней картины болезни. Показано, что данные диссоциации формируются на фоне нарушения эмоционально-личностных особенностей.

Ключевые слова: внутренняя картина болезни; осознанные и неосознанные компоненты; рассеянный склероз.

Проблема изучения «внутренней картины болезни» (ВКБ) в настоящее время сохраняет свою актуальность. ВКБ – это формируемая личностью психологическая структура, отражающая как изменения внутри организма, так и события внешнего мира, связанные с болезнью. Установлено, что особенности ВКБ влияют на течение, прогноз и исход заболевания, поэтому при нарушениях формирования ВКБ необходимо проводить психокоррекционные мероприятия [5, 6, 15, 17–19, 24, 25 и др.].

ВКБ представляет собой внутриличностную структуру, состоящую из разных компонентов (психологических, физиологических, биохимических и др.), объединенных в единую сложную систему [19, 24]. Особое значение в этой структуре принадлежит осознанным и неосознанным компонентам, исследование которых необходимо для расширения понимания механизмов ВКБ и личности в целом. Однако работ в этом направлении недостаточно, поэтому вопросы изучения взаимодействия осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности больного остаются малоразработанными [26]. Вместе с тем важность согласованной работы на этих уровнях (осознанном и неосознанном) подчеркивается многими авторами, поскольку рассогласование может приводить к возникновению внутриличностных конфликтов и в итоге к разного рода психическим и соматическим нарушениям [9, 16].

Осознанные компоненты ВКБ изучаются с помощью беседы, наблюдения, опросников и анкет. Для исследования неосознанных процессов существуют, главным образом, проективные тесты, которые направлены на выявление отношения личности к тому или иному событию. Анализ проективных тестов является трудной задачей. Наиболее информативны в этом плане рисуночные тесты, позволяющие изучать бессознательные механизмы личности [13, 22 и др.].

Согласованная работа всех компонентов ВКБ имеет большое значение для сохранения и использования резервных возможностей личности, что важно при любом заболевании, а особенно при таком тяжелом, как рассеянный склероз (РС). Известно, что РС отличается большим разнообразием неврологической симптоматики, непредсказуемостью течения, наличием функциональных расстройств ЦНС и различных нарушений когнитивных функций и личности [1, 11]. Вместе с тем работ

по исследованию ВКБ при РС крайне мало. В связи с этим нашей задачей стало исследование осознанных и неосознанных компонентов ВКБ у больных РС, что важно для изучения психологических механизмов личности и в диагностических целях.

Контигент обследованных больных и методы исследования. Обследовано 50 больных рассеянным склерозом (16 мужчин и 34 женщины) в возрасте от 18 до 56 лет легкой и средней степени тяжести по расширенной шкале инвалидизации EDSS (Kurtzke J.F., 1983) от 1,5 до 4,5 балла с длительностью заболевания от 1 до 30 лет. Все больные на момент исследования находились в стадии ремиссии и не имели отчетливой очаговой неврологической симптоматики. Тип течения заболевания ремиттирующий.

Для оценки осознанных компонентов проводился психологический анализ жалоб. В жалобах больных отражаются изменения тех или иных нарушений процессов жизнедеятельности организма и отношение к ним (их значимость для больного), характеристики которых детерминированы особенностями организма и личностными свойствами.

Для оценки неосознанных компонентов использовался рисуночный тест, названный нами условно «профили человека», в котором проявляется разное отношение человека к своим субъективным ощущениям, главным образом, на неосознаваемом уровне. При анализе изображений субъективных ощущений (СО) использовались общепринятые критерии оценки рисуночных тестов – учитывались признаки, не зависящие от содержания изображения, такие как степень нажима, наличие штриховки, символического или конкретного изображения [12, 21].

Методика «профили человека» представляет собой два контура тела человека, разделенных по центру вертикальной линией на правую и левую части (рис. 1). Профили располагаются на протяжении всей ширины листа белой бумаги размером (21 × 30). Исследование проводилось индивидуально с каждым больным в такой последовательности: больному давали простой карандаш ТМ, ластик и лист, на котором изображены «профили человека». Затем предлагалась следующая инструкция: «Отметьте на рисунке наиболее значимые для Вас ощущения». На основании литературных данных [13, 22] и по результатам наблюдения нами были выделены основные параметры, по

которым принципиально отличались варианты изображения ощущений у разных больных, такие как пространственно-временная соотнесенность и эмоциональный тон ощущения. Выделенные параметры играют большую роль в диагностике ВКБ, поскольку отражают важные характеристики тела, а также отношение к ощущениям, степень

«сформированности» образа СО в сознании больного и фиксации на нем. Таким образом, посредством проекции своих СО в свободной форме на рисунке раскрывались эмоциональное отношение к симптомам и их значимость для больного, отражающие неосознанные компоненты ВКБ.

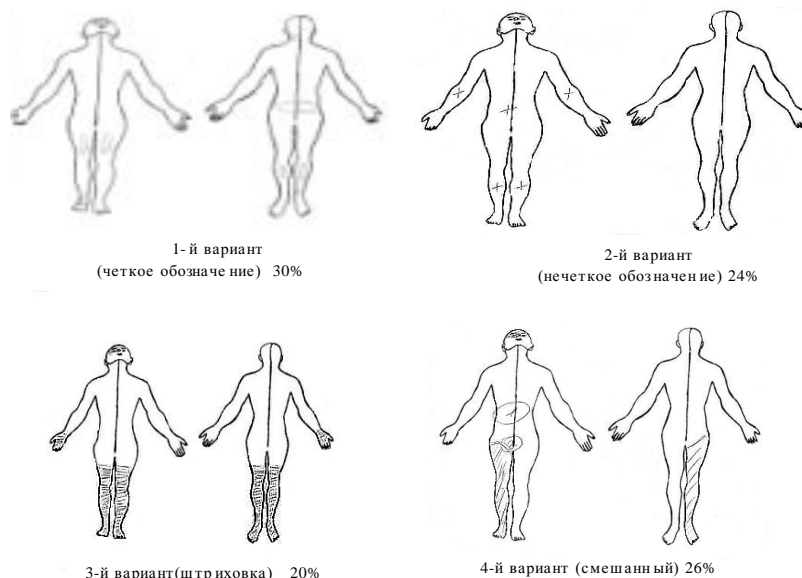

Рис. 1. Примеры основных вариантов изображения субъективных ощущений на «профилях человека»

В дальнейшем для раскрытия особенностей «внутренней картины болезни» было проведено сопоставление приоритетных СО, предъявленных больными вербально во время беседы и обозначенных графически на «профилях человека». Мы придерживались мнения, что наиболее беспокоящие СО больной должен отметить как в ходе беседы, так и на рисунке. При сопоставлении указанных данных рассматривались совпадения основных категорий жалоб, выделенных в ходе опроса по специальной программе и обозначенных на рисунке, при этом форма самого речевого высказывания не рассматривалась. Совпадение смысловых категорий высказывания и изображения принималось за соответствие. В итоговом заключении учитывались оценки независимых экспертов.

Кроме того, для оценки эмоционально-личностных особенностей больных применялись личностный опросник ММРІ [2] и тест Тейлор [14]. Эти тесты были выбраны в связи с тем, что они наиболее четко отражают актуальное психическое состояние больных, на фоне которого проявляются особенности ВКБ, одним из индикаторов которого являются СО. Для статистического анализа использовались описательная статистика и критерий Манна–Уитни [23].

Результаты

Большинство больных РС предъявляли разнообразные жалобы, связанные с различными системами орга-

низма. Наиболее значимыми оказались жалобы на затруднения при ходьбе, болевые ощущения, эмоциональные нарушения и нарушения чувствительности. Иерархия значимости жалоб оценивалась по первостепенности предъявления.

Качественный анализ жалоб позволил разделить их по характеру (табл. 1).

Как видно из табл. 1, для больных РС характерно большое количество разнообразных СО, которые свидетельствуют о вовлечении в патологический процесс различных систем организма. Наиболее значимыми оказались двигательные (слабость при ходьбе, шаткость походки, мелкая моторика рук); болевые (головные, боли в сердце, в различных частях тела и др.); чувствительные (онемение в различных частях тела); вегетативные (головокружение, звон в ушах, потливость и др.); эмоциональные (тревога, ощущение эмоционального дискомфорта, раздражительность, сниженный фон настроения и др.); активационные (сонливость, утомляемость, общая слабость, нарушение сна и др.); интеллектуальные (снижение памяти, внимания и др.); нарушения зрения и функций тазовых органов; нейропсихологические (главным образом, остаточные нарушения речи); прочие СО (изменение голоса, слуха и др.).

Индивидуальные показатели больных по данным ММРІ и теста Тейлор характеризовались большим разнообразием и выраженностью эмоционально-личностных нарушений. Вместе с тем по усредненным данным

по группе больных РС выделились общие закономерности. Оценка актуального психического состояния и особенностей личности больных РС по тесту ММРІ показала следующее. В усредненном профиле больных РС (рис. 2) наблюдалось повышение значений 1, 2, 3, 4

и 8-й шкал, что свидетельствовало о выраженном эмоциональном дискомфорте и трудностях адаптации преимущественно по смешанному типу, наиболее неблагоприятному, сочетающему разнонаправленные типы личностного реагирования.

Т а б л и ц а 1

Субъективные ощущения по жалобам больных рассеянным склерозом

Жалобы	Количество чел.	%
Двигательные	31	62
Вегетативные	25	62
Мочеполовые	20	40
Болевые	31	50
Эмоциональные	17	34
Чувствительные	16	32
Активационные	15	30
Зрительные	12	24
Интеллектуальные	6	12
Нейропсихологические	4	8
Прочие	17	34

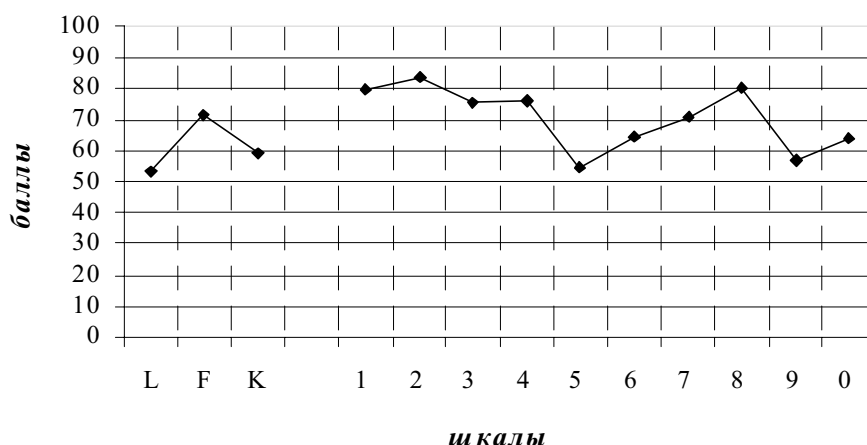

Рис. 2. Усредненный «профиль личности» по методике ММРІ у больных рассеянным склерозом.
 Оценочные шкалы: *L* – шкала лжи; *F* – аггравации и симуляции; *K* – шкала коррекции.
 Основные шкалы: 1 – ипохондрии; 2 – депрессии; 3 – истерии; 4 – психопатии;
 5 – женственности – мужественности; 6 – паранойи; 7 – психастении; 8 – аутизма;
 9 – гипомании; 0 – социальной интроверсии

В эмоциональном состоянии больных отмечался высокий уровень тревоги (по тесту Тейлор $23,32 \pm 9,08$).

Для выявления неосознанных компонентов в структуре ВКБ у больных РС было проведено исследование СО с использованием проективной методики, представляющей собой схематическое изображение контуров тела человека, где в свободной форме больные изображали зоны дискомфортных ощущений. Известно, что на рисунке человек проецирует свое внутреннее состояние и эмоциональные особенности, о которых свидетельствуют факторы, относительно не зависящие от содержания изображения, такие, как, например, сила нажима, размер, детализирование, наличие штриховки [13, 22]. Кроме того, рисунок помогает раскрыть значимость для больных соматических ощущений и наличие психологических конфликтов, связанных с заболеванием.

В ходе анализа индивидуальных изображений было выявлено несколько основных вариантов обозначения больными своих СО. Варианты рисунков формировались по степени сходства изображения.

При первом варианте изображения больные точно и четко обводили область субъективных ощущений окружностью или отграничивали ее чертой. Такой вариант наблюдался у 30 % больных (15 чел.) и был назван как «четкое обозначение» СО. Поскольку в литературе наличие четкого изображения, отсутствие знаков, символов считается более адекватным в изображении [13, 22], можно считать, что такие больные имеют отчетливо сформированное представление о своих субъективных ощущениях. Во втором варианте больные (24 % случаев, 12 чел.) неопределенно обозначали области СО знаком (плюсом, стрелкой, крестиком, точкой, волнистой

линией), он был назван «нечеткий вариант» изображения. При третьем варианте больные (20 %, 10 чел.) обозначали субъективные ощущения штриховкой. Согласно литературным данным штриховка отражает фиксацию и тревогу рисующего на изображенном элементе [13, 22], что в нашем случае может указывать на зону беспокойства. У 26% больных (13 чел.) был выделен четвертый вариант, названный смешанным, при котором отмечалось сочетание ранее выделенных способов обозначения субъективных ощущений. Таким образом, по характеру проективного способа изображения субъективных ощущений все больные РС разделились на 4 группы с разными вариантами, отражающими отношение к СО.

В ходе психологического исследования было обнаружено несоответствие между предъявляемыми вербально жалобами (V) и изображением СО на «профилях человека» (G), вследствие чего было проведено сопоставление данных рисуночного теста и вербальных жалоб. В процессе психологического анализа было выделено несколько подгрупп больных с разными вариантами соответствия.

I подгруппа включала больных (22%), у которых СО, представленные на графическом изображении, соответствовали жалобам в ходе клинической беседы. Во II подгруппу вошли больные (30%), изображавшие больше СО на рисунке, чем предъявлено жалоб. В III подгруппу вошли больные (30%), отметившие на рисунке не все жалобы, предъявляемые вербально, и IV подгруппа состояла из лиц (18%), у которых области, указанные на «профиле человека» и вербально, не соответствовали друг другу. Например, больной в ходе беседы предъявлял жалобы на слабость, сильную головную боль, а на

рисунке изображал только нарушение чувствительности пальцев левой руки и ноги. Такое расхождение могло быть связано с нестабильностью значимости СО, что приводило к разной степени актуализации СО либо на осознанном, либо на неосознанном уровне.

Проведенный сравнительный анализ психологических тестов среди выделенных подгрупп выявил (табл. 2), что у больных I подгруппы с полным соответствием СО, предъявленных вербально и графически, усредненные тестовые показатели, отражающие психическое состояние и личностные особенности, были в пределах нормы (значения показателей по ММРІ и тесту Тейлор не превышали нормативных значений).

В других подгруппах наблюдались значительные эмоционально-личностные нарушения, которые проявлялись повышенным уровнем тревоги по тесту Тейлор ($p < 0,05$), а также высокими значениями ряда шкал теста ММРІ. Так, во II и III подгруппе выше нормативных были значения большинства шкал – 1, 2, 3, 4, 7 и 8-й ($p < 0,05$). В IV подгруппе повышены значения 1, 2, 3, 4, 6, 7 и 8-й шкал ($p < 0,05$).

Таким образом, в 78% случаев наблюдалось несоответствие жалоб изображению на рисунке и только в 22% они совпадали. Соответствие значимости СО, предъявляемых вербально и невербально, наблюдалось на фоне нормативных показателей эмоционального состояния и личностной сферы, при несоответствии (рассогласовании) СО отмечалось повышение уровня тревоги и показателей большинства шкал ММРІ.

Суммируя полученные результаты, можно сказать, что при соответствии данных, полученных во время беседы и с помощью методики «профили человека», у больных не отмечалось личностных изменений, в то

Таблица 2

Усредненные показатели психологических тестов у больных с разными типами соответствия изображения на «профиле человека» жалобам

Показатели тестов	I подгруппа G = V n=12	II подгруппа G > V n=17	III подгруппа G < V n=15	IV подгруппа G ≠ V n=9
	M±m	M±m	M±m	M±m
Шкалы теста Тейлор				
Суммарная тревога	15,33 ± 8,34	26,53 ± 7,34***	25,92 ± 9,61**	25,86 ± 6,62**
Шкалы теста ММРІ				
Ипохондрии	68,18 ± 14,76	81,13 ± 14,85*	77,00 ± 11,26	77,00 ± 11,59
Депрессии	67,27 ± 12,19	85,93 ± 14,32***	84,79 ± 12,72***	80,57 ± 8,52*
Истории	65,09 ± 11,97	77,87 ± 13,88**	74,14 ± 9,29	76,00 ± 9,09
Психопатии	68,18 ± 7,36	77,00 ± 11,98	78,50 ± 12,62**	77,57 ± 9,93*
Мужеств./женственности	55,45 ± 11,25	54,80 ± 11,89	50,86 ± 7,78	51,57 ± 6,50
Паранойи	56,91 ± 7,13	69,80 ± 11,18***	67,50 ± 14,58*	70,29 ± 9,86**
Психастении	56,55 ± 9,86	74,20 ± 12,61***	70,43 ± 12,34**	71,00 ± 5,39**
Шизофрении	67,82 ± 9,45	82,13 ± 6,79**	77,36 ± 8,56**	80,86 ± 4,49**
Гипомании	61,64 ± 6,96	60,20 ± 10,71	59,50 ± 9,30	61,43 ± 9,54
Интроверсии	53,18 ± 7,69	63,47 ± 8,03**	69,43 ± 7,77***	61,14 ± 5,52*

Примечание. G – жалобы, изображенные графически; V – жалобы, предъявленные вербально; G = V – жалобы совпадают; G ≠ V – указаны разные жалобы.

M – среднее значение; m – стандартное отклонение.

* – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,003$ – отличия от I подгруппы.

время как при их несоответствии наблюдались выраженные психические нарушения личности, что может свидетельствовать о дезадаптивном отношении к заболеванию. Это подчеркивает важность информации, не осознаваемой больными, которая может влиять на всю его систему отношений.

Обсуждение

Результаты нашей работы показали, что у больных рассеянным склерозом с легкой и средней степенью тяжести в состоянии ремиссии имеются многочисленные субъективные значимые жалобы, затрагивающие разные системы организма, на фоне эмоционально-личностных нарушений – высокого уровня тревоги (по тесту Тейлор) и дезадаптации личности смешанного характера (по тесту ММРІ). Эти результаты согласуются с литературными данными [1, 7, 20, 21, 28].

Для изучения неосознанных компонентов ВКБ была использована проективная рисуночная методика «профили человека». В то же время анализ литературных данных показал, что для исследования ВКБ используются преимущественно опросники, основанные на осознанной оценке своего состояния, главным образом ТО-БОЛ. Вместе с тем известно, что по сравнению с опросниками рисуночные тесты позволяют изучать субъективный мир человека на глубинном бессознательном уровне и несут в себе информацию, касающуюся разных сторон личности [13, 22]. В литературе работ по психологическому исследованию субъективных ощущений крайне мало, а проективные рисуночные методики применяются в основном для изучения таких аспектов системы отношений, как образ «Я», представление о болезни, восприятие своего тела [4, 8, 27].

Исследование неосознанных компонентов ВКБ с использованием проективных рисуночных тестов показало,

что во внутреннем мире больных РС формирование образа СО формируется по-разному. При этом в 30% случаев больные могут изображать свои СО в виде штриховки, нечетких областей и т.д. Такого рода исследований в литературе мы не встречали. Можно предположить, что полученные данные, отражая различное отношение больных к симптомам, указывают на возможные эмоционально-личностные проявления, такие как недооценка, игнорирование или, наоборот, повышенное внимание и фиксация на них, затрудняющие процесс лечения.

Известно, что невербальное поведение гораздо меньше подвергается сознательному контролю, чем вербальное, так как преимущественно управляется бессознательными механизмами [3, 10, 16], в то время как в вербальном предъявлении материала отражаются преимущественно осознанные компоненты психики. По мнению некоторых авторов, «невербальное поведение и речевая активность индивида, как разные уровни сообщения, могут быть согласованными и несогласованными между собой в рамках единой психологической структуры» [16].

Таким образом, больные РС в состоянии ремиссии предъявляли большое количество разнообразных СО, которые по-разному отображаются на вербальном (осознанном) и невербальном (неосознанном) уровне. Результаты нашей работы выявили роль диссоциации субъективных ощущений, изображенных на рисунке, с жалобами, предъявленными вербально, что дает важную информацию о механизмах нарушений ВКБ. При соответствии осознанной и неосознанной оценок СО у больных РС эмоционально-личностная сфера была сохранной, при несоответствии – наблюдались существенные нарушения. Это подчеркивает важность информации, не осознаваемой больными, которая может влиять на всю систему отношений, эффективность лечения и качество ремиссии [25].

Литература

1. Алексеева Т.Г., Бойко А.Н., Гусев Е.И. Спектр нейропсихологических нарушений при рассеянном склерозе // Журнал невропатологии и психиатрии. 2000. Т. 100, № 11. С. 15–20.
2. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Рожанец Р.В. Методика многостороннего исследования личности (в клинической медицине, в психогигиене). М.: Медицина, 1976. 186 с.
3. Болдырева Л.С., Ковалева З.Я., Хряцева Н.Ю. Социально-психологическая подготовка врача-интерниста в клинике психосоматических заболеваний // Психологическая диагностика отношений к болезни при нервно-психической патологии. Л., 1990. С. 115–119.
4. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер Ком, 1999. 528 с.
5. Вассерман Л.И. Методика для исследования типов отношения к болезни: Методические рекомендации института им. В.М. Бехтерева. Л., 1987. 16 с.
6. Вассерман Л.И., Иовлев Б.В. и др. Психологическая диагностика типов отношения к болезни при психосоматических и нервно-психических расстройствах: Методические рекомендации. СПб., 1991. 23 с.
7. Заславский Л.Г. Значение психоэмоционального стресса в этиологии и течении рассеянного склероза // Рассеянный склероз как болезнь, образ жизни и общественное течение. СПб., 1997. С. 34.
8. Исаев Д.Н., Шац И.К. Внутренняя картина болезни у детей с острым лейкозом // Педиатрия. 1985. № 7. С. 42–44.
9. Карвасарский Б.Д. Клиническая психология: Учеб. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. 960 с.
10. Кирилленко Г.Л. Проблема исследования жестов в зарубежной психологии // Психологический журнал. 1987. Т. 8, № 4. С. 138–147.
11. Коркина М.В., Мартынов Ю.С., Малков Г.Ф. Психологические нарушения при рассеянном склерозе. М.: Изд-во УДН, 1986. 123 с.
12. Линде Н.Д. Эмоционально-образная терапия // Психотерапия. 2007. № 5. С. 21.
13. Маховер К. Проективный рисунок человека: Пер. с англ. 2-е изд., испр. М.: Смысл, 2000. 154 с.
14. Немчин Т.А. Изучение состояния тревоги у больных неврозами при помощи опросника // Вопросы современной психоневрологии. Л., 1966. С. 52–55.

15. Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику. М.: Изд-во МГУ, 1987. 168 с.
16. Подсадный С.А. К проблеме согласованности вербального и невербального каналов сообщений у больных неврозами в процессе групповой психотерапии // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1992. № 4. С. 93–95.
17. Резникова Т.Н. Внутренняя картина болезни: структурно-функциональный анализ и клинико-психологические соотношения: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1998. С. 40.
18. Резникова Т.Н., Краснов А.А., Селиверстова Н.А., Терентьева И.Ю. Исследование «внутренней картины болезни» у больных с органической и функциональной патологией ЦНС в процессе лечебных активаций методом искусственных стабильных функциональных связей мозга человека // Вестник клинической психологии. 2004. Т. 2, № 1. С. 84–90.
19. Резникова Т.Н., Смирнов В.М. О моделировании «внутренней картины болезни» // Проблемы медицинской психологии. Л., 1976. С. 122–124.
20. Резникова Т.Н., Терентьева И.Ю., Селиверстова Н.А., Хоменко Ю.Г. Особенности адаптации личности больных рассеянным склерозом // Неврологический вестник. 2006. Т. 38, вып. 3–4. С. 30–35.
21. Резникова Т.Н., Терентьева И.Ю., Селиверстова Н.А., Хоменко Ю.Г. О значении психологического исследования для диагностики и лечения больных рассеянным склерозом // Журнал невропатологии и психиатрии им. Корсакова. 2007. Т. 107, № 7. С. 36–42.
22. Романова Е.С. Графические методы в практической психологии. СПб.: Речь, 2001. 416 с.
23. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2002. 350 с.
24. Смирнов В.М., Резникова Т.Н. Основные принципы и методы психологического исследования «внутренней картины болезни» // Методы психологической диагностики и коррекции в клинике / Под ред. М.М. Кабанова, А.Е. Личко, В.М. Смирнова. Л., 1983. С. 38–62.
25. Тапильков В.А. Психология лечебного процесса. Л., 1984.
26. Трегубов Л.З., Заякин Ю.Ю. Исследование внутренней картины болезни – необходимое условие в современной диагностике психических болезней // Пермский медицинский журнал. 2003. Т. 20, № 2. С. 206–209.
27. Шорина Н.М. «Внутренняя картина болезни» как предмет психологического исследования: Учеб. пособие. Владивосток: Морской гос. ун-т, 2003. 32 с.
28. Якимова В.И. Эмоциональные нарушения в клинике и течении рассеянного склероза: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Новосибирск, 2005. 22 с.

CONSCIOUS AND UNCONSCIOUS COMPONENTS OF THE INNER PICTURE OF THE DISEASE OF PATIENTS WITH MULTIPLE SCLEROSIS
Reznikova T.N., Semivolos V.I., Seliverstova N.A. (Saint-Petersburg)

Summary. This article deals with one of the most challenging problem of medical psychology – the inner picture of the disease. A complex of psychological methods was used involving projective method «profiles of people». Patients with multiple sclerosis have been found to have dissociations forming against the background of emotional and personality disturbances.

Key words: the inner picture of the disease; multiple sclerosis.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ И ПСИХОТЕРАПИИ В ИНТЕРНЕТЕ

В.Ю. Меновщиков (Москва)

Аннотация. Рассматриваются проблемы эмпирических исследований психотерапии и консультирования, базирующегося на компьютерной технологии. Дается краткий обзор современных зарубежных исследований. Обсуждаются трудности и новые возможности проведения научных исследований в Интернете.

Ключевые слова: е-терапия; кибертерапия; онлайн консультирование; основные проблемные вопросы; эмпирические исследования.

Одной из первых демонстраций консультативно-психотерапевтической практики в сети был сеанс психотерапии, проведенный Стэнфордским и Калифорнийским университетами в октябре 1972 г. Новые технологии получили наименование е-терапии, telehealth или кибертерапии. В настоящее время некоторые зарубежные авторы предпочитают термин «онлайн консультирование», по их мнению, объединяющий все многообразие видов психологической помощи в сети Интернет [16, 17].

К 1995 г. существовало двенадцать практик «е-терапии» в Интернете. К 2002 г. уже насчитывалось свыше 300 частных сайтов, где предлагались е-терапевтические услуги и размещались предложения от «е-клиник», которые совместно с частными сайтами насчитывали уже более чем 500 сайтов. Количество услуг е-терапии продолжает расти, наконец-то появились и первые российские интернет-порталы (например, Prof-consultant.ru и PsyOnline.ru).

То есть за прошедшие десятилетия данный вид психологической помощи за рубежом доказал свою востребованность, понемногу прививается он и в России. При этом снова возникли 3 классических вопроса, решаемых ранее в научных исследованиях психотерапии: «Приносит ли психотерапия в киберпространстве какую-либо пользу? Кому и какой вид психотерапии помогает? Как работает та или иная психотерапия (метод, подход) в киберпространстве? Более того, в научных и прикладных дискуссиях все еще звучат вопросы: «Действительно ли обращающиеся за психологической помощью через Интернет в ней нуждаются? Можно ли их эффективно консультировать в киберпространстве? А психотерапия ли это?»¹

Исследования, связанные с проблемами психологического консультирования и психотерапии в сети Интернет в России, практически отсутствуют. Что касается зарубежных исследований, они обычно имеют малые размеры и редко включают рандомизированные клинические испытания.

Тем не менее исследования проводятся, и в целом их можно сгруппировать по тому, на какие основные

проблемные вопросы они пытаются дать ответ. Ниже мы приводим как сами вопросы, так и примеры ответов на них в различных зарубежных исследованиях.

Вопрос 1. Полезна ли установленная компьютером коммуникация, дает ли она какие-либо преимущества по сравнению с коммуникацией «лицом к лицу»?

Еще в 1973 г. Greist нашел, что многие люди чувствуют себя более удобно, описывая социально ненормативное поведение, например самоубийство, компьютеру [23]. Возможно, что восприятие отсутствия оценки дает именно электронная почта, так как автор может быть анонимен, даже при том, что есть человек, получающий сообщение [11].

В 1987 г. Zimmerman изучала 18 клинических случаев (клиенты от 13 до 20 лет). Участники исследования общались через асинхронную компьютерную конференцию-связь в течение 30 минут дважды в неделю более 11 месяцев. Zimmerman нашла, что установленная компьютером коммуникация была более эгоцентрической, менее напряженной и имела более положительную оценку как самим участником, так и другими [22].

Sander сообщает относительно использования ведомого терапевтом компьютерного «чата», который развивался спонтанно как средство расширения поддержки супружеским парам, которые уже были вместе в группе «лицом к лицу». Пары нашли ограничение компьютерной технологии как создающей неверие в свои силы и чувствовали, что компьютерные сессии «бледнели» по сравнению с их личными сессиями. Sander наблюдал чувство неловкости вокруг представления себя через текст, т.е. опасение относительно суждения о небрежных/неправильных написаниях и опечатках [21].

Вопрос 2. Способствует ли использование онлайн контакта (терапии) увеличению изоляции или строит сообщество (способствует увеличению близости взаимодействующих людей)?

¹ Интересно, что подобные дебаты лет 30 назад велись и по поводу другого способа дистантной психологической помощи – телефона. Однако относительно недавний опрос 600 практикующих психологов – членов Американской психологической ассоциации (APA) дал следующие результаты: 98% сообщили, что они оказывают услуги по телефону (VandenBos & Williams, 2000). Чаще всего телефон использовали для направления (91%), экстренной помощи (79%), консультаций и обучения (71%), индивидуальной психотерапии (69%) и клинической супервизии (58%). Таким образом, сегодня большинство психологов используют телефон и для прямой помощи клиенту (в том числе при кризисе и индивидуальной психотерапии).

Kraut и др. в двухлетнем исследовании 73 семей нашли, что «большее использование Интернета было связано со снижением коммуникации участников исследования с членами семьи в домашнем хозяйстве, уменьшением размера их социального окружения и увеличением депрессии и одиночества» [14. С. 2]. Они также отметили, что трудно определить, что является причиной, а что следствием отношений между более частым использованием компьютера и социальной причастностью, так как многие люди используют компьютер, чтобы поддержать уже существующие сильные социальные связи. С другой стороны, они установили, что для более изолированных людей использование Интернета, возможно, увеличило социальное участие.

Mickelson полагает, что результаты Kraut являются неокончательными. В исследовании воздействия Интернета на родителей детей со специальными потребностями она нашла, что использование участниками интернет-групп поддержки соответствовало времени конфликта в их семьях. Предположительно – «изоляция, потеря социальных связей и неудачное разрешение конфликта со своей семьей» [10. С. 4] приводит к депрессии, а не непосредственно использованию Интернета.

Вопрос 3. Используются ли в терапии (консультировании) через Интернет те же теоретические предпосылки и методы, что и в терапии «лицом к лицу»?

Извлечение теоретической структуры, используемой в такого рода консультировании, показывает разнообразие методов и подходов, включая познавательный-поведенческий подход; ведение журнала (дневника); нарратив; терапию, сосредоточенную на решении, и терапию поддержки/самоусовершенствования. На одном из сайтов (www.cyberanalysis.com) предложена «комбинация самых эффективных элементов нескольких различных школ психотерапии, включая познавательную (когнитивную) аналитическую терапию; терапию, центрированную на клиенте; фрейдистскую психоаналитическую терапию; транзактный анализ и терапию персональных конструктов». Однако приводимые в литературе исследования, кажется, не представляют все обширное множество используемых в Интернете «терапевтических» методов.

Вопрос 4. Различаются ли навыки профессионалов, ведущих индивидуальную и групповую работу в Интернете, от подобной работы «лицом к лицу»? Как строится процесс онлайн консультирования и рабочий альянс?

Clawson, Bostrom и Anson провели исследование Систем групповой поддержки (GSS) в деловой среде и нашли немного различий между помощью, оказываемой группами «лицом к лицу», и Computer-mediated groups. Используя широкое определение помощи как «помощи

в облегчении достижения результата» [3. С. 549], они нашли, что помощь «лицом к лицу» и установленная компьютером помощь требуют подобных наборов навыков, состоявших из 9 измерений: «обеспечивать структуру; обеспечивать поддержку; развивать отношения; строить связь; создавать открытую, (со)участвующую окружающую среду; использовать индивидуальные различия; подчеркивать результат; разяснять роли; признавать и демонстрировать самоосознание» [3. С. 551]. Однако успешная помощь группы в Интернете, как было обнаружено, требовала дополнительных измерений. К таким измерениям исследователи отнесли «наличие концептуального понимания технологии и ее возможностей; наличие способности соответственно выбирать и подготовить компьютерную технологию; участвовать в действиях, которые создают комфорт и понимание технологии, и то, что она дает во взаимодействии с группой» [3. С. 559–560]. Хотя контекст этого исследования был деловой помощью, не терапевтической или консультативной, идентификация навыков применения технологии для эффективной практики группы онлайн может быть перенесена и на такие ситуации.

Рабочий альянс признается одним из критических факторов для эффективности любого вида консультирования и психотерапии. И все же Mallen и Vogel [16] в своем достаточно подробном обзоре приводят только три исследования, авторы которых попытались выявить тип отношений, или терапевтического союза, который может быть сформирован в течение консультирования онлайн. Они получили неоднозначные результаты. В частности, Hufford, Glueckauf и Webb в исследовании, в котором они сравнили videoconferencing с FtF-консультированием («лицом к лицу») для семей с подростками эпилептиками, подростки в условиях заочной конференции с помощью видеосвязи сообщили о своем восприятии значительно более низкого уровня терапевтического союза, чем сделали это в условиях FtF [17].

Тем не менее участники исследования Cohen и Kerr выставили подобные оценки между CMC (Computer-mediated) и FtF-консультированием относительно мастерства терапевта, его привлекательности и уровня доверия по оценивающей консультанта форме (Barak & LaCrosse, 1975). Участники также отвечали на анкетный опрос оценки сессии (Stiles & Snow, 1984), чтобы оценить глубину, гладкость, положительность и активизирующее влияние сессии. Участники отметили более высокие уровни активизирующего влияния в условиях FtF консультирования. Никаких других существенных различий между группами не было [4].

Другое исследование показало, что рабочий союз может быть установлен в течение консультирования онлайн [5]. Авторы провели сравнение различий в оценках рабочего союза 15 клиентами терапии онлайн с нормативными данными сопоставимой FtF-консультации. Участники закончили, по крайней мере, три консульта-

тивных сессии, которые проводились через синхронный чат или асинхронную электронную почту. Полученные результаты показали, что клиенты были более вовлечены в консультативный процесс на дистанции и имели эквивалентные рабочие союзы с их консультантами, что было измерено с помощью Опросника рабочего альянса (Horvath & Greenberg, 1989). Однако это исследование ограничено, потому что не имело группы сравнения FtF и включало малую выборку испытуемых [5].

Вопрос 5. Чем отличаются группы в Интернете, в которых представлено влияние консультирующего профессионала, от групп поддержки (самоусовершенствования), где люди пишут и читают сообщения без какого-либо вмешательства профессионала? Как выгоды, получаемые участниками групп в Интернете, сопоставимы с выгодами, предлагаемыми группами «лицом к лицу»?

Изучались самые разные группы онлайн поддержки по проблемам психического здоровья: расстройств пищевого поведения, сексуального злоупотребления, склонности к самоубийству, рака груди и других раковых образований, ВИЧ и токсикомании. Наиболее изучены чрезвычайно маленькие группы, что ограничивает внешнюю валидность исследований. Особый интерес был проявлен к группам, в которых представлено влияние консультирующего профессионала (в сравнении с группами поддержки и самоусовершенствования, где люди пишут и читают сообщения без любого вмешательства профессионала). Одна линия исследования сосредоточилась на вопросе о том, какие выгоды получены участниками от групп онлайн и как эти выгоды сопоставимы с предлагаемыми группами «лицом к лицу».

Winzelberg проанализировал содержание 300 сообщений в группе расстройств пищевого поведения онлайн, большинство участников которых были подростками. Он нашел, что сообщения отразили факты, подобные тем, что были найдены в группах «лицом к лицу», но отметил, что 12% сообщений включали неточную или нездоровую информацию, без непосредственной корректирующей обратной связи, которая будет более вероятной в группах «лицом к лицу» [7].

Lebow также обратил внимание на то, что такие группы могут поддержать проблематичные или ошибочные системы веры без участия терапевта, который влияет на клиента, подводя его к терапевтическим результатам. Он утверждает, что другие члены группы, которые разделяют чувства клиента, могут укрепить его чувство беспомощности и что Интернет более соответствует использованию в психообразовательных целях как дополнение к терапии «лицом к лицу» [20].

Miller и Gergen нашли, что обмены сообщениями за 11-месячный период в анонимной группе поддержки людей с мыслями о самоубийстве имели поддерживающий эффект, но редкими были сообщения, которые они харак-

теризуют как «стимулирование изменения» [18. С. 189]. Авторы также сделали вывод, что обмены онлайн более «поддерживают, чем преобразовывают» [Там же].

В отдельном исследовании Winzelberg и Taylor создали психообразовательный интервенционный пакет, который включал дачу информации, электронную почту, и модератора, который «облегчил обсуждение группы, обеспечил информирование и направил участников на путь эффективного использования программы» [7. С. 2–3]. Хотя модератор был психологом, исследователи заявляют, что он не действовал как терапевт, потому что было недостаточно данных об эффективности психотерапии онлайн. Winzelberg и Taylor нашли, что в то время как участники раскрыли проблемы и делали существенные успехи в представлении своего тела по сравнению с группой контроля, которая не получала вмешательство, позитивных сообщений, направленных на других участников, было мало [7].

Miller и Gergen установили, что четверть из 24 участников на информационном табло онлайн, связанном с самоубийством, составляла 61% всех записей, а подгруппа из 10 – 41% полных сообщений. Miller и Gergen также отметили, что отвечавшие на вопрос обзора о группе выражали удовлетворение ее работой, но те, кто имел отрицательные переживания, возможно, просто не приняли участие в итоговом обсуждении [18].

Finn и Lavitt пришли к выводу, что модераторы групп поддержки онлайн чаще бывают людьми с личным опытом переживания проблемы, а не консультирующими профессионалами. Авторы предлагают, чтобы роль профессионалов была связана с обучением модераторов киберподдержке, чтобы направлять клиентов с большим знанием дела и достаточной долей ответственности. Некоторые видят роль профессионалов онлайн, являющихся доступными для других участников групп онлайн, в том, чтобы давать оценку и направлять [8].

Вопрос 6. Являются ли пользователи интернет-групп (интернет-консультирования) теми, кто не имеет доступа к другим услугам из-за географии (места жительства), наличия «клейма» или других ограничений? Заменяют ли киберуслуги терапию «лицом к лицу»?

Lebow задается вопросом, могут ли пользователи онлайн использовать киберуслуги вместо терапии и таким образом пропускать «конструктивные выгоды профессионального руководства» [20. С. 204]. Многие исследования рассмотрели проблемы ограниченного компьютерного доступа для бедных, детей, пожилых и инвалидов. В то время как есть явные преимущества услуг онлайн для тех, кто лишен психологической помощи вообще, зарубежные исследователи полагают, что киберсервисы становятся заменой для инвестиций общества в услуги «лицом к лицу» для необслуживаемых популяций.

Finn и Lavitt поднимают проблему того, что оставшиеся в живых жертвы сексуальных злоупотреблений вряд ли представят для обработки эту тему, но вместо этого выдвигают на первый план симптомы типа депрессии, токсикомании, расстройств пищевого поведения, сексуальной дисфункции, изменений настроения или диссоциативных состояний. Авторы поставили вопрос о том, что некоторые профессионалы, возможно, не знают достаточно о сексуальном злоупотреблении, чтобы вывести связи между симптомами и причиной, и это значит, что услуги типа компьютер-базированных служб самопомощи должны быть доступными для оставшихся в живых. Они защищают услуги онлайн для преимущественного получения поддержки и информации от более широкого круга людей, чем могли бы представить «лицом к лицу» поддерживающие группы. Однако пригодность таких групп, возможно, ограничена для тех, кто впервые обращается за помощью [8].

Вопрос 7. Может ли консультант, работающий в Интернете, иметь дело со сложными, кризисными ситуациями? Должен ли он быть к ним готов?

В раннем введении в дискурс Barnett описывает случай, когда он публично выступил в роли консультанта в диалоговой университетской компьютерной системе вскоре после того, как связался с молодым человеком за сотни миль от него, который имел серьезные суицидальные намерения. Они «говорили» в течение 2 часов, за это время Barnett определил местонахождение кризисного центра, находящегося близко к молодому человеку, и убедил его связаться с этим центром. Barnett приводит этот инцидент, чтобы сделать психологов более чувствительными к проблемам ответственности в установленной компьютером беседе. То есть даже те, кто использует Сеть для психопедагогики или целей только направления в другие службы помощи, могут испытывать потребность в руководящих принципах практики для того, чтобы иметь дело непосредственно с людьми в кризисе, которые связываются с ними [1].

Отдельные случаи, описанные учеными, подтверждаются практикой кризисных служб. Онлайн группы поддержки – легкий способ сблизиться без угрозы установления идентичности – являются эффективными средствами кризисного вмешательства и предотвращения самоубийства. В комбинации этих мер SAHAR, израильское кризисное обслуживание онлайн (<<http://www.sahar.org.il>>), доказало, что самоубийство может быть эффективно предотвращено и люди в кризисном состоянии могут получать полноценную помощь через деятельность только онлайн. За 15 месяцев работы SAHAR обеспечил онлайн поддержку тысячам израильтян и помог в предотвращении смерти от самоубийства многих из них, в том числе иногда в обнаружении людей, которые отправили прощальное уведомление (о своей смерти).

Вопрос 8. Во всех ли случаях эффективна терапия онлайн? Различается ли эффективность различных ее видов?

Cohen и Kert предложили 24 студентам пройти сессию консультирования FtF или сессию СМС консультирования через синхронный чат консультирующими психологами. Участники эксперимента показали существенное уменьшение тревожности в обоих случаях, что было измерено Государственным опросником тревожности (Spielberger, Gorsuch, Lushene, 1970), без различия в уровне изменения в этих двух способах. Эти результаты обеспечили начальную поддержку использованию СМС в поставке психического и поведенческого медицинского обслуживания, но следует отметить, что участники исследования, представляющие проблемы типа депрессии или токсикомании, были исключены из исследования. Возможно, те клиенты, которые участвовали в эксперименте, испытывали очень небольшую тревогу перед исследованием и, таким образом, СМС консультирование не было столь же эффективно, как FtF, для более сложных случаев. Низкое число испытуемых, возможно, также ограничило способность исследователей найти существенные различия [4].

Чтобы решить эти проблемы, Day and Schneider случайным образом выбрали 80 клиентов, которым предложили участие в трех способах психотерапии: FtF, заочная конференция с помощью видеосвязи (videoconference) и двухсторонняя аудиоконсультация. Они также использовали контрольную группу. Клиенты представляли разнообразные проблемы, включая проблемы веса и личностные расстройства. Наиболее общими проблемами, о которых клиенты сообщили, были представление о своем теле или весе, семейные отношения, другие отношения, проблемы на работе или в школе. Прежде чем начать терапию, клиенты в каждой подгруппе имели сходные средние значения по Глобальной оценке функционирования (GAF), каждая группа имела средний GAF 69 или 70. Кроме того, было проведено тестирование с помощью Краткого опросника симптомов (Derogatis & Coons, 1993), Целевого метода выявления жалоб (Battle et al., 1966; Mintz & Kiesler, 1982) и модифицированных версий шкал удовлетворенности клиента и терапевта (Dundon, 1988). Авторы дали 16 докторантам программы консультативной психологии, обучающимся познавательного-поведенческой терапии, возможность воспроизвести сходные условия с FtF-терапией. После завершения пяти сессий клиенты в группах терапии сообщили о снижении серьезности жалоб и были оценены как имеющие более высокий GAF, чем те, кто находился в контрольной группе.

Авторы отметили, что различия между тремя способами терапии были несущественными. Они сообщили, что «сходство среди трех групп терапии «лицом к лицу», видеотелеконференция и аудиоконференция более выражено, чем любые различия» [6. С. 501].

В ряду исследований Glueckauf et al. сравнили videoconferencing и FtF-консультирование для семей с детьми, страдающими эпилепсией. В одном из исследований авторы случайным образом выбрали 39 подростков с родителями. Использовались семейное консультирование видео или аудио, через микрофон с громкоговорителем, традиционная семейная терапия в офисе и контрольная группа. Авторы предоставили шесть сессий интегральной семейной терапии. Они собирали данные дважды в неделю и в течение 6 месяцев после окончания терапии. В общей сложности 22 семьи закончили программу консультирования. 17 семей выбыли до окончания исследования. Причем выбывшие были обычно из группы, которая консультировалась в офисе и требовала дальнего путешествия (длительной поездки) для участников. Мерами оценки результата, используемыми в исследовании, были отдельные шкалы из Системы оценки семьи и ее расстройств (FDAS; Glueckauf et al., 2002; Glueckauf, Whitton, Nickelson, 2001) и Система социальной оценки навыков (Gresham и Эллиотт, 1990). Способ терапии не отразился на результате. Кроме того, не было существенных различий между группами [12].

Это исследование демонстрирует полноценность videoconferencing в обеспечении услуг клиентам. Однако эти результаты ограничены в применимости для наиболее общих типов консультирования онлайн (т.е. асинхронной электронной почты и синхронного чата), в котором сообщения печатаются и посылаются клиентом и терапевтом. Способы консультирования на основе текста не дают такой же информации, которая будет передана между сторонами. Соответственно, темой будущих исследований должно быть исследование различий между этими способами поставки психологических услуг.

Непосредственно исследуя эффекты консультирования посредством переписки через компьютер, Lange, van de Ven, Schrieken и Emmelkamp выбрали случайным образом 25 студентов, которые испытывали посттравматический стресс, и отнесли их к терапевтической или контрольной группе. Интернет-консультирование состояло из

письменных сессий, которые проводились каждые две недели на протяжении более чем 10 недель. В течение 45 минут кто-то из семи клинических психологов отвечал на письма людей, чтобы дать им обратную связь об их продвижении и инструкции о том, как действовать дальше. Психологи следовали передовой технологии, полученной ими на курсах по поведенческой и когнитивной психотерапии, а также при специальном обучении в применении консультирования через переписку для терапии посттравматического стресса и патологического горя.

По результатам исследования у участников эксперимента в большей мере сократились симптомы посттравматического стресса, чем у участников группы контроля. Эти результаты были измерены с помощью Impact of Events Scale (Horowitz, Wilner, Alvarez, 1979); шкал беспокойства, депрессии, соматизации и скрытых признаков проблем из Контрольного списка Признаков-90 (SCL-90; Derogatis, 1977) и Profile of Mood States (Профиль настроения) (Wald и Mellenbergh, 1990). Эти результаты оставались устойчивыми спустя 6 недель после окончания терапии [19].

Hopps, Pepin, Boisvert нашли свидетельства потенциальной полноценности целенаправленной когнитивно-поведенческой терапии через синхронный чат 19 людям с хроническими физическими расстройствами. Используя пред- и посттестирование и сравнение с контрольной группой, авторы отметили у участников меньший уровень выраженности одиночества при посттестировании, чем в группе контроля [13].

В заключение следует отметить, что проведение исследования через Интернет не обходится без проблем. Часто данные, полученные разными исследователями, противоречат друг другу или являются неокончательными [2].

Таким образом, проведение исследований в сфере консультирования и психотерапии в Интернете имеет свою специфику и сложности, но и дает вполне реальные результаты. Соответственно, подобные исследования в нашей стране становятся актуальной задачей.

Литература

1. Barnett D. A suicide prevention incident involving the use of a computer // Professional Psychology. 1982. № 13. P. 565–570.
2. Childress C.A., Asamen J.K. The emerging relationship of psychology and the Internet: Proposed guidelines for conducting Internet intervention research // Ethics & Behavior. 1998. № 8. P. 19–35.
3. Clawson V.K., Bostrom R.P., Anson R. The role of the facilitator in computer-supported meetings // Small Group Research. 1993. № 24. P. 547–565.
4. Cohen G. E., Kerr B.A. Computer-mediated counseling: An empirical study of a new mental health treatment // Computers in Human Services. 1998. № 15. P. 13–26.
5. Cook J.E., Doyle C. Working alliance in online therapy as compared to face-to-face therapy: Preliminary results // CyberPsychology & Behavior. 2002. № 5. P. 95–105.
6. Day S.X., Schneider P.L. Psychotherapy using distance technology: A comparison of face-to-face, video, and audio treatment // Journal of Counseling Psychology. 2002. № 49. P. 499–503.
7. deAngelis T. Do online support groups help for eating disorders? APA Monitor, March 3. Available: <http://www.apa.org> 1999. April 23.
8. Finn J., Lavitt M. Computer-based self-help for survivors of sexual abuse // Social Work With Groups. 1994. № 17(1/2). P. 21–47.
9. Finn J. Computer-based self help groups: Online recovery for addictions // Computers in Human Services. 1996. № 13(1). P. 21–41.
10. Frabotta D. People addicted to the Internet: Psychologists link Internet use and depression. Available: <http://www.ksu.edu> 1999. April 23.
11. Galinsky M.J., Schopler J.H., Abell M.D. Connecting group members through telephone and computer groups // Social Work. 1997. № 22(3). P. 181–188.

12. *Glueckauf R.L., Fritz S.P., Ecklund-Johnson E.P., Liss H.J., Dages P., Carney P.* Videoconferencing-based family counseling for rural teenagers with epilepsy: Phase 1 findings // *Rehabilitation Psychology*. 2002. № 47. P. 49–72.
13. *Hopps S.L., Pepin M., Boisvert J.* The effectiveness of cognitive-behavioral group therapy for loneliness via inter relay chat among people with physical disabilities // *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*. 2003. № 40. P. 136–147.
14. *Kraut R., Lundmark V., Patterson M. et al.* Internet paradox: A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? // *American Psychologist*. 1998. № 53(9). P. 1017–1031.
15. *Mallen M.J., Vogel D.L., Rochlen A.B.* The practical aspects of online counseling: Ethics, training, technology, and competency // *The Counseling Psychologist*. 2005. № 33. P. 776–818.
16. *Mallen M.J., Vogel D.L.* Introduction to the major contribution: Counseling psychology and online counseling // *The Counseling Psychologist*. 2005. № 33. P. 761–775.
17. *Mallen M.J., Vogel D.L., Rochlen A.B., Day S.X.* Online Counseling: Reviewing the Literature From a Counseling Psychology Framework // *The Counseling Psychologist*. 2005. № 33. P. 819.
18. *Miller J.K., Gergen K.J.* Life on the line: The therapeutic potentials of computer-mediated conversation // *Journal of Marital and Family Therapy*. 1998. № 24(2). P. 189–202.
19. *Lange A., van deVen J., Schriecken B., Emmelkamp P.M.G.* Interapy. Treatment of post-traumatic stress through the Internet: A controlled trial // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 2001. № 32. P. 73–90.
20. *Lebow J.* Not just talk, maybe some risk: The therapeutic potentials and pitfalls of computer-mediated conversation // *Journal of Marital and Family Therapy*. 1998. № 24(2). P. 203–206.
21. *Sander F.M.* Couples group therapy conducted via computer-mediated communication: A preliminary case study // *Computers in Human Behavior*. 1996. № 12(2). P. 301–312.
22. *Walther J.B.* Computer mediated communication : Impersonal, Interpersonal, and Hyperpersonal Interaction // *Communication Research*. 1996. № 23. P. 3–43.
23. *Zarr M.L.* Computer-mediated psychotherapy: Toward patient-selection guidelines // *American Journal of Psychotherapy*. 1984. № 38(1). P. 47–62.

INTERNET CONSULTING AND PSYCHOTHERAPY RESEARCHES STATUS AND PROSPECTS

Menovshikov V.Yu. (Moscow)

Summary. The empiric researches problems in psychotherapy and consulting based on computer technology are taken into consideration. A brief modern foreign researches review is given. Difficulties and new possibilities of internet science researchers carrying out are discussed.

Key words: e-therapy; cybertherapy; online-consulting; fundamental problems questions; empiric researches.

СПЕЦИФИКА АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ

И.В. Тимофеева (Екатеринбург)

Аннотация. Представлен теоретико-аналитический обзор зарубежных и отечественных исследований по проблеме здоровья и особенностей адаптации лиц с детским церебральным параличом. Рассматриваются социальная модель инвалидности, оценка качества жизни детей с детским церебральным параличом.

Ключевые слова: здоровье; инвалидность; детский церебральный паралич; адаптация.

Здоровье – бесценный экономический и культурный потенциал человечества. Социальная политика любого цивилизованного государства направлена на сохранение и укрепление здоровья подрастающего поколения и гуманного отношения к тем представителям общества, которые в силу различных обстоятельств утратили здоровье и нуждаются в поддержке и помощи.

Всемирная организация здравоохранения определила здоровье как состояние полного физического, умственного и социального благополучия, а не только как отсутствие болезней или физических дефектов. Здоровье рассматривается как источник благополучной повседневной жизни, а не как цель существования. В принятой видными специалистами медицинской науки Концепции здоровья подчеркивается важность субъективно оцениваемого здоровья. Субъективная оценка основывается на имеющихся знаниях и информации, воспринимаемой индивидом с учетом предыдущего жизненного опыта и социокультурных норм. Приведенное определение здоровья во многом опирается на понятие «благополучие». Ощущение благополучия в меньшей мере зависит от биологических функций организма и в большей от самооценки личности и чувства ее социальной принадлежности. Отношение к здоровью и болезни, когнитивные и эмоциональные компоненты этого отношения имеют большое значение в сохранении здоровья и преодолении болезни [11. С. 145].

Социальные аспекты жизни и уровень экономического развития населения, вне сомнений, отражаются на здоровье человека и воспроизводстве населения. В нашей стране за последние годы резко сократилась рождаемость. Помимо этого, уровень заболеваемости новорожденных увеличился с 82,4 до 173,7 случаев на тысячу. Анализ статистических данных показывает, что среди всех заболеваний детей в Российской Федерации болезни нервной системы занимают 7-е место, а среди причин, приведших к инвалидности, – 3-е, уступая лишь врожденным аномалиям развития и психическим расстройствам. В любом случае инвалидность представляет собой расстройство на уровне органа; расстройство на уровне личности, т.е. полная или частичная утрата лицом способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, контролировать свое поведение; расстройство на социальном уровне, приводящее к ограничению жизнедеятельности человека.

Здоровье ребенка – одна из наиболее сложных комплексных проблем. На здоровье влияет масса различных факторов: наследственность, экология, питание, санитарно-гигиенические условия проживания, взаимодействие в семье и т.д. Среди причин детской инвалидности ведущее место принадлежит болезням нервной системы, к которым относится детский церебральный паралич (ДЦП). Распространенность ДЦП среди населения весьма значительна и составляет, по мнению различных авторов, от 1,9 до 2,6–4 на 1000 детей.

В настоящее время ДЦП рассматривают как особое состояние ребенка, как совокупность клинических, психологических и социальных факторов, дезадаптирующих человека, приводящих к ограничению его жизнедеятельности. Сочетание двигательных, психических, речевых, а зачастую и зрительных нарушений при ДЦП обуславливает необходимость не только ранней диагностики каждого из них, но и одновременного проведения комплексных лечебно-реабилитационных мероприятий, направленных на коррекцию указанных клинических нарушений.

На протяжении всей истории общество меняло свое отношение к людям с отклонениями в развитии, пройдя путь от ненависти и агрессии до терпимости, партнерства и интеграции лиц с отклонениями в развитии в общество здоровых людей. В связи с этим важно отметить, что все более широкое распространение получает точка зрения, согласно которой забота общества о лицах с ограниченными возможностями является мерилем его культурного и социального развития, а также его нравственного здоровья.

Необходимо также учесть, что здоровье – это не просто состояние человека, а динамический процесс, который меняется в процессе онтогенеза. По мнению С.Б. Тихвинского, здоровье человека в конечном итоге определяется мощностью его адаптационных резервов. Чем выше функциональный резерв, тем ниже «цена адаптации». Адаптация организма к новым условиям жизнедеятельности обеспечивается не отдельными органами, а скоординированными во времени и пространстве и соподчиненными между собой специализированными функциональными системами. Большинство авторов в структуре здоровья выделяют три основных компонента: физический, психический и социальный. Каждый компонент отражает состояние, процессы, взаимодействие их в организме человека и его гармонию с окружающей средой.

Переживания своего здоровья или нездоровья являются очень значимыми в контексте общей самооценки личности, в определении ее «линии жизни», «плана жизни», «жизненного стиля».

Корни человеческого здоровья, разумеется, уходят в биологическую природу. Вторым измерением здоровья являются качественное содержание, направленность и интенсивность социальной активности индивида. Наряду с этим здоровье человека есть в некотором роде целостное измерение его личности. Человек неотделим от социальных отношений (от социальных ролей), в то же время как субъект этих отношений он возвышается над ними как личность, в некотором смысле он автономен по отношению к своим социальным «ролям».

Смысловым центром нового взгляда стала социальная модель инвалидности, которая рассматривает проблемы инвалидов как результат отношения общества к их особым потребностям. Согласно социальной модели инвалидность является социальной проблемой. При этом ограниченные возможности – это не «часть человека», не его вина. Человек может стараться ослабить последствия своего недуга, но ощущение ограниченности возможностей вызвано у него не самим недугом, а наличием физических, юридических, отношенческих барьеров, созданных обществом.

Человек с инвалидностью должен быть равноправным субъектом общественных отношений, которому общество должно предоставить равные права, равные возможности, равную ответственность и свободный выбор с учетом его особых потребностей. При этом человек с инвалидностью должен иметь возможности интегрироваться в общество на своих собственных условиях, а не быть вынужденным приспосабливаться к правилам мира «здоровых людей» [9. С. 65].

Социальная модель инвалидности не отрицает наличие дефектов и физиологических отличий, определяя инвалидность как нормальный аспект жизни индивида, а не девиацию, и указывает на социальную дискриминацию как наиболее значимую проблему, связанную с инвалидностью. Социальная модель сдвигает акцент в направлении тех аспектов жизни социума, которые могут быть изменены, и предполагает первоочередную реализацию гражданских прав инвалидов. В данном случае речь идет о социальных условиях жизнедеятельности инвалида. Инвалидность можно рассматривать как одну из форм социального неравенства.

Ограничения возможностей здоровья человека обусловлены нарушениями в трех основных сферах: физической, психической, социальной. Ограничения в одной из обозначенных сфер здоровья приводят к временному или постоянному нарушению адаптационных свойств человека. Адаптационные характеристики не являются статически постоянными свойствами человека, а ограниченные возможности зависят от сфер жизнедеятельности, в которых он функционирует, накопленного им опыта.

Важной задачей государственной политики в отношении больных и инвалидов на современном этапе является повышение уровня их социальной адаптации и интеграция их в общество. Огромную роль здесь приобретает реабилитация, предусматривающая восстановление личного и социального статуса пациента при помощи медико-биологических, социальных и психологических мероприятий. В условиях реализации Концепции модернизации российского образования нельзя не заострить внимание на проблемах здоровья, так как взаимосвязь здоровья ребенка с успешностью его обучения и воспитания доказана многочисленными исследованиями медиков, психологов и педагогов. Проблема ослабленных детей имеет чрезвычайно негативные последствия не только для школьной учебной деятельности, но и для социальной адаптации ребенка [5. С. 46].

Реабилитация является не только психосоциальной, но и клиничко-биологической проблемой, требующей для своего успешного функционирования понимания ее физиологической и патофизиологической сущности. Речь идет об использовании (регулировании) механизмов адаптации, компенсации, о механизмах физиологической и психологической защиты, играющих огромную роль в процессе реабилитации. Главная задача психосоциальной реабилитации, по Витте, – регуляция отношений между неполноценным человеком и окружающим его миром. Психосоциальная адаптация неполноценного ребенка – основной момент с точки зрения реабилитационной психологии. Дезадаптация наступает у детей с ограниченными возможностями здоровья в 2–3 раза чаще, чем у здоровых детей, особенно если заболевания связаны с повреждением головного мозга.

Понятие «адаптация» является ключевым в научном исследовании живого организма, так как именно механизмы адаптации, выработанные в результате длительной эволюции, обеспечивают возможность приспособления организма к постоянно меняющимся условиям окружающей среды. Благодаря процессу адаптации достигается гомеостатическое равновесие между организмом и средой. Поскольку организм и среда находятся не в статическом, а в динамическом равновесии, их соотношение меняется постоянно, постоянно осуществляется и процесс адаптации [6. С. 132].

В работах Ф.Б. Березина психическая адаптация рассматривается как процесс оптимального соотношения личности и окружающей среды при осуществлении деятельности индивидом. Психическая адаптация играет важную роль, в значительной мере оказывая влияние на адаптационные процессы, осуществляющиеся на иных уровнях. У человека в процессе поддержания адекватных отношений в системе индивидум – среда, в ходе которого могут видоизменяться и внутреннее состояние человека, и параметры среды, психическая адаптация играет решающую роль. Это дает возможность индивиду удовлетворять потребности и реализовать себя, а так-

же обеспечивает соответствие психической деятельности человека, его поведения требованиям среды.

Автор выделяет три основных аспекта психической адаптации:

- собственно психическую;
- социально-психологическую;
- психофизиологическую.

Организация процесса психической адаптации, осуществление взаимосвязей ее основных аспектов, регулирование психофизиологических соотношений реализуются сложной, многоуровневой функциональной системой, на разных уровнях которой регулирование осуществляется преимущественно с помощью психологических (социально-психологических и собственно психических) или физиологических механизмов. Эти аспекты можно оценивать как подсистемы в общей системе психической адаптации, где системообразующими факторами для реализации собственно психической адаптации служат поддержание психического гомеостаза и сохранение психического здоровья, социально-психологической – организация адекватного микросоциального взаимодействия, психофизиологической адаптации – оптимальное формирование психофизиологических соотношений и сохранение физического здоровья. Процесс психической адаптации обуславливает тесную взаимосвязь этих аспектов, а различие системообразующих факторов определяет разную значимость для каждого из аспектов тех или иных уровней реализации адаптационного процесса, их относительную независимость и возможность сохранения эффективности одних аспектов адаптации при нарушении других или даже за счет такого нарушения [2. С. 128].

Биологическое взаимодействие организма со средой Ж. Пиаже представляет как систему и описывает ее в понятиях обмена, адаптации, равновесия. В своих многочисленных исследованиях Пиаже доказал существование определенной иерархии структур, надстраивающихся друг над другом, взаимодействующих и в то же время не сводимых одна к другой. На вершине этой иерархии находится интеллект, который оказывает решающее влияние на совокупность адаптационных процессов. Интеллект Пиаже определяет как «состояние равновесия, к которому тяготеют все последовательно расположенные адаптации сенсомоторного и когнитивного порядка, так же как все ассимилятивные и аккомодирующие взаимодействия организма со средой» [10. С. 385].

Интерес представляют исследования А. Адлера, отражающие компенсаторные возможности психики ребенка с физическими дефектами. А. Адлер делает очень важный вывод о том, что представление о недостаточности у человека переходит из биологической плоскости в психологическую. «Неважно, есть ли в действительности какая-либо физическая недостаточность. Важно, что сам человек чувствует по этому поводу, есть ли у него ощущение, что ему чего-то не хватает. А такое

ощущение у него, скорее всего, будет. Правда, это будет ощущение недостаточности не в чем-то конкретно, а во всем...». Это высказывание Адлера является ключевым в теории компенсации дефекта при аномальном развитии ребенка. Однако, подчеркивая роль самовосприятия человеком своего дефекта в дальнейшем его психическом развитии, автор пытается показать, что «ощущение недостаточности» у ребенка является определяющим фактором его дальнейшего психического развития [1. С. 261]. Переживание своего здоровья или нездоровья является значимым в контексте общей самооценки личности, в определении ее «линии жизни», «плана жизни», «жизненного стиля». Наиболее точно роль этих переживаний раскрыта в «индивидуальной психологии» А. Адлера. В раннем детстве у человека возникает «чувство неполноценности». Он пытается найти средства, чтобы избавиться от этого чувства и не допустить разоблачения своей несостоятельности. Таким средством является бессознательное продуцирование самим индивидом невротических симптомов, помогающих ему добиться своих целей: уклониться от принятия важных для него, но чреватых риском решений, избегать ситуаций, которые могли бы заставить его еще более усомниться в своих силах, привлечь к себе внимание, сохранить и даже повысить самооценку [1. С. 308].

По мнению Л.С. Выготского, «можно и должно не соглашаться с Адлером в том, что он приписывает процессу компенсации универсальное значение во всяком психическом развитии. Самое важное, что вместе с органическим дефектом даны силы, тенденции, стремления к его преодолению или выравниванию. Но какой бы исход ни ожидал процесс компенсации, всегда и при всех обстоятельствах развитие, осложненное дефектом, представляет творческий процесс (органический и психологический) созидания и пересозидания личности ребенка на основе перестройки всех функций...» [4. С. 172]. Теория компенсации дефекта, предложенная Адлером, имеет важное значение в психологии. Однако не сам дефект является движущей силой развития личности, а социальная оценка личностью своего дефекта, ее социальная позиция, отношение к своему дефекту.

Процесс движения от физической дефективности через психическую компенсацию к социальной полноценности, как писал Л.С. Выготский, – процесс в высшей степени болезненный, хотя именно он ведет к духовному выздоровлению [4. С. 203]. Формула движения от маргинальности к полноценности не запускается в каждом человеке автоматически, а работает лишь в том, кто стремится жить и надеется на успех. Причем под полноценностью понимается не желание быть «как все», а полное самораскрытие своих способностей и талантов, составляющих духовный потенциал индивидуальности.

Штейнгаузен по-своему рассматривает модель психосоциальной адаптации. Автор выделяет пять составляющих модели психосоциальной адаптации. Во-пер-

вых, он определяет общий опыт, приобретаемый из-за болезни. Каждый неполноценный ребенок вынужден познакомиться с опытом пребывания в больнице, медикаментозными назначениями, операциями, болями, ограничениями и своей «инакостью» по сравнению со здоровыми детьми; и все это не только в течение какого-то ограниченного времени, но и перманентно. Во-вторых, он рассматривает специфические аспекты болезни: течение болезни, очевидность нарушения (проблема стигматизации), степень тяжести болезни. Тем не менее никогда нельзя заранее быть уверенным, что при большей соматической неполноценности менее благоприятной будет и психическая ситуация ребенка. В-третьих, у ребенка происходит ограничение обычного жизненного опыта. Формирование социальных контактов для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата затруднено из-за их ограниченной мобильности. Как следствие, в-четвертых, уровень эмоционального, мотивационного, когнитивного и социального развития снижен. Чтобы понять возможности ребенка совладать с болезнью, необходимо на каждой ступени развития учитывать уровень его эмоционального, мотивационного, когнитивного и социального развития. Особо автор рассматривает реакции ближайшего окружения и социального окружения. Если ребенок в очень тяжелой психической ситуации остается без поддержки семьи, это сказывается на совладании с болезнью негативно. Стигматизация со стороны окружения часто приводит не только к социальной изоляции ребенка, но и к социальной изоляции семьи [14. С. 352].

В процессе заболевания уровни социальной адаптации детей могут существенно меняться как в сторону улучшения, так и в противоположную. Важным для ребенка с ДЦП является не только сам факт наличия у него той или иной формы двигательных расстройств, присутствие в клинической картине болезни определенных вариантов речевых или психических нарушений. Существенную роль в процессе его социальной адаптации могут сыграть степень выраженности дефекта в каждой из сфер его жизнедеятельности, особенности сочетания у конкретного больного разных клинических синдромов. Определяющее значение для успешности или неуспешности приспособительного поведения ребенка имеет уровень предъявляемых к нему социальной микросредой требований, понимания ближайшими родственниками особенностей его адаптационных возможностей, в целом стратегия его воспитания. Адаптационные ресурсы ребенка весьма пластичны и имеют тем больший потенциал, чем меньше возраст ребенка, особенно при условии проведения своевременных и адекватных лечебно-реабилитационных и психолого-педагогических мероприятий.

Одним из главных показателей социально-психологической адаптации лиц с ограниченными возможностями является их отношение к собственной жизни.

Качество жизни детей-инвалидов с ДЦП снижено по физическим и психосоциальным аспектам их жизнедеятельности и зависит от характера и выраженности ограничений жизнедеятельности и нарушений функций организма.

Подростковый возраст является периодом становления характера и формирования социально-психологической адаптации личности. Ощущение собственного несовершенства, потеря привлекательности из-за возникшего заболевания нередко снижают качество жизни детей-инвалидов, способствуют формированию комплекса неполноценности, акцентуации на своем состоянии и являются причинами частых, порой серьезных нарушений эмоциональной сферы, которые усугубляют тяжесть течения заболевания. Поэтому инвалидность в настоящее время следует рассматривать не только со стороны имеющихся недугов и ограничений социальных функций, но и с позиции ухудшения качества жизни [8. С. 135].

С социологической точки зрения категорию качества жизни рассматривают как интегральную характеристику, раскрывающую по отношению к обществу в целом критерии его жизнедеятельности, условия жизнеобеспечения, а также условия жизнеспособности общества как целостного социального организма. При этом основой качества жизни выступает качество жизнедеятельности – способы протекания повседневной жизни, наиболее типичные для определенной социальной среды.

Качество жизни связано с качеством человеческого капитала, который, в свою очередь, возможно формировать посредством социальной активности. Качество жизни исследуется как с объективной, так и с субъективной стороны. В субъективных оценках качества жизни выделяются рациональный и эмоциональный компоненты. В результате нарушения жизнедеятельности возникают социальные ограничения, ухудшается качество жизни. Ограничения жизнедеятельности, «возникающие в результате болезни или утраты возможности осуществлять нормальную для человека повседневную деятельность», а также критерии нарушения здоровья и социальные последствия болезни определяются Концепцией инвалидности в соответствии с Международной классификацией Всемирной организации здравоохранения [9. С. 394].

Разработанная в России современная концепция инвалидности не предполагает оценку качества жизни при установлении инвалидности, хотя качество жизни, связанное со здоровьем, являясь ключевым понятием современной гуманистической медицины, позволяет дать глубокий обобщенный анализ «физических, психологических, эмоциональных и социальных проблем больного человека» и обобщается как способность индивидуума функционировать в обществе соответственно своему положению и получать удовлетворение от этого.

В последние годы зарубежные исследователи более пристальное внимание стали уделять проблемам оцен-

ки качества жизни детей с различной патологией, в том числе с ДЦП. Они отмечают снижение качества жизни у больных детей по таким аспектам, как физическое здоровье, боль и дискомфорт, повседневная жизнедеятельность, участие в физических и социальных действиях, эмоциональный статус и чувство собственного достоинства, взаимодействие с сообществом, здоровье семьи, социальное благополучие. Уровень психосоциального функционирования страдает наравне с физическим аспектом жизнедеятельности. Главная задача психосоциальной реабилитации – регуляция отношений между неполноценным человеком и окружающим его миром.

Обычно ребенок с ДЦП не имеет возможности пройти все циклы социализации, взросление его задерживается. Все это связано с тем, что взрослые не обеспечивают должной социально-психологической адаптации такому ребенку. Вследствие этого на всю жизнь такой ребенок остается инфантильным, зависимым от других, пассивным, комфортно чувствующим себя лишь с близкими людьми. Социальные последствия данной ситуации проявляются в том, что эти инвалиды становятся особой, отделяемой от общества социально-демографической группой. Чем больше степень поражения у больных ДЦП, тем менее они социально активны.

И.Ю. Ветрова выделяет четыре основных типа адаптации больных ДЦП к обществу:

– Активно-позитивный тип характеризуется стремлением к поиску самостоятельного выхода из негативных жизненных ситуаций. У молодых инвалидов, относящихся к этому типу, благоприятный внутренний настрой, достаточно высокая самооценка, оптимизм, заражающий других, энергичность и самостоятельность суждений и поступков.

– Пассивно-позитивный тип характеризуется наличием у молодых инвалидов низкой самооценки. При пассивно-позитивном типе адаптации существующее на данный момент положение, в котором находится инвалид (например, постоянная опека близких), его устраивает, поэтому наблюдается отсутствие стремления к переменам.

– Пассивно-негативный тип. У молодых людей присутствует неудовлетворенность своим положением и вместе с тем отсутствует желание самостоятельно улучшить его. Всё это сопровождается заниженной самооценкой, психологическим дискомфортом, настороженным отношением к окружающим, ожиданием глобальных катастрофических последствий даже от незначительных бытовых неурядиц.

– Активно-негативный тип. Присутствующие здесь психологический дискомфорт и неудовлетворенность собственной жизнью не отрицают желания изменить ситуацию к лучшему, но реальных практических последствий это не имеет в силу влияния различных объективных и субъективных факторов.

Исследования И.Ю. Ветровой [3. С. 2] показали, что среди молодых людей с последствиями детского цереб-

рального паралича крайне редко встречаются лица с активно-позитивной жизненной позицией, но они являются наиболее социально активными. Большинство молодых инвалидов с ДЦП либо не испытывают стремления как-то менять свою жизнь, либо считают себя неспособными на столь важный шаг. Как правило, они находятся во власти тех или иных обстоятельств. Поэтому эти лица особо нуждаются в четко спланированной и научно обоснованной системе психологических и социально-педагогических мер, направленных на формирование у них самостоятельности суждений и действий, навыков труда и культуры поведения, умения адекватно жить в социуме.

Адаптация больных и инвалидов к социальному окружению предполагает повышение самосознания путем формирования адекватного отношения к своему заболеванию или физическому дефекту, повышение способности к решению психологических проблем, налаживанию взаимоотношений с окружающими. Многие заболевания сопровождаются психологически повреждающим воздействием, что может привести к развитию психических расстройств, которые ухудшают состояние и способствуют развитию болезни. По мнению Хайма (Heim, 1988), нужно приложить «усилия, направленные на то, чтобы либо психически, либо посредством целенаправленных действий редуцировать, выровнять имеющиеся или ожидаемые перегрузки, возникающие из-за болезни, или совладать с ними» [13. С. 12], т.е. необходимы индивидуальное отношение и оценка внутреннего и внешнего стресса. Совладание с болезнью рассматривается как критерий успешной адаптации.

С позиции Бегеманна (Begemann, 1993), «...интеграция не должна пониматься как включение неполноценного человека в общество «полноценных», осуществляемое «полноценными» лицами» [12. С. 157]. Все усилия по интеграции будут неэффективны, если инвалиду противостоит структура общественных ценностей и норм. Пока для «полноценных» членов общества в качестве нормы существуют идеалы достижений, люди с недостаточностью лишь с трудом находят свое место, потому что они не могут выполнять многие из этих норм.

Таким образом, построение психосоциальных реабилитационных мероприятий – это не только проблема спасения человеческой жизни, но и восстановление жизнедеятельности, способности к самореализации, участие во всех видах и формах социальной жизни. Успешная психосоциальная адаптация лиц с ограниченными возможностями здоровья предполагает глубокое знание и учет как основных факторов и условий, от которых зависит эффективное развитие психики, так и движущих сил этого развития. Психосоциальная адаптация – это не только метод подхода к ребенку с ограниченными возможностями здоровья, но и процесс, который тесно примыкает к тому, что принято называть са-ногенезом.

Литература

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1993. 360 с.
2. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптации человека. Л.: Наука, 1988. 270 с.
3. Ветрова И.Ю. Проблемы социальной адаптации инвалидов // Ярославский педагогический вестник. Режим доступа: [yspu.yar.ru/ vestnik/index](http://yspu.yar.ru/vestnik/index)
4. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1967. 236 с.
5. Коркунов В.В. Концептуальные положения развития специального образования в регионе: от теоретических моделей к практической реализации. Екатеринбург, 1998. 63 с.
6. Мамайчук И.И. Психология дизонтогенеза и основы психокоррекции. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 168 с.
7. Мочалова Е.К. Влияние различных факторов на качество жизни подростков-инвалидов в сравнении с их здоровыми сверстниками // III Региональная научно-практическая конференция Приволжского федерального округа «Педиатрия и детская хирургия в Приволжском округе». Казань, 2006. 174 с.
8. Мочалова Е.К. Качество жизни подростков-инвалидов – проблема современности // Вопросы современной педиатрии. 2006. № 1. С. 394–395.
9. Организационно-методические основы социально-психологической реабилитации инвалидов: Метод. рекомендации / Н.Ф. Дементьева, Б.М. Рудельсон. М., 1988. 102 с.
10. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка: Пер. с фр. В.А. Лукова. М., 1994. 528 с.
11. Психология здоровья / Г.С. Никифоров, В.А. Ананьев, И.Н. Гурвич и др.; Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 504 с.
12. Begemann E. Gesellschaftliche Integration «behinderter» Menschen erfordernische Kultur // Zeitschrift für Heilpädagogik. 1993. № 44. P. 153–169.
13. Heim N. Coping und Adaptivitat: Gibt es geeignetes oder ungeeignetes Goping? // Psychotherapie und Medizinische Psychologie. 1988. № 38. P. 8–18.
14. Steinhausen H.C. Psychische Störungen bei Behinderungen und chronischen Kran // Kinder – undjugendpsychiatrie in Klinik. 1984. Bd. 3: Alterstypische, reaktive und neurotische Störungen. S. 322–348.

PECULIARITIES OF CHILDRENS ADAPTATION WITH CHILDREN'S CEREBRAL PALSY

Timofeeva I.V. (Ekaterinburg)

Summary. It is analytical-theoretical vision of foreign and russian researches in problems with health and peculiarities of childrens adaptation with children's cerebral palsy. Social model invalidity of state the value quality of life childrens with cerebral palsy.

Key words: health; invalidity; children's cerebral palsy; adaptation.

ДИНАМИКА РЕЧЕВЫХ ФУНКЦИЙ У ШКОЛЬНИКОВ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ И ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Т.А. Фотекова (Абакан)

Аннотация. Представлены результаты сопоставительного исследования речевых функций детей школьного возраста с общим недоразвитием речи и задержкой психического развития церебрально-органического генеза. На фоне значительного сходства в проявлениях этих состояний выявлены различия в нейропсихологических синдромах.

Ключевые слова: высшие психические функции, речь, общее недоразвитие речи, задержка психического развития.

Общее недоразвитие речи (ОНР) и задержка психического развития (ЗПР) в современной коррекционной психологии рассматриваются как самостоятельные варианты дизонтогенеза. В то же время в специальной литературе имеются сведения о значительном сходстве в причинах, психологических проявлениях, нейропсихологических и психофизиологических основах ОНР и ЗПР. Оба варианта отклоняющегося развития сопровождаются диффузными, мозаичными и чаще минимальными проявлениями в отношении как патогенеза, так и клинической картины. В том и другом случае наблюдаются отклонения в структуре и функциях мозга, затрагивающие как субкортикальные (стволовые, диэнцефальные, мезодиэнцефальные), так и корковые отделы. Эти отклонения могут носить диффузный характер или сопровождаться локальной патологией, иногда захватывающей несколько зон [8–10]. При этом у детей с ОНР наблюдается более разнообразная локализация. Для диффузных мозговых поражений, возникающих на ранних этапах онтогенеза, характерно атипичное проявление синдромов несформированности высших психических функций, связанное с аномальным развитием межполушарных взаимоотношений. Тем и другим детям присущи аномалии латерализации, более редкое, чем в норме, левополушарное доминирование, несформированность межполушарного взаимодействия, дисфункции правого и особенно левого полушарий мозга [3, 5, 7, 9, 10, 15–18]. Оба состояния сопровождаются энцефалопатическими проявлениями: церебрастеническим синдромом, неврозоподобными нарушениями, аффективными, психопатоподобными, апатико-динамическими и эпилептиформными расстройствами [6, 8]. И при ОНР и при ЗПР в той или иной мере наблюдается недостаточность целого ряда высших психических функций, в том числе речи [2, 5, 7, 8, 11, 14]. Обе категории детей негетогенны. Варьирует как структура дефекта, так и степень выраженности недостатков в развитии вербальных и невербальных функций. При этом дефицит вербальных функций при ЗПР рассматривается как вторичный, поэтому при коррекции ему уделяется недостаточно внимания, как и дефициту невербальных функций при ОНР.

Для выявления речевых возможностей детей использовалась разработанная нами совместно с Т.В. Ахутиной [12, 13] методика, сочетающая традиционные для логопедической практики приемы с некоторыми нейро-

психологическими методами, предложенными Л.С. Цветковой, Т.В. Ахутиной и Н.М. Пылаевой для оценки речи взрослых больных с афазией.

Методика исследования носит тестовый характер, процедура его проведения и система оценки стандартизованы. В качестве теоретической базы послужили положения А.Р. Лурия, Р. Якобсона и Т.В. Ахутиной [1, 4] о синтагматических и парадигматических связях языковых элементов и соответствующих им речевых операциях, которые соотносятся с двумя функционально и структурно специфическими системами головного мозга. Одна из них находится в передних (премоторных и лобных отделах коры доминантного по речи полушария) и связана с организацией двигательных процессов плавным протеканием во времени и соответствием исходным программам. Другая система располагается в задних (теменно-височно-затылочных) отделах и отвечает за конкретизацию схемы высказывания посредством выбора нужных языковых единиц (лексем, морфем, фонем, артикулем). В осуществлении речи эти системы работают согласованно. Характер преобладающих речевых ошибок может свидетельствовать о том, какая из них оказывается наиболее функционально слабой в каждом конкретном случае.

Для дифференциации природы допускаемых речевых ошибок были применены разные виды оценки. Так, например, пробы на проверку грамматического строя речи оценивались по нескольким параметрам. Отдельно начислялся балл за грамматическое структурирование, смысловую адекватность, лексическое оформление, а также фиксировались ошибки, обусловленные трудностями фонематического восприятия (пробы предъявлялись на слух), и вербально-перцептивные ошибки, которые возникали при составлении предложений по картинкам. Все задания серии на проверку связной речи оценивались по четырем критериям: смысловая адекватность, возможность программирования текста, грамматическое структурирование и лексическое оформление. Помимо этого, анализировались некоторые нейролингвистические характеристики связной речи, такие как средняя длина синтагм, средняя длина текста и средний индекс прономинализации. При оценке повторения слов сложной слоговой структуры была использована процедура раздельного начисления баллов за слоговую и звуковую структуру слова. Это важ-

но для дифференциации природы возникающих трудностей. Преимущественные нарушения слоговой структуры (пропуски, перестановки, взаимозамены, упрощения и добавления слогов) обусловлены в первую очередь слабостью серийной организации речевых движений, дефектами кинетического программирования. Дефектность звуковой структуры слова (искажения, перестановки, пропуски, вставки и замены звуков) указывает на первичные трудности выбора артикулем по кинестетическим и фонетическим признакам. Недостаточность серийной организации движений может свидетельствовать о функциональной слабости передних отделов мозга, в то время как кинестетические и фонематические трудности в большей степени соотносятся со слабостью задних отделов.

При обработке результатов начислялись баллы за выполнение отдельных проб, заданий, серий, блоков и разделов, которые в сумме образовывали общий балл за всю методику, соотносимый в дальнейшем с одним из четырех уровней успешности. Помимо этого, проводился качественный анализ дополнительных оценок, которые тоже объединялись, но уже с учетом их внутренней взаимосвязи. Так, звуковые замены, выявленные в грамматических пробах, замены букв по фонетическому сходству в пробах на письмо, трудности фонематического слуха и плохое понимание близких по звучанию названий предметов в блоке на проверку импрессивной речи в сочетании служат надежным свидетельством несформированности фактора фонематического восприятия. Как правило, нейропсихологическая диагностика выявляет у детей с такими проблемами дефектность слухоречевой памяти, затруднения в оценке и воспроизведении ритмических рисунков. Все эти проявления свидетельствуют о недостаточности обработки слуховой информации в целом. Дифференцированный способ оценки одних и тех же заданий с учетом характера ошибок, конечно, делает процедуру обработки более сложной и трудоемкой, но при этом открывает возможность синдромного анализа состояния высших психических функций у детей, что очень важно для коррекции, т.к. приближает к пониманию психологических механизмов выявленных трудностей.

Проведенное исследование и анализ полученных данных позволили выявить особенности речи и ее динамики у школьников с нормальным развитием, ОНР и ЗПР.

Оказалось, что школьники с отклонениями в развитии имеют существенные и устойчивые отличия от нормы практически по всем параметрам формирования речевых функций. В то же время выявленные к началу периода школьного обучения различия между детьми с ОНР и ЗПР по мере возрастного развития значительно сглаживаются и речевые возможности школьников этих групп сближаются.

На фоне сходства речевых характеристик учащихся с ОНР и ЗПР наблюдаются и некоторые различия, характер которых подвержен возрастным изменениям.

Наиболее устойчивые из них касаются характеристик звукопроизношения, номинативной функции и некоторых параметров импрессивной речи (главным образом фонематического восприятия), которые хуже у детей с ОНР, а также способности к языковому анализу и пониманию логико-грамматических конструкций, менее сформированных у школьников с ЗПР. При этом дети с ЗПР стабильно обнаруживают близость к норме в показателях звукопроизношения.

Дети с разными вариантами развития демонстрируют по-разному протекающую динамику речевого развития. Норма характеризуется неравномерностью возрастных изменений речевых показателей. От 1-го ко 2-му классу наиболее динамично развивается связная и письменная речь. От 2-го к 3-му классу наблюдается самая значительная динамика речевых возможностей, проявляющаяся в росте почти всех показателей: улучшаются характеристики уровня моторной реализации высказывания, грамматического структурирования и номинативной функции, а также импрессивной речи. В то же время характеристики связной и письменной речи изменяются незначительно. В период от младшего к старшему школьному возрасту, напротив, именно связная речь претерпевает наибольшие изменения, в то время как динамика остальных показателей выражена мало.

Речевые возможности школьников с ЗПР развиваются более неравномерно, чем с нормальным развитием, и не всегда их динамика положительна. Так, на 2-м и 3-м году обучения отмечается снижение ряда речевых показателей как относительно собственных данных на предыдущем этапе развития, так и относительно данных сверстников с ОНР. Несмотря на большую, чем в норме, амплитуду изменений, дети с ЗПР так и не достигают уровня нормы по всем анализируемым речевым параметрам, кроме звукопроизношения и некоторых характеристик номинативной и импрессивной речи. Наиболее динамично речь учащихся с ЗПР развивается в период обучения в 1-м классе и в среднем и старшем школьном возрасте, в то время как в норме наибольшие изменения происходят при переходе от 2-го к 3-му классу.

Самое интенсивное развитие речевых показателей на протяжении всего периода школьного обучения наблюдается у школьников с ОНР. Это позволяет им преодолеть имевшиеся в начале школьного обучения различия с детьми с ЗПР, однако отставание от нормы остается значительным и статистически достоверным во всех срезах. Максимум изменений приходится на 1-й год обучения, за это время улучшаются возможности всех сторон как экспрессивной, так и импрессивной речи. В период от 2-го к 3-му классу наиболее динамично развиваются характеристики словообразования и синтаксиса. В период между младшим и старшим школьным возрастом преимущественно развиваются возможности уровня моторной реализации высказывания, синтаксиса, связной и письменной речи.

В целом учащиеся общеобразовательной школы характеризуются более равномерным и быстрым созреванием речевой функции. К окончанию 3-го класса они достигают в среднем по группе высокого уровня сформированности всех сторон речи при сохранении внутри- и межиндивидуальных различий.

У школьников с ЗПР и ОНР неравномерность развития приобретает более выраженный и резкий характер. Изменение речевых характеристик у них не носит устойчивой позитивной направленности, на фоне положительной динамики одних речевых показателей может наблюдаться отрицательная динамика других, что особенно характерно для школьников с ЗПР. Можно сказать, что у детей с дизонтогенетическими вариантами развития формирование речевых функций более растянуто во времени, оно активно продолжается вплоть до старшего школьного возраста, но так и не выходит на уровень нормы.

Полученные данные позволяют утверждать, что школьники с ОНР и ЗПР характеризуются сходной по структуре степени выраженности и стойкости проявлений речевой патологии системного характера, затрагивающей все стороны речи, все этапы порождения речевого высказывания и речевые операции.

Основываясь на модели порождения речи, предложенной Т.В. Ахутиной [1], можно констатировать у школьников с ОНР и ЗПР несформированность этапов создания внутриречевого замысла высказывания, грамматического структурирования и построения послоговой кинетической программы синтагмы. Если смысловое и грамматическое программирование у них страдает почти в равной степени, то кинетическая организация речевого акта менее благополучна у детей с ОНР, что проявляется в большей выраженности и стойкости недостатков слоговой структуры слова. Таким образом, операции комбинирования элементов на основе сукцессивного синтеза хуже сформированы у школьников с ОНР.

Еще более четкие различия между детьми сравниваемых вариантов дизонтогенеза характеризуют операции выбора языковых элементов (лексем по значению и звучанию, фонем и артикулем по кинестетическим признакам). Эти операции менее доступны детям с ОНР, что проявляется в большей частоте вербальных ошибок и особенно – дефицитности фонематического анализа и звукопроизношения.

Дефектность выбора артикулем по фонетическим и кинестетическим признакам в сочетании с недостатками построения послоговой кинетической программы синтагмы специфичны для школьников с ОНР и приводят к более выраженной, чем у детей с ЗПР, несформированности этапа внешнего оречевления высказывания.

Согласно мнению А.Р. Лурия [4], комбинирование элементов в сукцессивные комплексы на основе синтагматических связей языка соотносится с работой передних отделов коры, а выбор элементов, соответствующий

парадигматическим связям, – с работой задних отделов. Особенности синтагматической организации речевого процесса у детей сравниваемых вариантов дизонтогенеза более близки, чем парадигматические основы речи, хуже сформированные у школьников с ОНР. Это позволяет предположить, что для детей с ОНР и ЗПР характерна недостаточность функций как передних, так и задних отделов мозга в осуществлении речи, при этом слабость задних отделов больше выражена у школьников с ОНР.

Все наши испытуемые подвергались также полному нейропсихологическому обследованию, позволяющему оценить состояние невербальных функций. В частности, использовались пробы на динамический праксис, реципрокную и графомоторную координацию, реакцию выбора, праксис позы пальцев, опознание перцептивно сложных изображений, оценку и воспроизведение ритмических структур, пробы Хэда, кубики Кооса, пробы на конструктивный праксис, рисование и копирование трехмерного объекта, запоминание невербализуемых фигур.

Не останавливаясь подробно на анализе невербальных функций, можно сделать вывод о том, что у школьников с ОНР преобладает недостаточность серийной организации движений и «задних» левополушарных функций. При ЗПР более проявляется дефектность программирования и контроля произвольных форм деятельности и зрительно-пространственных функций.

Основываясь на данных, полученных в нашем исследовании, мы считаем, что состояния ОНР и ЗПР церебрально-органического происхождения следует рассматривать как близкие, однотипные варианты дизонтогенеза, обусловленные стойким системным недоразвитием всех (вербальных и невербальных) высших психических функций. Недоразвитие речи при ЗПР и несформированность невербальных функций при ОНР нельзя рассматривать как исключительно вторичные проявления. У школьников с ОНР на фоне системной несформированности вербальных психических функций (ВПФ) наблюдается устойчивое преобладание дефицитности серийной организации движений и функций переработки кинестетической и слуховой информации. В структуре ЗПР на фоне системной несформированности ВПФ отмечаются более стойкая недостаточность смыслового программирования и недостатки переработки полимодальной информации. Это позволяет предположить, что при ОНР больше страдают вторичные, а при ЗПР – третичные отделы коры головного мозга.

Группы детей с ЗПР и ОНР не являются гомогенными. В каждом конкретном случае выявляется индивидуальная структура несформированности как речевых, так и неречевых высших психических функций на фоне их общего системного недоразвития. Адекватным инструментом выявления этой специфики служит нейропсихологическая диагностика.

При организации коррекционной работы со школьниками с ЗПР нужно обязательно учитывать характерные для этой категории детей стойкие трудности в речевом развитии.

Литература

1. Ахутина Т.В. Порождение речи // Нейролингвистический анализ синтаксиса. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 216 с.
2. Волковская Т.Н. Сравнительное изучение нарушений мыслительной и речевой деятельности у дошкольников с ЗПР и ОНР: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 171 с.
3. Голод В.И. Особенности функциональной асимметрии мозга в речевых процессах у детей школьного возраста при недоразвитии речи // Дефектология. 1983. № 5. С. 22–27.
4. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1975. 252 с.
5. Манелис Н.Г. Формирование высших психических функций у детей с задержанным вариантом отклоняющегося развития // Современные подходы к диагностике и коррекции речевых расстройств / Отв. ред. М.Г. Храковская. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. С. 30–40.
6. Марковская И.Ф. Клинико-нейрофизиологическая характеристика задержки психического развития церебрально-органического генеза // Актуальные проблемы диагностики задержки психического развития / Под ред. К.С. Лебединской. М.: Педагогика, 1982. С. 28–52.
7. Меликян З.А. Особенности переработки зрительно-пространственной информации у детей в норме и с задержкой психического развития: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2002. 183 с.
8. Мастюкова Е.М. Медико-психологические основы нарушений речевого развития в сравнении с нормой // Преодоление общего недоразвития речи у дошкольников / Н.С. Жукова, Е.М. Мастюкова, Т.Б. Филичева. 2-е изд. М.: Просвещение, 1990. С. 7–37.
9. Рожкова Л.А., Переслени Л.И. Нейрофизиологические критерии оценки уровня развития механизмов когнитивной деятельности у детей в аспекте проблемы дифференциальной диагностики // Дефектология. 2001. № 4. С. 3–14.
10. Фишман М.Н. Электрофизиологический анализ функционального состояния мозга детей с трудностями в обучении // Дефектология. 1999. № 5. С. 19–24.
11. Фотекова Т.А. Общее и специфическое в речи детей с общим недоразвитием речи и задержкой психического развития // А.Р. Лурия и психология XXI века: Доклады второй международной конференции / Под ред. Т.В. Ахутиной, Ж.М. Глозман. М., 2003. С. 214–221.
12. Фотекова Т.А. Развитие высших психических функций в школьном возрасте. Абакан, 2004. 161 с.
13. Фотекова Т.А. Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Айрис-пресс, 2007. 176 с.
14. Шитицина Л.М. Нейропсихологические аспекты диагностики детей в процессе коррекционно-развивающего обучения // Дефектология. 1999. № 5. С. 3–10.
15. Dawson G., Finley C., Phillips S., Lewy A. A comparison of hemispheric asymmetries in speech – related brain potentials of autistic and dysphasic children // Brain and Language. 1989. Vol. 37. P. 26–41.
16. Klickpera C. Der neuropsychologische Beitrag zur Legasthenieforschung. Eine Übersicht über wichtige Erklärungsmodelle und Befunde // Fortschritte der Neurologie und Psychiatrie. 1984. № 52. P. 93–103.
17. Njikiktijen C. Developmental Dysphasia: Clinical Importance and Underlying Neurological Causes // Acta Paedopsychiatrica. 1990. Vol. 53. P. 126–137.
18. Njikiktijen C., Valk J., Ramaekers G. Malformation or damage of corpus callosum? A clinical and MRI study // Brain and Development. 1988. № 10. P. 92–99.

DYNAMICS OF SPEECH FUNCTIONS IN SCHOOLCHILDREN WITH GENERAL SPEECH DELAY AND WITH IMPAIRED MENTAL DEVELOPMENT

Fotekova T.A. (Abakan)

Summary. Provided are results of a comparative research of speech functions in schoolchildren with general speech delay and with impaired mental development of cerebral organic genesis. Against a background of a considerable similarity of these states manifestations some differences of speech development were revealed.

Key words: higher mental functions; speech; general speech delay; impaired mental development.

ПСИХОСИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПСИХОГЕННОЙ БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМЫ

К.Г. Языков (Томск)

Аннотация. Рассматривается рекурсивная синергетическая модель психосоматического заболевания. Предполагается, что изучение связанной динамики дыхания является продуктивным в отношении синергетической организации психического пространства человека в норме и при патологии. Показано, что психогенная астма является особой формой самоорганизации.

Ключевые слова: психогенная бронхиальная астма; рекурсивная синергетическая модель психосоматического заболевания; нелинейно-динамические показатели дыхания.

В работе представлена когнитивно-психофизиологическая рекурсивная модель психогенной бронхиальной астмы в соответствии с принципами целостности и саморазвития. Исследование направлено на обнаружение динамических закономерностей проявления специфической формы адаптации дыхательной системы в форме телесных дыхательных реакций. Целостность, представленная как репрезентирующаяся рекурсивная самоорганизующаяся система взаимодействий уровней, выражена в когнитивно-обусловленной самоорганизации предельно витального процесса функционирования дыхательной системы. Предельные телесные функции человека культурально глубоко осмыслены. Единство человека в телесном измерении осмыслено. Тело (инд.-евр. *tel-*, *tol-*; в слав. языках – *тъло* – вещество, образ, вид; англ. *body* – тело сравнимо с инд. *bodhi* – дерево) имеет разветвленную семантику. Тело одновременно вещественно и невещественно (образ) [11]. Согласно А. Тахо-Годи, современное понятие личности соответствует древнегреческому *soma* («тело») [2]. *Soma* как «личность» – это целостность и предельная телесная обобщенность человека в интеллектуальной и духовной деятельности. *Soma* выражало материальное понимание богов, космоса и природы, всей совокупности жизни (А.Ф. Лосев называет античное мировоззрение «соматическим космологизмом»). Такая пресемантика воспроизводит и современную тенденцию рассматривать соматический локус и патогенный символ заболевания как целостную развивающуюся структуру, которая маркирует личные смыслы на индивидуальном теле человека. На это указывает и концепция психосоматической медицины. Дыхательная система человека является наиболее психогенно зависимой, а дыхание имеет наивысший «индекс психосоматичности». Это выражено в едином корне $\psi\upsilon\chi\eta$ – душа-дыхание; псyxе тождественно живому существу и отдельными функциями живого организма – его частям.

Одним из устойчиво сопровождающих человека недугов является бронхиальная астма. Психоаналитический конструкт одной из форм – психогенной бронхиальной астмы (ПБА) рассматривают как нарушенную гармонию-сотрудничество потребности получать и давать любовь (вдох – выдох). Согласно лингвопсихоаналитической трактовке ПБА [11] – это сигнал нежелания

жить самостоятельно, страх откровенности, боязнь перемен. Другой конструкт представления психосоматического заболевания как невротического регистра представлен в трудах В.Н. Мясичева [6]. Признается категория «психогенного», связанного психотравмирующей ситуацией с личностью больного и трудностью в самостоятельном разрешении.

В онтогенезе телесные процессы претерпевают множественность бифуркаций, балансируя между аттракторами состояниями мозга как отношениями множеств внутренних отображений. Тогда процессы в организме, в данном случае процессы функционирования респираторной системы, релевантны этим состояниям. Психофизиологические процессы, связанные с дыхательной системой, когнитивны (в смысле У. Матураны, Ф. Варелы) [8], как аутопоэтические, направленные на поддержание устойчивого самовоспроизведения структуры. Дыхание уникально по своей природе: как психофизиологическая функция, как функция, зависимая от сознания и бессознательного, и как культуральная семиотическая функция. Тогда изучение динамической многосвязной функции дыхания является одним из продуктивных направлений исследования синергетической организации психического пространства человека.

Когнитивный аспект (Со) взаимодействия уровней. Целостная система «человек» с присущими ей когнитивными, рефлексивными свойствами наблюдаема в поведении. Но поведение, как отмечал У. Матурана [8], в континууме самореферентного, функционального преобразования – это множество допустимых нервной системой состояний активности, которые являются различными отношениями. Оператором этих отношений является мозг. Мозг (ЦНС) порождает и поддерживает внутренние и сенсорно-моторные корреляции состояний, отбираемых организмом, через множества состояний нейронной активности. В ЦНС взаимодействия с собственными внутренними состояниями как сущностями ведут либо к различению взаимодействий, либо к нераспознаванию в случае их слитности. Нервная система взаимодействует с репрезентациями своих состояний (следовательно, взаимодействий организма) рекурсивным образом.

В соответствии с концепцией организации выделяется **психологический уровень (Psy) Self**. Это устойчи-

чивые активные структуры организации и кодирования психических процессов (сознательных и бессознательных) в онтогенезе. Репрезентации Self в психическом отражают адаптацию. Генетическая конституциональная подверженность к реагированию существует в виде смысловых (символических) содержательных связей, информационную специфику (отношения) которых человек может проявлять. С позиции холизма в психосоматической медицине равноправны и локус организма (симптом), и прорывающийся в сознание патогенный символ, и, возможно, архетип. В *психоанализе* психосоматические явления, как знаково-символические, имеют конфликтный смысл в реализации психосоматического симптомообразования. Реализуется конверсия психической сферы в соматическое измерение. При переносе аффект отделяется от переживаемых представлений и помещается в том направлении, где эти представления подавляются. Согласно кортиковисцеральной модели путь в *телесную сферу* в виде телесных иннерваций закрепляется при совпадениях с определенными переживаниями как симптом (по Кеннону, Селье) либо как функция разрядки напряжения.

На психофизиологическом уровне (PsyPhys) динамический аспект процесса симптомообразования задает предмет исследований внутри психофизиологических соотношений предельно витальных процессов респираторной системы. Эти отношения отражают взаимодействия автономных систем «мозг–тело» как когнитивных.

Психосоматический уровень (PsySom) возникает на уровне стыке в своеобразной точке бифуркации в процессе симптомообразования в контексте культурального и психологического онтогенеза. Симптомообразование конвертирует интрапсихический конфликт в символической форме. Генезис симптома является производным от биопсихосоциального онтогенеза. Согласно Г. Ариной [1] содержание и структура телесных действий определяется развитием системы значений и смыслов. Развитие включает ранний этап на языке чувственной модальности, следующий этап развития телесных, психосоматических феноменов связан с организующей ролью системы значений уже на уровне репрезентации, на уровне символическом в виде представлений. Последний этап социализации телесности связан с возникновением рефлексивного плана сознания.

Синергетический аспект (Syn) – методологический, позволяющий определить динамические формы процессов и структуры. Согласно В. Шевлокову [12] они определяются когерентностью, корреляцией, кооперативностью, синхронизацией процессов. Их особенностью является несводимость поведения системы к индивидуальным свойствам. Когерентные явления носят глобальный характер и поэтому описываются формальными методами. Условие возникновения когерентности – неравновесность и нелинейность самоорганизующихся систем. Семантика определяет средство отклика (ат-

тракторов) динамической системы на воздействия. Согласно Г. Хакену [10] возникновение параметров порядка позволяет системе находить свою структуру. С точки зрения информации параметр порядка играет двойную роль: он сообщает элементам о поведении, а наблюдателю – о макроскопически упорядоченном состоянии системы. В физиологической интерпретации это означает, что эмоционально-стрессирующий психологический фактор влияет на соматические структуры, в свою очередь, телесное начинает организовывать процессы сознания, его идеационные компоненты.

В квазиупорядоченном состоянии системе необходима лишь синергетическая информация (Г. Хакен). С синергетической информацией и когерентностью связан переход от одного уровня организации на другой и, соответственно, с одного уровня описания на другой (с микроскопического на мезо- и макроскопический уровни, в нашем случае с генетико-биохимического, нейро- и далее клеточно-тканевого уровней на уровень систем) как эволюционно закрепленных вариантов.

В заключение дана рекурсивная схема (1). Введение когнитивного измерения в целостную систему расширяет «пространство» личности в развитии отношений и самореференции и определяет ее устойчивость. Когнитивные процессы как информационные антиэнтропийны. Телесная структура как биологическая неравновесная открытая система энтропийна. Ее обратным и значимым процессом является продукция информации как имманентная когнитивной сущности человека. В познавательном процессе создается новая ценная информация, макроинформация, которая сопровождается ростом энтропии, поскольку эти процессы необратимы. Энергетическая цена макроинформации определяется энергией, диссипирующей в процессе запоминания, и зависит от времени, на которое информацию нужно запомнить, т.е. от свойств памяти.

В циклической рекурсивной форме связи выглядят: $Co((Psy(PsyPhys(Pysom(Som))))))$ (1).

В рекурсии психофизиологические процессы отражают связь высших психических символьных функций с соматическими через сенсорно-моторные конвергенции. Рекурсия определена в семантике каждого уровня, но как аналог паттернов нейронной активности она едина. Множество всех отношений, в которых сущность (поведение) может наблюдаться, является ее областью отношений. Эта область, согласно У. Матуране, включает и рефлексивную сторону – наблюдателя (внешний экран – врача, стороннего наблюдателя, себя). Введение связи «психосоматическое» определяет неустойчивость, бифуркацию, которая порождает информацию. В синергетике подчеркивается, что именно через неустойчивость генерируется информация. Таким образом, патологические реакции больного ПБА наблюдаются как устойчивые, многообразные обратные связи в виде единства взаимодействия – некоего глобаль-

ного аттрактора (мозга-сознания), обеспечивающего межуровневое рекурсивное осмысление. Тогда говорят о субъективном теле (А. Тхостов), культуральном теле (Л. Выготский). Нервная система обеспечивает круговой процесс, но оперирует только отношениями нейронных активностей. Во внутреннем взаимодействии состояния активности являются некоторым множеством отношений и далее в виде отношения отношений или когниции (в концепции У. Матураны, Ф. Варелы). Логика рассуждений приводит к тому, что наблюдаемые явления (в нашем случае физиологические процессы дыхания) и есть образы отношений, тождественных поведению, симптомокомплексу психогенной бронхиальной астмы. Тогда гипотеза исследования предполагает специфическую собственную нелинейную динамику респираторных процессов при психогенной астме. Эта динамика не есть патологический феномен, а есть своеобразная адаптация системы.

Материалы и методы

Исследуемые группы. Были обследованы 131 больной бронхиальной астмой (БА), диагноз которым был поставлен согласно общепринятым критериям, разработанным в рамках международного консенсуса «Глобальная инициатива астмы» [4], доцентом СибГМУ Е.В. Немеровым. Все пациенты были распределены в три группы. Первая группа (основная контрольная, $n=58$) состояла из здоровых лиц. Вторую группу ($n=54$) (психогенная; ПБА) составили лица, у которых ведущий элемент болезни (первый приступ удушья) развился после перенесенного эмоционального стресса, психотравмирующего жизненного события (согласно опроснику жизненных событий [3]). Дальнейшее резкое ухудшение течения болезни было связано с психологическими проблемами негативного характера. В третью, контрольную группу больных с БА (непсихогенная; БАНП), вошли лица ($n=19$) с «классической» БА, преимущественно атопической формой заболевания, у которых в начале болезни наблюдались различные проявления атопии (риниты, конъюнктивиты, кожные высыпания). К обострению болезни приводили чаще аллергии, вирусные инфекции, физические факторы (колебания метеословий), а не психологические факторы. Мониторинг дыхания проводили в ночное время во время сна с тем, чтобы максимально уменьшить воздействие актуального бодрствующего сознания. Пациент находился как бы в состоянии внутренних отношений-переживаний. Таким образом, достигалось отключение произвольного контроля дыхания, но оставалась значимая бессознательная телесная проекция на лабильную дыхательную систему.

Исследования нелинейно-динамических (НД) параметров ритмики дыхания проводили методом субэпох для устранения возможного нарушения стационарности в процессе регистрации. Далее проводили оценку средних значений и вариативности. Записи ночного мо-

нитинга дыхания для обработки разбивались на фрагменты (субэпохи). Длина каждого фрагмента составила 600 с. В обработке использовали стандартные методы статистического анализа.

Параметры, используемые для оценки нелинейной динамики процесса дыхания. Известно, что нелинейные модели улавливают сложные паттерны динамики физиологических процессов. В анализе нелинейности, в теории детерминированного хаоса, объясняющего нерегулярное поведение в системах, вводятся такие понятия, как фазовое пространство, аттрактор, показатели экспоненты Ляпунова, фрактальная размерность. Структура хаотической системы, содержащая в себе всю информацию о системе, может быть восстановлена через измерение только одной наблюдаемой переменной этой динамической системы, фиксированной как временной ряд. В нашем случае это ритмика дыхания. По временному ряду X_n «восстановленный» аттрактор формируется из векторов в m -мерном лаг-пространстве изучаемого временного ряда. Если временной ряд является наблюдаемой «проекцией» хаотической динамической системы, то согласно теореме Такенса реальный аттрактор динамической системы и «аттрактор», восстановленный в лаг-пространстве размерности вложения m по временному ряду x_n , являются топологически эквивалентными и обладают одинаковыми обобщенными фрактальными размерностями, показателями Ляпунова. Для каждого фрагмента записи были определены нелинейно-динамические (НД) параметры, характеризующие «хаотичность» ритма дыхания: показатель Ляпунова (h) – показатель энтропии, означающий скорость, с которой заполняется фазовое пространство (разбегания фазовых траекторий) – скорость нарастания энтропии. Он характеризует степень хаотичности динамической системы: чем выше показатель Ляпунова, тем хаотичнее колебания, тем менее регулярным является процесс изменчивости во времени. Обратная величина h^{-1} (с) – характеризует время перемешивания в системе; чем больше h , тем быстрее заполняется фазовое пространство и тем больше хаос.

Хаотическую детерминированность в ряде данных определяют по свойству и поведению корреляционной размерности $de(m)$ в зависимости от размерности вложения m . Согласно Грасбергеру и Прокаччиа корреляционная размерность для реальных хаотических систем является хорошим приближением для фрактальной размерности «странного» аттрактора. Таким образом, корреляционная размерность (de) – это показатель экспоненты, характеризующий «разбегание» интервалов между точками в выборках ряда. В хаотической динамике «расстояние между точками экспоненциально увеличивается». Параметр de характеризует степень сложности [7]. Корреляционную размерность вычисляли по алгоритму, предложенному Грасбергером и Прокаччиа.

Результаты

Нелинейно-динамическая структура дыхания при БА различного генеза. Самая низкая корреляционная размерность (сложность) дыхательной динамики обнаружена при atopической форме БА (БАНП) ($de=3,43$). В норме и при психогенной астме (ПБА) функциональная нелинейная динамика дыхания имеет одинаковый уровень сложности: норма $-3,61\pm 0,03$, психогенная астма $-3,67\pm 0,02$ (ПБА) (рис. 1).

Наиболее низкий уровень $de=3,43\pm 0,03$ отмечается при atopической БА (БАНП). Корреляционная размерность динамики дыхания более низкая для atopической астмы означает ее более «простую» форму фазового пространства.

Дыхательная система при бронхиальной астме (психогенной, непсихогенной; h в пределах $0,52-0,54$) имеет более хаотичную динамику, с достоверно более высокими показателями Ляпунова, чем в норме ($h=0,43$), что свидетельствует о превышении уровня энтропии, достигающего дисрегуляторного предела.

В норме ($0,43\pm 0,01$) ниже, чем при астме (психогенной $-0,52\pm 0,01$; непсихогенной форме $-0,54\pm 0,01$), и имеет более хаотичную динамику. То есть степень хаотичности системы при астме независимо от формы заболевания существенно выше, чем в норме. Это говорит о нарастании степени иррегулярности ночного дыхания. Степень сложности, а значит пластичности, перестраиваемости – отклика системы дыхания в норме и при психогенно индуцированной астме выше, чем при atopической астме. В последнем случае система дыхания ригидна устойчиво репродуцирует свой паттерн дыхания. Видимо, это связано с патологически измененной реактивностью дыхательной системы.

Таким образом, динамика дыхания при психогенной астме имеет следующие характеристики: с одной стороны, степень сложности ее сопоставима с нормальным дыханием, с другой – хаотичность системы является более высокой, не отличающейся от atopи-

ческой формы БА. В этом и проявляется специфика данной формы.

Обсуждение

Врожденные и нажитые психологические свойства личности находят отражение в специфических физиологических алгоритмах, которые реализуются в патологических кодах, именуемых бронхиальной астмой. В феноменологии А.Ш. Тхостова [9] тело выступает как «социально-культурный феномен». Психосоматическое рассматривается как «несовпадение натурального и культурного тела человека, образующее зазор, в пространстве которого развиваются специфические расстройства, относимые обычно к группе функциональных или конверсионных симптомов». Согласно А.Ш. Тхостову нарушение – одышка – происходит не на анатомо-физиологическом уровне, а как перемещение зоны контроля. Нарушения, как правило, изменяются во сне, что было отмечено нами в виде смены ритмики ночного дыхания с отличающейся от соматических больных БА структурой апноэ, гипопноэ. Обнаруженная алекситимия у этой категории больных (данные в следующем сообщении) объясняется общей ригидностью, ведущей к преобладанию телесных оценочных категорий. В то же время устойчивая циркуляция отношений (в форме отношений нейронной активности мозга) некоторого события и отреагированного «бронха» в виде взаимного соответствия или обусловленности является закрепленной фиксированной формой поведения пациента.

В исследовании показана дифференцированная нелинейная природа дыхания при бронхиальной астме. Психофизиологические процессы, к которым, несомненно, можно отнести ритмику дыхания, как нелинейные характеризуются спецификой динамик в разделении психогенной и непсихогенной (atopической) форм астмы. При atopической форме наблюдается высокая хаотичность при низкой сложности динамики. Это говорит об ослаблении уровня множественных обратных связей

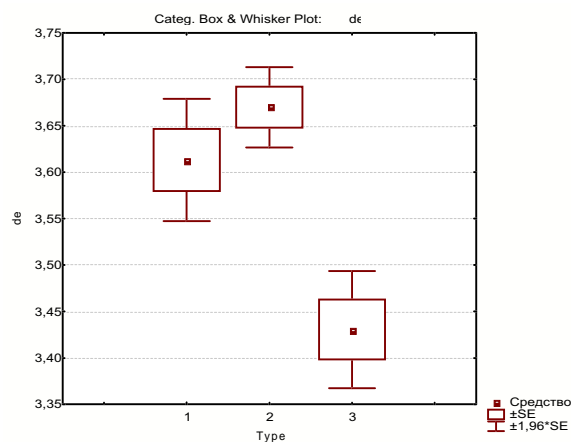

Рис. 1. Зависимость корреляционной размерности de динамики дыхания при различных формах БА

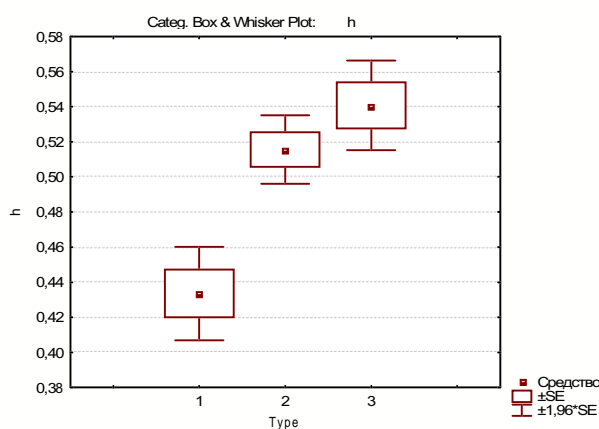

Рис. 2. Зависимость показателя Ляпунова (h) динамики дыхания при различных формах БА

и дисрегуляторном, неадаптивном типе реагирования. Спонтанный поток центральной нервной импульсации (психофизиологический аналог отображения прорыва из бессознательной сферы) вступает в антагонистические отношения с регуляторными системами. Система не может балансировать потоки, что выражается в излишних тратах энергии и росте энтропии. Наличие положительного высокого значения показателя Ляпунова отражает чувствительную зависимость динамической системы от начальных данных, что является одним из главных признаков детерминированного хаоса. В нашем случае они положительные. Это свойство поведения детерминированных хаотических систем. Показатель Ляпунова определяет предсказуемость хаотической системы: за время обратно показателю Ляпунова ($t = h^{-1}$), система полностью теряет информацию о своем начальном состоянии. Таким образом, прогноз динамики хаотической системы на временах, больших ($t > h^{-1}$), в принципе невозможен. При атопии ляпуновский показатель высокий, следовательно, респираторная система более хаотична, менее предсказуема, по-видимому, в системе разрушен оптимум обратных связей.

В. Козлов определяет дыхание «как мост между базовыми элементами физического и духовного начал человека. Дыхание лучше характеризует человека, чем любые другие системы». Блонский (цит. по [5]) писал о «мимике легких»; о легких как «выразительнейшем органе эмоциональной жизни». Таким образом, дыхание проявляет состояние психики. И наоборот, каждое состояние дыхания – это определенное состояние психики. На это указывает психотерапевтическая практика использования дыхательных психотехнологий. Изменением связного дыхания можно управлять и координировать состояния в жизнедеятельности. Идеационные компоненты Self кодируются на основе непосредственного

опыта и косвенного восприятия телесной и психической самости. Телесное не совпадает с телом человека и охватывает большее пространство. В психологических границах телесность нечетка, размыта. Она совпадает и с предметными явлениями, и с явлениями сознания.

Принцип целостности определяет способ жизни человека. Наиболее существенной стороной целостности является самоприменимость, или рефлексивная жизнедеятельность этой целостности, репродуцирующая в любой ситуации свои важнейшие качества. Для исцеления физического организма человека оперируют динамикой развития сенсорных структур, изменением схемы процессов переработки информации в нервной системе для управления физиологическими процессами. Возможно, детальной разработке подлежит динамическая структура бессознательного. Такая структурная реинтеграция поможет пониманию клинического процесса как реализации законов глубинной психологии. Если патологическое дыхание есть следствие принципиальной невербализуемости, то необходима активизация речевых центров.

Другой класс воздействий включает методы AVE (audio-visual entrainment). Используя бинауральный эффект мозга, человеку навязывают ритмы в тета/альфа ЭЭГ-диапазоне (в синергетическом смысле это означает изменение характеристик управляющего параметра, мозга человека), в результате чего он попадает в особое ментальное психическое состояние или ИСС, и способен разрешить проблемы или пережить подавленные и освобождающиеся при дыхании эмоции.

Таким образом, организованная в особых синергетических отношениях система психогенной формы бронхиальной астмы существенным образом отличается по нелинейно-динамическим параметрам респираторной системы как от нормы, так и от атопической формы.

Литература

1. Арина Г. Психология телесности. Режим доступа: <http://www.nature.ru/db/msg.html?mid=1155662&s=>
2. Ашкерова А. Soma и Proposon. Режим доступа: <http://www.traditio.ru/ashkerov/soma.htm>
3. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций: Учеб. пособие. М.: Рос. пед. агентство, 1998.
4. Глобальная стратегия лечения и профилактики бронхиальной астмы / Под ред. А.Г. Чучалина. М., 2002.
5. Козлов В. Экзистенция личностного роста. Режим доступа: <http://www.holos.spb.ru/scripts/show.php?templ=potok/n5/ekzist.html>
6. Кулаков С.А. Основы психосоматики. СПб.: Речь, 2003.
7. Лоскутов А.Ю., Михайлов А.С. Введение в синергетику. М.: Наука, 1990.
8. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1996.
9. Тхостов А.Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1994. № 2.
10. Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. М., 1991.
11. Цветков Э. Психоактивный словарь. М.: Яхтсмен, 2001.
12. Шевлоков В.А. Когерентность и информация в процессах самоорганизации. Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/Shevlovkov5.htm>

PSYCHOSYNERGETIC MODEL OF PSYCHOGENIC BRONCHIAL ASTHMA
Yazykov K.G. (Tomsk)

Summary. The article provides meaningful synergetic recursive model of psychosomatic illness. In the model suggested that the study of dynamic multiply respiratory function is one of the productive areas of research synergetic organization of human mental space. The problems of psychogenic induced asthma were solved using synergetic approaches on basis of the nonlinear dynamical analysis of the respiratory system. Nonlinear parameters Lyapunov exponent (h), correlative dimension (de) were studied. Psychogenic asthma was shown to be dramatically different from both the norm and atypic asthma in nonlinear parameters.

Key words: psychogenic bronchial asthma; recursive synergetic model of psychosomatic illness; non-linear dynamics of breathing.

ПСИХИЧЕСКАЯ РИГИДНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ АСИММЕТРИЙ ГОЛОВНОГО МОЗГА И СТИЛЯ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С.С. Лапина (Барнаул)

Аннотация. Исследуется связь вариантов латеральных профилей с показателями психической ригидности, взаимосвязь стиля мыслительной деятельности в контексте функциональных асимметрий головного мозга с психической ригидностью.

Ключевые слова: психическая ригидность; функциональная асимметрия головного мозга; профиль латеральности; правополушарный стиль мыслительной деятельности, левополушарный стиль мыслительной деятельности.

Функциональная асимметрия мозга (ФАМ) – это сложное свойство, обуславливающее целый ряд индивидуальных характеристик личности и психологических противопоставлений: конкретно-образного и абстрактно-логического мышления (Зальцман А.Г., 1990); поле-зависимости и полезависимости (Удачина Е.Г., Квасовец С.В., 2006); «гиперстенические» и «астенические» эмоции (Хомская Е.Д., 1992); ригидности и гибкости (Залевский Г.В., Богомаз С.А., 1999).

Нейробиологическую природу ригидности в большей степени традиционно объясняли свойствами нервной системы. Вместе с тем некоторыми исследователями с помощью инструментальных методов было показано, что проявления ригидности связаны с функциональной асимметрией мозга [5].

В отечественной психологии фиксированные формы поведения изучаются томской школой психологов (Г.В. Залевский, Т.Г. Бохан, Э.В. Галажинский, Н.В. Козлова, В.Г. Залевский и др.). Данные проведенных психодиагностических исследований показывают, что существенную роль в механизмах психологической дезадаптации играет феномен психической ригидности–гибкости. Степень гибкости и пластичности реагирования личности во фрустрирующих ситуациях определяет степень соответствия реакций индивида тем требованиям, которые к нему предъявляет конкретная ситуация [2, 3, 5, 7].

В нашем исследовании мы опираемся на понимание психической ригидности как характеристику познавательной сферы, в то же время рассматриваемую как проявление личностной организации в целом, поскольку индивидуализированные способы переработки информации оказываются тесно связанными с потребностями, мотивами, аффектами и т.д.

На современном уровне проблема межполушарной специализации способов кодирования информации представлена с закреплением чувственно-образной формы презентации действительности как правополушарный стиль мыслительной деятельности, а вербально-логической – как левополушарный.

В психологии традиционным методом, позволяющим подойти к решению вопроса о роли определенных отделов коры к проблеме индивидуальных различий, является нейропсихологический анализ. Внутри когнитив-

ной нейропсихологии наблюдается тенденция к исследованию индивидуальных различий испытуемых с целью анализа мозговой организации психических процессов и предпосылок их вариативности.

Предметом настоящего исследования явилась психическая ригидность в контексте сенсомоторных профилей латеральности и стиля мыслительной деятельности. Цель исследования: изучение проявлений психической ригидности в контексте функциональных асимметрий головного мозга и стиля мыслительной деятельности.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что психическая ригидность будет более выраженной при крайнем варианте профиля асимметрии. Анализ литературных источников позволяет также предположить, что одним из компонентов сложной системы адаптации человека может быть достаточный уровень развития мышления человека. Таким образом, лица с преобладанием абстрактно-логического мышления оказываются менее ригидными.

Для реализации поставленной цели была разработана исследовательская программа психологических методов, которая включала в себя:

– *Методики для изучения особенностей функциональных асимметрий человека.* Профили латеральной организации измерялись в системе моторных функций руки, ноги, двух сенсорных анализаторов ухо–глаз. Асимметрия бинокулярного зрения определялась с помощью проб «прицеливание» и «дырочка в карте». Для определения общего латерального предпочтения руки использовались пробы: переплетение пальцев, скрещивание рук на груди – «поза Наполеона», аплодирование, тест заведения часов. Асимметрия моторной функции ноги определялась с помощью проб: «нога на ногу»; подпрыгивание на одной ноге; проба «вставание на стул», проба «измерение длины шага».

В нашем исследовании мы выделили 4 варианта профиля когнитивного стиля: П – доминирующий правополушарный; ПЛ – с преобладанием правого полушария; ЛП – с преобладанием левого полушария; Л – левополушарный. Методики оценки стиля мыслительной деятельности. Оценка степени близости ассоциативных связей. Уровень свободных словесных ассоциаций. Классификация прилагательных (А.Ю. Егоров) [4].

При исследовании индивидуально-типических особенностей использовались следующие методики: Томский опросник ригидности (ТОРЗ), разработанный и апробированный Г.В. Залевским [7]; методика определения «типа личности» Дж. Олдхэма [9]; Пятифакторный личностный опросник МакКрае – Коста «Большая пятерка» [1].

– Методы статистической обработки данных (клас-терный анализ, *t*-критерий Стьюдента). Исследуемым контингентом стали студенты Алтайского государственного университета. Общее количество студентов, принявших участие в исследовании, – 52 человека. Разброс по возрасту составил от 23 до 30 лет.

Из них, с помощью Ward Method, были выделены 2 группы: с крайним вариантом латеральности правым ($n = 33$) и смешанным ($n = 19$).

При сопоставлении показателей двух групп по параметрам психической ригидности выявлены статистически значимые различия и различия на уровне тенденции по шкалам симптомокомплекс ригидности ($p = 0,144$), ригидность как состояние ($p = 0,019$).

Испытуемые группы с крайним типом оказываются более деятельными (тип Олдхэма), чем испытуемые группы «смешанный тип» ($p = 0,098$). Они отличаются повышенной активностью. На уровне тенденций для типа с крайней сенсорной активностью характерно преобладание черт драматического типа ($p = 0,051$). У них выражены такие качества, как демонстративность, эмоциональность, эмоциональная лабильность.

Результаты испытуемых с крайними вариантами показателей сенсорных проб после интерпретации данных пятифакторного личностного опросника выявляют неспособность контролировать свои эмоции и импульсивные влечения, фактор «эмоциональная устойчивость–эмоциональная неустойчивость» ($p = 0,134$); склонность к тревожности «тревожность–беззаботность» ($p = 0,081$); депрессивные тенденции ($p = 0,167$).

Таким образом, группа испытуемых с крайними показателями проб обладает более высокой склонностью к персеверациям, навязчивостям, стереотипиям, упрямству, педантизму и собственно ригидности. Эти испытуемые в состояниях психической напряженности, тревоги, страха, фрустрации отвечают снижением пластичности, гибкости поведения, его фиксированными формами.

Для изучения индивидуально-типических особенностей испытуемых с разными профилями латеральности по показателям проб рука–нога было выбрано 2 группы: с крайним, чисто правым ($n = 43$) и смешанным

($n = 9$) показателем проб.

При исследовании связи психической ригидности с профилями моторной латеральной организации 2 групп был использован *t*-критерий Стьюдента, однако статистически значимых различий не выявлено.

При сопоставлении результатов психодиагностического исследования по пятифакторному опроснику установлено следующее. Испытуемые группы с крайними вариантами моторной латеральности обладают более выраженной эмоциональной неустойчивостью ($p = 0,037$); тревожностью ($p = 0,136$); склонностью к психической напряженности ($p = 0,035$); депрессии ($p = 0,149$).

Итак, при преобладании крайних вариантов профилей по моторным функциям (рука–нога) и по функциям слухового и зрительного анализаторов характерны такие особенности, как психическая неуравновешенность, тревожность; возрастают значения такого фактора, как «депрессия», снижение уровня самоконтроля, большая эмоциональность по сравнению со смешанным типом.

По фактору ригидность–пластичность «Большой пятерки» испытуемые с правополушарной мыслительной активностью оказываются более ригидными, чем лица с левополушарной мыслительной активностью ($p = 0,078$).

Таким образом, девиации ФАБПГМ в сторону преобладания каких-либо видов специализированных функций определяют психологические особенности личности. Индивиды с односторонней сенсорной активностью обладают более высокой склонностью к персеверациям, навязчивостям, стереотипиям, упрямству, педантизму и собственно ригидности. Обнаруженные различия демонстрируют связь между специализацией полушарий мозга, стилями мыслительной деятельности и выраженностью ригидности у испытуемых. Правополушарный стиль мыслительной деятельности связан с выраженностью психической ригидности в сравнении с левополушарным, т.е. лица с преобладанием абстрактно-логического мышления оказываются менее ригидными.

Полученные результаты показали сложность и неоднозначность проблемы мышления в контексте функциональных асимметрий головного мозга. Нам представляется невозможным объяснение индивидуальных различий мышления, исходя только из определенных принципов организации мозга субъекта.

Литература

1. Батаршев А.В. Диагностика темперамента и характера. М., 2006. 368 с.
2. Бохан Т.Г. Роль индивидуально-психологических факторов в формировании навыков разрешения социальных проблем // Сибирский психологический журнал. 2000. № 13. С. 56–60.
3. Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности. Томск: ТГУ, 2002. 212 с.
4. Егоров А.Ю. Нейропсихология девиантного поведения. СПб.: Речь, 2006. 224 с.
5. Залевский Г.В., Богомаз С.А. Специализация полушарий мозга человека как фактор, детерминирующий его ригидность // Сибирский психологический журнал. 1999. № 10. С. 36–40.

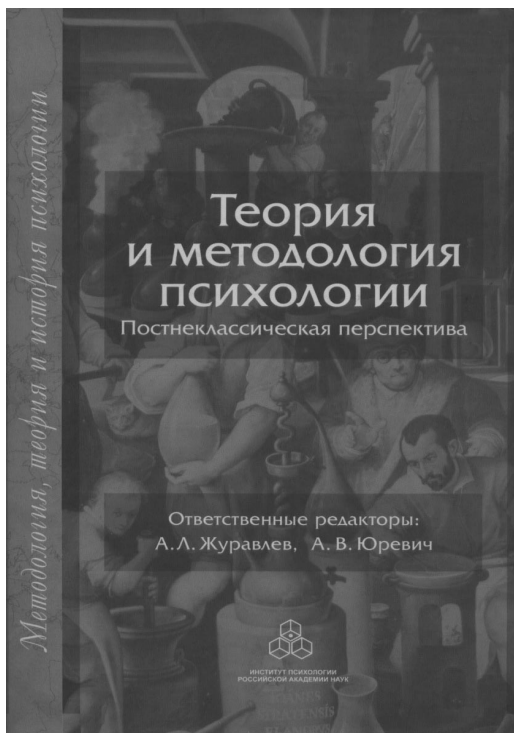
6. Залевский В.Г. Психическая ригидность – флексибельность в структуре личности людей с субъект-субъектной профессиональной ориентацией: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 1999. 25 с.
7. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии). Томск: ТГУ, 2004. 460 с.
8. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 384 с.
9. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика: Методики и тесты: Учеб. пособие. Самара: Бахрах – М, 2001. 672 с.
10. Удачина Е.Г., Квасовец С.В. Полезависимость/поленезависимость и межполушарная асимметрия // Сибирский психологический журнал. 2006. Т. 27, № 6. С. 29–36.
11. Хомская Е.Д., Батова Н.Я. Мозг и эмоции. М.: Изд-во МГУ, 1992. 424 с.

PSYCHICAL RIGIDITY IN A CONTEXT OF BRAIN FUNCTIONAL SKEWNESS AND COGNITIVE ACTIVITY STYLE

Lapina S.S. (Barnaul)

Summary. There is studied a band of variants of lateral sections with indices of psychical rigidity. Correlation of cognitive activity style in a context of brain functional skewness with psychical rigidity is researched.

Key words: Psychical rigidity; brain functional skewness; lateral section; right-brain style of cognitive activity; sinistrocerebral style of cognitive activity.

Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 528 с. (Методология, теория и история психологии)

В книге, представляющей собой сборник статей ведущих отечественных методологов психологии, рассматриваются ее наиболее актуальные методологические проблемы – как «вечные», сопровождающие психологическую науку с ее первых шагов, так и новые, обострившиеся на постнеклассической стадии ее развития. Описывается судьба ряда базовых исследовательских направлений отечественной психологии, их современное состояние и перспективы. Анализируются возможности интеграции психологии, традиционно разобщенной на разные школы и исследовательские направления, перспективы построения единой психологии в условиях легализации методологического плюрализма, характерного для современного этапа ее развития.

Книга предназначена для психологов, не безразличных к методологическим проблемам психологической науки и практики, а также для представителей смежных наук, интересующихся методологией социогуманитарного познания.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

ЭГОИЗМ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВОЗРАСТ ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ

О.В. Бондарева (Краснодар)

Аннотация. Рассматривается проблема эгоизма личности. Прослеживается взаимосвязь эгоизма с возрастом вступления в брак, а также взаимосвязь эгоистической направленности супругов с удовлетворенностью браком.

Ключевые слова: эгоизм; эгоцентризм; удовлетворенность браком; пространство супружеских отношений.

В России издавна существовала традиция ранних браков. В Западной Европе она была изжита не менее четырех веков назад. С середины второго тысячелетия стал распространяться новый, отличный от традиционного тип брачности, названный Дж. Хаджналом «европейским». Его отличительными чертами были позднее вступление в брак и высокая доля лиц, никогда не женившихся и не вышедших замуж.

В настоящее время возраст вступления в брак в России повышается и у женщин, и у мужчин. За последние десятилетия увеличение было столь значительным, что едва ли ему имеется аналог во всей предшествующей истории страны. Отсрочивание вступления в брак молодые люди объясняют, например, желанием построить карьеру, добиться профессиональных успехов, улучшить свое материальное положение и жилищные условия и т.д. Более того, мужчины и женщины, имеющие самостоятельные источники дохода, предпочитают и вовсе не регистрировать свои отношения, часто даже проживая врозь, что непосредственно сказывается и на рождаемости.

Сегодня обнаруживается тенденция к усилению индивидуализации, связанной с резко возросшими возможностями отдельного человека строить свою карьеру и судьбу, не «связывая» себя узами брака. Таким образом, одной из гипотез, положенных в основу данного исследования, стало предположение о том, что на возраст вступления в брак влияет наличие эгоистической направленности личности.

Исследования эгоизма распространены в зарубежной психологии, но в России данная проблема практически не изучена ни в теоретическом, ни в эмпирическом плане. В советском обществе превалировал взгляд на эгоизм только как на отрицательное явление. Эгоизм – это принцип жизненной ориентации, состоящий в превращении частных интересов в основной мотив деятельности и главный критерий оценки в отношении к обществу и окружающим [2]. Подобное одностороннее рассмотрение эгоизма не позволяло сформировать целостное представление о данном феномене.

Хотелось бы особо отметить вклад, внесённый в изучение эгоизма отечественным исследователем К. Музды-

баевым. Он смог с помощью целого ряда методик выделить основные психологические корреляты эгоизма, что позволило углубить представления о данном феномене.

А.Н. Славская в статье «Соотношение эгоцентризма и альтруизма личности» отмечает, что «важнейшим проявлением самосознания можно считать потребность в организации своей жизни, включая в неё всё: и взаимоотношения с другими, и познание, и деятельность. Личность начинает идентифицировать свою индивидуальность, подтверждать своё «Я» на основе проб жизни, осуществляющихся в реальном времени и пространстве» [5. С. 15].

Человек, проявляющий эгоистическую направленность, реализует эгоистические тенденции в своем поведении, что непосредственно сказывается и на особенностях организации им пространства межличностных отношений с окружающими, так как «бытие человека – это всегда его со-бытие с Другими, реализующими иные смысловые содержания, личностные потенции и модели мироустройства» [7. С. 4]. Приведем примеры проявления эгоистической направленности личности в брачном со-бытии. Стремясь организовать общее пространство, исходя лишь из своих собственных личностных смыслов, супруг может настаивать на каком-то определённом времяпрепровождении, может вносить изменения в интерьер и дизайн жилья, не согласовывая их с супругом, или же *настоять* на своих предложениях. Другой пример проявления эгоистической направленности в супружеских отношениях – супруг может оборудовать общее жильё, учитывая лишь собственные предпочтения и желания; *общий* круг общения будет также стремиться выбрать соответственно своим личным предпочтениям.

«Семья – одно из значимых для личности пространств бытия, в котором человек реализует субъектность, актуализируя свои запросы на поддержку чувства идентичности в отношениях с другими акторами семейных отношений» [7. С. 376].

На наш взгляд, в брачном со-бытии у супруга, проявляющего высокий уровень эгоизма, существует потребность в организации не только своей собственной жизни, но и жизни значимого Другого в соответствии со своими

взглядами. Влияя на процесс организации жизни Другого, эгоист расширяет сферу своего пространства бытия, тем самым некоторым образом продлевая своё Я вовне, делая его ещё более значимым прежде всего для самого себя. Если же попытаться лишить эгоиста подобной возможности, это вызовет у него достаточно тяжёлые переживания, так как, по сути, он сталкивается с некоторой потерей части самого себя. Другой, ощущая, что в его пространство осуществляется насильственное вмешательство, может начать открыто или завуалированно сопротивляться подобной ситуации, что впоследствии может привести к конфликтам, ссорам или же разрыву взаимоотношений и непосредственно скажется на удовлетворенности семейной жизнью.

Исследование феномена удовлетворенности браком в отечественной и зарубежной психологии проводится уже порядка трех десятилетий в рамках общего подхода изучения качества брака (С.И. Голод, В.А. Сысенко). За это время выявлено множество факторов, подтверждающих многогранность данного понятия (Ю.Е. Алешина, Т.В. Андреева, А.Ю. Тавит, А.В. Толстова и др.).

В отечественной психологии одними из первых занялись изучением проблемы качества брака В.А. Сысенко и С.И. Голод. По мнению В.А. Сысенко, удовлетворенность семейной жизнью – понятие очень широкое, оно включает степень удовлетворения всех потребностей личности. Для каждого из супругов в браке должен быть достигнут какой-то минимально необходимый уровень удовлетворения потребностей, за пределами которого уже возникает дискомфорт.

Состояние полной неудовлетворенности семейной жизнью возникает в результате конфликтных ситуаций, в которых обнаруживается заметное расхождение между ожиданиями супруга по отношению к семье и реальной жизнью (А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова).

Таким образом, необходимо учитывать и всесторонне исследовать факторы, влияющие на удовлетворенность браком супругов. Проявление эгоистической направленности в супружеских отношениях, на наш взгляд, может выступать в качестве одного из факторов, влияющих на удовлетворенность браком супругов.

Цель исследования – выявить влияние эгоистической направленности личности на возраст вступления в брак и на удовлетворенность браком.

Предмет исследования – влияние эгоистической направленности личности на возраст вступления в брак и удовлетворенность браком.

Задачи исследования:

1. Выявить взаимосвязь уровня эгоизма с возрастом вступления в брак.
2. Установить связь удовлетворенности браком супругов с различным уровнем эгоизма.

Объем выборки составил 120 человек в возрасте от 19 до 30 лет. Выборка представляет собой 2 группы: 1-я группа – супружеские пары (80 человек), 2-я груп-

па – респонденты, не состоящие в браке (40 человек). Состав выборки: 1-я группа – юноши и девушки в возрасте от 19 до 22 лет, студенты 2–5-х курсов Кубанского государственного университета, мужчины и женщины от 22 до 30 лет, работники социальной сферы, предприниматели, домохозяйки; 2-я группа – юноши и девушки от 22 до 30 лет, работники социальной сферы, служащие, предприниматели.

Возраст респондентов определен предположением о соотношении уровня эгоизма личности с возрастом вступления в брак: в группе молодых людей, не состоящих в браке, возрастной диапазон варьирует от 22 до 30 лет, так как именно в этот период человек уже имеет образование, работу, но момент вступления в брак отсрочивает по различным причинам. В группе респондентов, состоящих в браке, возраст варьирует от 19 до 30 лет, так как данные респонденты создали семью независимо от того, есть ли у них оконченное высшее образование и/или работа.

Для сбора эмпирического материала были использованы следующие методики. Для выявления уровня эгоизма личности использовалась методика «Шкала диспозиционного эгоизма» К. Муздыбаева. Шкала была разработана учеными Института социологии РАН (Санкт-Петербург) под руководством К. Муздыбаева в 1997 г., состоит из 10 суждений. Для оценки супружеских отношений использовалась методика В.В. Столина «Удовлетворённость браком», которая состоит из 24 утверждений.

Исследование влияния эгоистической направленности на возраст вступления в брак

В теоретическом исследовании была обнаружена тенденция к отсрочиванию в современном мире времени вступления в брак и отсутствию необходимости создания семьи (в плане официальной регистрации брака), в связи с этим возникает необходимость определить факторы, влияющие на данный процесс, предположив при этом, что возраст вступления в брак зависит от наличия эгоистической направленности личности.

В результате было выявлено, что средние значения эгоизма выше у респондентов, не состоящих в браке, чем у супругов (табл. 1).

Сравнение уровня эгоизма в группах респондентов (табл. 1) показало, что эгоизм выше у респондентов, не состоящих в браке. С целью проверки значимости различий по уровню эгоизма в группах респондентов, состоящих и не состоящих в браке, использовался непараметрический статистический U-критерий Манна–Уитни, который подтвердил значимость различий ($U=97 < 102$ при $p < 0,01$).

Полученные данные позволяют предположить, что респондентам, состоящим в браке, гораздо чаще, чем респондентам, не состоящим в браке, приходится прислушиваться к мнению друг друга, учитывать не только собственные интересы и потребности, но и мнение супруга.

Средние значения выраженности эгоизма у респондентов, состоящих в браке, и у респондентов, не состоящих в браке, баллы

Респонденты	Уровень эгоизма
Состоящие в браке	41,2
Не состоящие в браке	43,6

Примечание. 38–42 балла – средний уровень эгоизма; 43–70 – высокий уровень эгоизма.

Можно предположить, что молодые люди, не состоящие в браке, проявляют заботу лишь о самом себе, о своем преимуществе, их собственные интересы и чувства имеют первостепенное значение. Именно высокий уровень эгоизма является одним из факторов, влияющих на отсрочивание времени вступления в брак. Человек, который преследует лишь собственные интересы, может не признавать ценность партнера, что, с одной стороны, облегчает осуществление собственных целей за счет других людей, но в то же время создает барьер между выстраиванием доверительных отношений с окружающими.

К. Муздыбаев указывает, что отсутствие долга освобождает эгоиста от каких-либо забот об окружающих. Больше того, долг трактуется эгоистом как отрицательная ценность [3]. Можно предположить, что именно отклонение от встречи с чувством долга отодвигает границы вступления в брак молодых людей с высоким уровнем эгоизма.

С другой стороны, в семейной жизни супругам приходится учитывать интересы друг друга, появляются взаимные обязательства, в связи с чем можно предположить, что проявление эгоистических тенденций в супружеских отношениях может приводить к конфликтам и разногласиям между супругами, так как эгоист будет постоянно стремиться к достижению только своих целей, игнорируя при этом потребности супруга, вследствие чего, вероятно, будет проявляться низкая удовлетворенность браком. Причем у эгоиста, по мнению К. Муздыбаева, выражено стремление к обладанию, которое относится ко всем сферам жизни: и материальной, и эмоциональной, и интеллектуальной.

Можно предположить, что молодые люди, заинтересованные в сохранении брачных отношений и тем более в благополучии семейной жизни, будут гораздо реже прибегать к эгоистическим тенденциям, тем самым эгоизм может проходить трансформацию в процессе выстраивания доверительных отношений со значимым Другим. Возможно, эгоисту приходится совершать выбор: либо он проявляет эгоистические тенденции в супружеской жизни, что влечет за собой постоянные конфликты с супругом и как одно из возможных следствий – неудовлетворенность браком, либо же он отказывается от эгоистической направленности, тем самым проявляя свою готовность отдавать, а не только получать во взаимоотношениях.

Таким образом, предположение о влиянии эгоистической направленности на возраст вступления в брак нашло свое подтверждение.

Исследование влияния эгоистической направленности на удовлетворенность браком

Вышеизложенное позволяет предположить, что уровень эгоизма влияет на удовлетворенность браком супругов. При сравнении уровня эгоизма в группе супружеских пар было выявлено наличие нескольких подгрупп респондентов:

- супружеские пары, где оба супруга имеют достаточно высокие показатели эгоизма;
- пары, где один супруг имеет высокий показатель эгоизма, а второй – низкий;
- пары, где оба супруга имеют низкие показатели уровня эгоизма.

В парах с различными показателями эгоизма у супругов чаще встречались более высокие показатели у жены, чем у мужа. Супружеские пары, где у обоих супругов обнаружилось высокие показатели эгоизма, представлены в выборке наравне с супружескими парами с низкими показателями эгоизма у обоих супругов (табл. 2).

Из результатов, приведенных в табл. 2, следует, что наибольшие показатели удовлетворенности браком соответствуют респондентам с низким уровнем проявления эгоизма.

С целью проверки предположения о том, что эгоистическая направленность личности влияет на удовлетворенность браком, использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена, который позволил определить силу и направление корреляционной связи между уровнем эгоизма личности и удовлетворенностью браком (табл. 3).

В результате были выявлены два коэффициента, которые характеризуют отношение между высоким и низким уровнем эгоизма и удовлетворенностью браком как обратные, т.е. чем выше уровень эгоизма супруга, тем меньше он удовлетворен браком. Также из данных, представленных в табл. 3, следует, что удовлетворенность браком супругов значимо коррелирует со средним уровнем эгоизма ($r_s = 0,41$). Именно при проявлении среднего уровня эгоизма, на наш взгляд, супруг может сочетать удовлетворение своих потребностей и позволять реализовываться желаниям своего супруга. Именно со средним уровнем эгоистической направленности супруг может оценить последствия своих действий, что сказывается на удовлетворенности супружеской жизнью.

При проявлении низкого уровня эгоизма супруг не всегда может заявлять о своих желаниях и потребностях, тем самым переживая неудовлетворенность, в час-

Таблица 2

Средние значения выраженности эгоизма и удовлетворенности браком супругов, баллы

Супружеские пары	Эгоизм	Удовлетворенность
Высокие показатели эгоизма	52,83	38,83
Высокие и низкие показатели	42,71	39
Низкие показатели эгоизма	35	41,44

Таблица 3

Коэффициенты корреляции между показателями уровня эгоизма супругов и удовлетворенностью браком

Отношение к браку	Высокий уровень эгоизма	Средний уровень эгоизма	Низкий уровень эгоизма
Удовлетворенность	-0,17	0,41	-0,24

тности семейной жизнью. Отсутствие возможности удовлетворить те или иные потребности создает чрезвычайную ситуацию, так как порождает разнообразные отрицательные переживания, состояние психологического дискомфорта. Супруг эгоиста сталкивается с ситуацией, когда удовлетворение его желаний затруднено или заблокировано, т.е. депривировано. Постоянная депривация потребностей, вероятно, будет приводить к конфликтным ситуациям, напряженности. Таким образом, устойчивость семейных отношений ставится под угрозу.

Можно предположить, что респонденты с высокими показателями эгоизма будут испытывать необходимость реализации лишь собственных стремлений и интересов, они не будут испытывать достаточного удовлетворения своих потребностей, так как их запросы постоянно возрастают, тем самым они будут оказываться в ситуации хронической неудовлетворенности. Подобные процессы могут приводить к напряженности в отношениях и даже к разводу. Удовлетворение потребностей личности является необходимым условием жизни человека; в случае, если те или иные потребности не удовлетворяются, могут происходить различные нарушения в жизнедеятельности личности.

Таким образом, предположение о влиянии эгоистической направленности личности на удовлетворенность браком подтвердилось.

Подведем некоторые итоги исследования. Выявлена взаимосвязь уровня эгоизма с возрастом вступления в брак. Вследствие этого можно сделать вывод, что высокий уровень эгоизма может выступать одной из причин отсрочивания времени вступления в брак.

Исследование показало, что удовлетворенность браком супругов зависит от уровня эгоизма. При проявлении эгоистической направленности личности супруг может использовать пространство супружеских отношений в качестве реализации лишь собственных потребностей без учета интересов и желаний своего супруга, что непосредственно будет сказываться на удовлетворенности браком.

Положительные и отрицательные качества материала: положительным является то, что исследуемая проблема отличается своей новизной и недостаточной разработанностью в отечественной психологии, также приводятся примеры, наглядно описывающие проявление эгоистической направленности личности в супружеских отношениях; отрицательным можно назвать невозможность приведения всех результатов эмпирического исследования в связи с ограниченностью возможного объема статьи.

Литература

1. Андреева Т.В. Семейная психология: Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2004. 244 с.
2. Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1978.
3. Муздыбаев К. Эгоизм личности // Психол. журн. 2000. Т. 21, №2. С. 27–39.
4. Петров Э.Ф. Эгоизм: Философско-этический очерк. М.: Наука, 1969.
5. Славская А.Н. Соотношение эгоцентризма и альтруизма личности: Интерпретации // Психологический журнал. 1999. Т. 20, № 6. С. 13–23.
6. Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Институт психологии РАН, 2005. 384 с.
7. Тиводар А.П. Психология со-бытия личности в браке. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.

THE PECULIARITIES OF DISPLAY SELFISH ORIENTATION PERSONALITY IN MARITAL RELATIONS

Bondareva O.V. (Krasnodar)

Summary. The problem of personality egoism is considered. Correlation of egoism with the age of marriage, as well as correlation of marriage partners' egocentricity with the satisfaction with marriage is traced.

Key words: egoism; egocentricity; satisfaction with marriage; spaces of being; space of marital relations.

ДИАПАЗОН ПРИЕМЛЕМОСТИ В УСТАНОВКАХ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК НА СЕКСУАЛЬНО-ПАРТНЕРСКИЕ ПРАКТИКИ

С.Ю. Девярых (Витебск)

Аннотация. На эмпирическом материале исследуются сексуальные установки юношей и девушек (старший юношеский возраст). Выявлены партнерские практики, приемлемые и не приемлемые молодыми людьми. Предложена типология сексуально-партнерских установок (диапазон приемлемости). Дана содержательная характеристика каждого из выявленных типов установок. Выявлены особенности уровней диапазона приемлемости в связи с опытом сексуальной жизни и личностными особенностями его носителей.

Ключевые слова: сексуальность; сексуальные установки; диапазон приемлемости; старший юношеский возраст.

С биологической точки зрения целью коитального поведения является совокупление с последующим оплодотворением. Однако уже у высших животных, например у приматов, коитальная практика может включать в себя поведенческие акты, функционально необязательные, «избыточествующие», по отношению к биологическому смыслу коитуса, которые исследователями нередко интерпретируются в качестве элементов предбрачного ухаживания самцов или паттернов игрового поведения животных [2].

Хотя партнерская сексуальная техника человека детерминирована биологически, в своей основе она имеет культурное происхождение. Именно культура, одни практики запрещая, а другие – предписывая, определяет их социальную, этическую и эстетическую ценность. И.С. Кон [9] выделяет по характеру лежащих в их основе сексуальных ценностей – направленных на деторождение или гедонистически ориентированных – два типа сексуально-партнерских практик. Из них инструментальный тип ограничивает сексуальное общение партнеров целями деторождения, а «техническая» сторона секса выступает лишь как средство продолжения рода. В свою очередь, аффективный тип партнерских практик, напротив, предполагает не только большее их разнообразие, но и направленность на удовлетворение иных, помимо репродуктивных, целей, таких как выражение чувств и эмоций, на получение или продление сексуально-эротического удовольствия.

Данные социальной антропологии говорят о том, что уже первобытный человек знал и практиковал орогенитальные и аногенитальные половые сношения [10]. Подобные практики были известны в Античности [13], в древних Китае [3] и Индии [5].

Победа христианства над античным язычеством (а с ним и матримониальности над эротизмом) привела к сужению диапазона допустимых сексуально-партнерских практик. Это нашло свое отражение в Христианских кодексах, которые не только ограничивали сексуальную активность супружеской пары, но и контролировали способы сексуального взаимодействия между мужем и женой. При этом на все практики, не ведущие непосредственно к зачатию (оральный и анальный секс), налагался строгий запрет [8]. Следы этих ограничений сохранялись в законодательных актах европейских стран вплоть до начала

XX в. Так, во Франции тюремному заключению могли подвергнуться сексуальные партнеры, практикующие оральный секс [16], а в Российской империи нетипичные формы совершения полового акта (оральный и анальный половые акты) рассматривались как повод для развода и могли вызвать уголовное преследование [15].

Если в масштабах общества (или его больших социальных групп) регулятором сексуальных партнерских практик выступают общая направленность половой морали и эротический код культуры [9], то на уровне личности таким регулятором становится диапазон приемлемости. Обычно под диапазоном приемлемости понимают всю совокупность поступков и воздействий на определенные участки тела или органы чувств с целью их сексуальной стимуляции, имеющей целью получение удовольствия. При этом все, что в данный временной момент индивид не включает в свой диапазон приемлемости, оценивается негативно, а что включает в такой – позитивно [7].

Многочисленные исследования последних пятидесяти лет фиксируют неуклонный рост социальной терпимости по отношению к тем или иным сексуальным практикам, не направленным непосредственно на генитальное совокупление и зачатие [11]. Подобные исследования проводились и в нашей стране, однако они затрагивали только супружеские пары и не учитывали все возрастающую сексуальную активность молодых людей, в браке не состоявших [10]. В связи с этим целью настоящего исследования стало, во-первых, выявление установок юношей и девушек на те или иные сексуальные практики; во-вторых, построение их типологии с учетом уровня диапазона приемлемости (т.е. набора принимаемых способов сексуального взаимодействия с партнером); в-третьих, определение некоторых факторов, детерминирующих сам этот уровень.

Изучение сексуально-партнерских установок было осуществлено нами на выборке юношей и девушек в возрасте 17–21 года, студентов вузов и сузов, не состоящих в браке и не высказавших матримониальных намерений на ближайшее будущее. Выборка пропорционально-квотная по полу и по возрасту; шаг возрастной квоты – один год; общий объем выборки – 1000 человек.

В качестве инструмента исследования использовался анкетный бланковый опрос в режиме самозаполне-

ния. На первом этапе исследования респондентам был предложен список сексуально-партнерских практик, к которым обычно прибегают во время свидания, каждую из которых необходимо было оценить по степени их приемлемости по 5-балльной шкале. Обработка эмпирического материала и оценка уровня достоверности различий между группами юношей и девушек (критерий Манна-Уитни) осуществлялись при помощи статистической программы SPSS.

На первом этапе исследования была поставлена задача выявить установки юношей и девушек на сексуально-партнерские практики и построить их содержательную типологию. Результаты опроса представлены в табл. 1.

Анализ полученных данных позволяет говорить о том, что юноши более «изобретательны» в своих сексуально-партнерских практиках, чем девушки. Так, треть из них допускает взаимное стимулирование гениталий и анальный половой акт (среди девушек – только каждая четвертая). Еще больше юношей – каждый второй – готовы практиковать различные формы орального секса или совершать половой акт с двумя и более сексуальными партнерами одновременно (среди девушек только каждая третья и одна из семи соответственно).

Оценивая полученные данные во всей их совокупности, следует отметить, что девушки в большей степени, чем юноши, приемлют практики, являющиеся прелюдией полового акта (поцелуи, петтинг), в то время как юноши в большей степени, чем девушки, ориентируются на сексуальное разнообразие. Это, на наш взгляд, согласуется как с традиционными представлениями [6], так и с данными эмпирических исследований [14] об экспрессивном характере женской сексуальной роли и инструментальном характере роли мужской.

Заметим, что различий в приемлемости вагинального полового акта (и сопутствующего ему взаимного обнажения и наготы) между юношами и девушками выявлено не было. Полагаем, что отсутствие различий по этим параметрам связано с тем, что и юноши, и девушки в равной степени ориентируются на допустимость добрых сексуальных отношений, что, по нашему мнению, может служить одним из признаков стирания «двойного стандарта» традиционной половой морали.

На втором этапе исследования с целью выделения относительно однородных групп по степени принятия / непринятия ими тех или иных сексуальных практик, а также построения типологической классификации респондентов по содержательным характеристикам их сексуально-партнерских установок (диапазон приемлемости) на основе процедуры упорядочивания их в сравнительно однородные классы полученные данные были подвергнуты процедуре кластерного анализа методом k-средних. Все расчеты производились при помощи статистического пакета SPSS.

С учетом опыта составления сексологических опросников [1] выборка испытуемых была предварительно

разбита на три группы. Предполагалось, что одну из выборок составят респонденты, уровень диапазона приемлемости которых может быть охарактеризован как низкий, во вторую войдут те из них, уровень диапазона приемлемости которых может быть обозначен как высокий, а третью составят респонденты, уровень диапазона приемлемости которых может быть описан при помощи неких средних значений.

Кластерный анализ показал следующую наполняемость выборок: в первой оказалось 123 юноши и 77 девушек, во второй – 141 юноша и 312 девушек, а в третьей – 236 юношей и 111 девушек.

Основные параметры выделенных групп респондентов, а также уровня достоверности различий между этими группами при сравнении их попарно представлены в табл. 2.

Рассмотрим содержательные характеристики выделенных групп. Так, в первую группу были объединены юноши и девушки, которые полагают приемлемыми для себя поцелуи. Они показывают нейтральную позицию по отношению к взаимной обнаженности и скорее положительное, чем нейтральное, отношение к вагинальному половому акту. Все другие сексуальные практики были оценены ими как неприемлемые. Уровень диапазона приемлемости респондентов этой группы можно охарактеризовать как низкий, а тип установок на сексуально-партнерские практики можно обозначить как «романтический».

Вторую группу составили юноши и девушки, оценившие в качестве приемлемых для себя не только поцелуи, но и петтинг. Кроме того, респонденты, составившие эту группу, показали однозначно положительное отношение к вагинальному половому акту и взаимной обнаженности и непринятие альтернативных сексуальных практик. Уровень диапазона приемлемости респондентов этой группы был оценен нами как средний, а тип сексуально-партнерских установок как «инструментальный».

В третью группу вошли юноши и девушки, уровень диапазона приемлемости которых оказался высоким, а содержательные характеристики установок на сексуально-партнерские практики позволяют говорить об «экспрессивном» их типе.

Помимо положительного отношения к поцелуям, петтингу и вагинальному половому акту, юноши и девушки этой группы показали положительное отношение к орогенитальным партнерским практикам и нейтральное – к аногенитальным контактам и групповому сексу (возможности полового сношения с двумя и более сексуальными партнерами одновременно).

На следующем этапе исследования была поставлена задача маркировать факторы, детерминирующие уровень диапазона приемлемости. В качестве таковых выступали наличие или отсутствие опыта гетеросексуальных отношений и тип сексуальных установок, в кото-

Установки юношей и девушек на сексуально-партнерские практики, %

Партнерские практики	Юноши, n = 500			Девушки, n = 500			p <
	1	2	3	1	2	3	
Поцелуи	92,2	5,4	2,4	99,2	0,6	0,2	0,000
Легкий петтинг	73,2	13,6	13,2	84,8	9,4	5,6	0,003
Глубокий петтинг	73,4	15,0	11,6	75,4	15,6	9,0	0,873
Обнажение и нагота	83,8	8,0	8,2	87,4	9,0	3,6	0,519
Взаимная мастурбация	38,8	24,4	36,8	27,2	29,2	43,6	0,001
Пассивная позиция в оральном сексе	49,2	26,8	24,0	33,8	32,2	34,0	0,000
Активная позиция в оральном сексе	49,8	23,0	27,2	33,6	33,8	32,6	0,000
Анальный половой акт	32,6	25,6	41,8	9,2	24,6	66,2	0,000
Вагинальный половой акт	86,6	7,8	5,6	89,6	6,2	4,2	0,787
Групповой секс	41,4	28,6	30,0	13,2	15,0	71,8	0,000

Примечание. Графа «1»: баллы 5 и 4 (совершенно приемлема и скорее приемлема, чем неприемлема; графа «2»: балл 3 (затрудняюсь ответить однозначно); графа «3»: баллы 2 и 1 (скорее неприемлема, чем приемлема и совершенно неприемлема).

Таблица 2

Распределение респондентов по уровню диапазона приемлемости

Наименование сексуально-партнерских практик	Группа, средний балл ответа			Достоверность различий между группами, p <		
	1	2	3	1-2	1-3	2-3
Поцелуи	4,42	4,99	4,95	,000	,000	,014
Легкий петтинг	2,53	4,60	4,67	,000	,000	,009
Глубокий петтинг	2,52	4,48	4,66	,001	,000	,000
Обнажение и нагота	3,18	4,63	4,83	,000	,000	,000
Взаимные ласки гениталий	1,76	2,49	3,95	,000	,000	,000
Пассивная позиция в оральном сексе	2,29	2,68	4,24	,000	,000	,000
Активная позиция в оральном сексе	1,92	2,77	4,40	,000	,000	,000
Анальный половой акт	1,98	1,87	3,33	,708	,000	,000
Вагинальный половой акт	3,71	4,83	4,85	,000	,000	,093
Секс более чем с одним партнером	1,88	2,30	3,46	,000	,000	,000
Объем выборки, юноши	123	141	236	x	x	X
Объем выборки, девушки	77	312	111	x	x	X

Примечание. 1 – группа респондентов с низким уровнем диапазона приемлемости; 2 – группа респондентов со средним уровнем диапазона приемлемости; 3 – группа респондентов с высоким уровнем диапазона приемлемости; балл 4 и выше свидетельствует о принятии указанной практики, балл 3 характеризует неопределенную (или нейтральную) позицию, а балл 2 и ниже – о непринятии указанной сексуально-партнерской практики.

рых, как мы полагаем, проявлялись особенности личности юношей и девушек. Здесь уровень диапазона приемлемости выступал как ранговый показатель (самый низкий уровень – самый низкий ранг и, соответственно, самый высокий уровень – самый высокий ранг), в связи с чем была возможна не только оценка различий между группами по этому показателю (классифицирующая переменная), но и фиксация связи между оцениваемым признаком (независимая переменная) и уровнем диапазона приемлемости (зависимая переменная). Практика проведения подобных исследований показывает [12], что, хотя мы и не получаем информации о форме связи между признаками, но все же можем судить о ее направленности.

В зависимости от особенностей сексуального опыта респондентов они были разбиты на три группы. В первую вошли юноши и девушки, имевшие опыт многократного совершения гетеросексуального полового акта, вторую – обладавшие только единичным опытом его совершения, а третью – не имевшие гетеросексуального дебюта.

Распределение респондентов по уровню диапазона приемлемости в связи с особенностями их гетеросексуального опыта представлено в табл. 3.

Было установлено, что уровень диапазона приемлемости юношей с большим опытом совершения гетеросексуального полового акта выше, чем у тех, которые имеют только единичный такой опыт ($p < 0,02$), и выше, чем у юношей, такого опыта не имевших ($p < 0,000$). Кроме того, было установлено, что юноши, имеющие незначительный гетеросексуальный опыт, все же показали более высокий уровень диапазона приемлемости ($p < 0,07$), чем не имеющие такового.

В выборке девушек респонденты, имевшие большой опыт гетеросексуальных отношений, показали и более высокий уровень диапазона приемлемости по сравнению с теми, у кого такой опыт был единичным ($p < 0,06$), или не имевшими его вовсе ($p < 0,05$). Различий в уровне диапазона приемлемости между группами девушек с небольшим опытом гетеросексуальных половых отношений и не имевшими такового выявлено не было ($p < 0,77$).

Таблица 3

Уровень диапазона приемлемости в контексте сексуального опыта юношей и девушек, %

Уровень диапазона приемлемости	Юноши			Девушки		
	1	2	3	1	2	3
Низкий	19,3	28,0	32,9	15,6	10,9	17,7
Средний	25,4	27,3	36,2	58,5	65,3	65,7
Высокий	55,2	44,7	30,9	25,9	23,8	16,6
Объем выборки	248	161	91	224	101	175

Примечание. 1 – респонденты, имеющие многократный опыт совершения полового акта; 2 – респонденты, имеющие единичный опыт совершения гетеросексуального полового акта; 3 – респонденты, не имеющие опыта совершения гетеросексуального полового акта.

Полученные данные говорят об общей для юношей и девушек тенденции: большему сексуальному опыту соответствует более высокий уровень диапазона приемлемости.

По содержательной направленности сексуальных установок респонденты были разбиты на три большие группы (подробнее об этом см. нашу работу [4]). В первую вошли юноши и девушки, ориентирующиеся на добрые сексуальные отношения, однако осуждающие альтернативные сексуальные практики (мастурбацию и гомосексуальные отношения); третью группу составили юноши и девушки, также ориентирующиеся на добрые сексуальные отношения, но показавшие терпимое отношение к альтернативным сексуальным практикам. Вторую группу составили респонденты, которые хотя и ориентировались на добрые сексуальные отношения, но по отношению к альтернативным сексуальным отношениям занявшие нейтральную (неопределенную) позицию. Добавим, что распределение респондентов по группам производилось при помощи оценки методом кластерного анализа k-средних блока специально подготовленных вопросов. В содержательном отношении сексуальные установки респондентов первой группы были обозначены как «консервативные», третьей – как «либеральные», а второй – как «переходные». Распределение респондентов по уровню диапазона приемлемости в связи с содержательными особенностями их сексуальных установок представлено в табл. 4.

Было установлено, что юноши с «консервативным» типом сексуальных установок имеют более низкий диапазон приемлемости, чем юноши с переходным ($p < 0,00$) или либеральным типом ($p < 0,03$). Различий в уровнях диапазона приемлемости между юношами с переходным и либеральным типом сексуальных установок выявлено не было ($p < 0,12$). Сходные тенденции были обнаружены и в выборке девушек. Так, девушки с консервативным типом сексуальных установок показывали более низкий уровень диапазона приемлемости по сравнению с теми, тип сексуальных установок которых был обозначен как переходный ($p < 0,06$) или либеральный ($p < 0,03$). Различий в уровне диапазона приемлемости между девушками с переходным и либеральным типом сексуальных установок выявлено не было ($p < 0,93$).

Полученные нами данные согласуются с результатами исследования сексуального поведения мужчин и жен-

щин, проведенного Г. Айзенком. Он установил, что мужчины и женщины с перmissive типом сексуальных установок значительно чаще, чем с сексуально-нетерпимым типом, практикуют сексуальное экспериментирование [1].

На заключительном этапе исследования проводилась оценка однородности распределения респондентов в выборках юношей и девушек по уровням диапазона приемлемости с целью выявления различий. Низкий диапазон приемлемости показали 24,6% юношей и 15,4% девушек, средний – 28,2% юношей и 62,4% девушек и высокий уровень диапазона приемлемости показали 47,2% юношей и 22,2% девушек.

Анализ подтвердил существование различий в распределении респондентов по уровню диапазона приемлемости в выборках юношей и девушек ($\chi^2_{\text{эм}} = 96,85$; $p < 0,00$). Сопоставление двух рядов выборочных значений по частоте встречаемости признака (диапазон приемлемости) с использованием ϕ -критерия Фишера показало, что в выборке девушек достоверно чаще встречаются средние значения уровня диапазона приемлемости ($p < 0,00$), тогда как у юношей – высокие ($p < 0,00$) и низкие ($p < 0,00$) его значения. Анализ распределения респондентов по уровню значимости диапазона приемлемости в выборках юношей и девушек с помощью критерия Манна–Уитни (в этом случае диапазон приемлемости выступал как ранговый показатель: высокий, средний и низкий) выявил, что таковой у юношей достоверно выше, чем у девушек ($p < 0,00$).

Обратим внимание: юноши не только более терпимы по отношению к тем или иным сексуально-партнерским практикам, но среди них достоверно чаще, чем среди девушек, представлены как высокие, так и низкие значения диапазона приемлемости, а следовательно, их установки на сексуально-партнерские практики более вариативны, чем таковые у девушек. Полагаем, что это может отражать и несколько большую, чем у девушек, вариативность процесса формирования этих установок (т.е. процесса половой социализации) у юношей.

Полученные данные позволяют сделать несколько выводов.

1. В своих сексуально-партнерских установках юноши в большей степени, чем девушки, ориентируются на сексуальное разнообразие и экспериментирование, что является отражением особенностей мужской и женской сексуальных ролей.

Уровень диапазона приемлемости и тип сексуальных установок юношей и девушек, %

Уровень диапазона приемлемости	Юноши			Девушки		
	1	2	3	1	2	3
Низкий	24,4	16,1	22,1	25,0	20,2	16,9
Средний	27,6	26,2	23,5	65,0	58,5	64,3
Высокий	48,0	57,7	54,4	10,0	21,3	18,7
Объем выборки	196	168	136	200	188	112

Примечание. 1 – консервативный тип; 2 – переходный тип; 3 – либеральный тип.

2. Установки юношей более вариативны, чем установки девушек, что может указывать на большую вариативность самого процесса их формирования.

3. В качестве детерминант уровня сексуальной приемлемости могут выступать как внешние (опыт сексуальных отношений), так и внутренние (общая направленность сексуальных установок личности)

факторы. При этом большему сексуальному опыту и более либеральному отношению к сексуальному поведению соответствует более высокий диапазон приемлемости, а меньшему сексуальному опыту и консервативному типу сексуальных установок соответствует более низкий уровень диапазона сексуальной приемлемости.

Литература

1. Айзенк Г.Ю. Психология: Польза и вред. Смысл и бессмыслица. Факты и вымысел. Минск: Харвест, 2003. 912 с.
2. Бутовская М.Л. Тайны пола: Мужчина и женщина в зеркале эволюции. Фрязино: Век 2, 2004. 368 с.
3. Гулик Р. ван. Сексуальная жизнь в древнем Китае. М.: Азбука-классика, 2004. 544 с.
4. Девятых С.Ю. Репродуктивные установки студенческой молодежи // Проблемы репродукции. 2008. Т. 11, № 5. С. 15–20.
5. Дуглас Н. Эротика Востока. Минск: Дайджест, 1991. 126 с.
6. Каган В.Е. Воспитателю о сексологии. М.: Педагогика, 1991. 218 с.
7. Капустин Д.З. Молодежный секс: Научно-популярное издание для молодежи. Минск: Частный детектив, 1997. 166 с.
8. Книга правил Св. Апостол, Св. Соборов Вселенских и Поместных и Св. Отец. М.: Русский Хронограф, 2004. 448 с.
9. Кон И.С. Сексология: Учеб. пособие. М.: Академия, 2004. 384 с.
10. Кон И.С. Мужское тело в истории культуры. М.: Слово, 2003. 432 с.
11. Кристаль В.В. Психодиагностика и психотерапевтическая коррекция сексуальных дисгармоний супружеской пары. М.: ЦОЛИУВ, 1985. 138 с.
12. Крыштановский А.О. Анализ социологических данных. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 281 с.
13. Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М.: Крон-Пресс, 1995. 400 с.
14. Мастере У.Г., Джонс В.Э., Колонди Р.К. Основы сексологии. М.: Мир, 1998. 622 с.
15. Мордвинов В.Н. Собрание законов, распоряжений и разъяснений о браке и разводе. СПб.: Н. Мартынов, 1895. 228 с.
16. Нагаев В.А. В лабиринтах сексуального многообразия. М.: Астрель: АСТ, 2000. 512 с.
17. Janus S.S. The Janus Report on Sexual Behavior. N.Y.: Joh Wiley & Sons, 1993. 256 p.

DIAPASON OF ACCEPTABILITY IN ATTITUDE OF YAUNG MEN A GIRLS ON SEXUAL-PARTNERSHIP PRACTICE
Devuatych S.Yu. (Vitebsk)

Summary. With the help of the empirical material the author shows senior teenagers' sexual purposes. The article reveals partnership practices that young people either reject or accept. The author suggests the typology of sexual-partnership practices (the scope of acceptability), and gives the substantial characteristic of each type of purpose. The peculiarities of the levels of the acceptability scope in connection with the experience of sexual life and personality peculiarities of its bearer have been revealed.

Key words: sexuality; sexual-partnership practices; sexual purposes; teenager.

ОСОБЕННОСТИ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ СЕМЕЙНОГО ЦИКЛА

И.Г. Дорошина (Пенза)

Аннотация. Сравниваются некоторые особенности отношений между супругами на разных этапах семейного цикла: без детей, с маленькими детьми и детьми школьниками. Автор анализирует семейные роли, причины конфликтов, общение, удовлетворенность браком и т.д.

Ключевые слова: супружеские отношения; этапы семейного цикла; семейные роли; причины конфликтов; удовлетворенность; семейное общение.

Не секрет, что семейная жизнь является серьезным испытанием для отношений между мужем и женой. Часто романтическая влюбленность разбивается о такие проблемы, как быт, отношения со старшими родственниками и, казалось бы, естественное для семьи рождение ребенка. Целью нашего исследования было выявление особенностей супружеских отношений на разных этапах семейного цикла: в семьях без детей, в семьях с детьми дошкольниками и в семьях, имеющих детей школьного возраста. В исследовании приняли участие 120 человек: 20 пар – семьи без детей, 20 пар – семьи с детьми дошкольниками, 20 пар – семьи со старшими школьниками.

В результате исследования мы выяснили, что супруги, не имеющие детей, в значительной степени или даже полностью удовлетворены своими отношениями, причем высшего уровня удовлетворенности достигают намного больше женщин, мужчины же более сдержанны в своих оценках, эти различия носят достоверный характер ($t_{st} = 0,288$; $p < 0,01$). У группы родителей, имеющих детей дошкольного возраста, значительно ниже удовлетворенность браком, причем как у женщин ($t_{st} = 3,43$; $p < 0,001$), так и у мужчин ($t_{st} = 2,877$; $p < 0,05$). Среди мужчин встречаются даже полностью неудовлетворенные. Это можно объяснить тем, что с рождением ребенка значительно увеличиваются домашние обязанности родителей, увеличивается эмоциональное напряжение, обусловленное как беспокойством за жизнь и здоровье ребенка, так и плачем, криками и другим шумом, в первый год подчас круглосуточными. В то же время родители, особенно мать, во многом теряют свою свободу и даже просто возможность проводить время с супругом наедине. Данные обстоятельства создают длительное состояние стресса, к тому же не всегда осознаваемое родителями, которое снижает удовлетворенность семейными отношениями. Удовлетворенность браком родителей школьников существенно не отличается от результатов предыдущей группы. Если сгруппировать 7 типов удовлетворенности в 3 группы: неудовлетворенные (полностью и значительно неудовлетворенные), переходные (скорее неудовлетворенные, переходные и скорее удовлетворенные) и удовлетворенные (полностью и значительно удовлетворенные), то у матерей школьников, как и у матерей дошкольников,

удовлетворенными являются 65%, переходными – 30%, а неудовлетворенными – 5%. У мужчин увеличилась переходная группа с 30 до 55%, несущественно уменьшилась неудовлетворенная группа с 20 до 15%, а также уменьшилось количество удовлетворенных браком с 55 до 40%. Мы предполагаем, что когда дети идут в школу и у родителей наконец-то появляется долгожданная, хотя и небольшая, свобода, оказывается, что супруги уже отвыкли от совместного времяпрепровождения, остыли романтические чувства, больше внимания уделяется работе.

Если рассматривать всех женщин вместе, то можно заметить, что более удовлетворены браком те, кто реже проявляет ревность ($r = -0,34$; $p < 0,01$), меньше перекладывает вину на партнера ($r = -0,31$; $p < 0,05$), больше контролирует семейную систему ($r = 0,275$; $p < 0,05$), их мужья также удовлетворены браком ($r = 0,59$; $p < 0,01$), мужья больше понимают жен ($r = 0,34$; $p < 0,01$), мужья более экспрессивны ($r = 0,278$; $p < 0,05$), конфликтны ($r = 0,278$; $p < 0,05$) и менее ориентированы на активный отдых ($r = -0,29$; $p < 0,05$). Мы предполагаем, что отрицательно на женской неудовлетворенности браком сказывается не столько проявление ревности, сколько поведение мужей, дающее для нее основание. Активный отдых также предполагает отсутствие мужчины дома, а это, в свою очередь, может вызывать у жены лишние подозрения. Совершенно понятно, что женщины в браке ждут понимания со стороны мужа. Женщины довольны семейными отношениями, в которых существует четкая иерархия членов семьи и выполнение определенных правил.

Мужчины удовлетворены браком, когда женщины удовлетворены браком ($r = 0,59$; $p < 0,01$), женщины меньше конфликтуют из-за проявления доминирования одним из супругов ($r = -0,359$; $p < 0,01$), женщины меньше ругаются из-за ревности ($r = -0,367$; $p < 0,01$), меньше перекладывают вину на партнера ($r = -0,293$; $p < 0,01$), больше контролируют семейную систему ($r = 0,277$; $p < 0,05$). То есть удовлетворенность мужчины полностью зависит от женщины.

Мы отметили, что приблизительно в половине случаев в семьях без детей или с дошкольниками удовлетворенность браком супругов совпадает, в старшей группе таких совпадений меньше. Намного чаще мужья удовлетворены браком меньше своих жен, особенно в группе родителей школьников (60% мужчин против 5% жен-

щин). Хотя даже на первом этапе семейного цикла, когда супруги еще не обременены родительскими обязанностями, мужчины также недовольны своим браком. Можно высказать предположение, что это связано с негативной установкой на брак, распространенной среди современных русских мужчин.

Исследуя дифференциальную оценку отношений среди испытуемых, мы выделяли 3 типа отношений: дружелюбные, средние, недружелюбные. Все женщины, не имеющие детей, оценивают свои отношения с мужем как дружелюбные. Это соответствует их удовлетворенности браком. Многие мужчины, несмотря на то, что также удовлетворены своим браком, оценивают свои отношения с женой как средние или даже недружелюбные. Возможно, в семье их привлекают не отношения, а какие-то другие вещи, например сексуальная или бытовая сторона брака. В семьях с маленькими детьми оценка отношений между супругами схожа – большая часть оценивает свои взаимоотношения как средние, остальные – как дружелюбные. В группе родителей школьников имеются расхождения в оценках супругов, хотя они не носят статистически достоверный характер. Больше половины женщин считают свои отношения с мужем дружелюбными, среди мужчин большинство склоняются к средней оценке. Незначительное количество тех и других (по 1 человеку) считают свои отношения недружелюбными, причем женщина значительно удовлетворена браком, а мужчина скорее удовлетворен. У женщин без детей больше дифференциальная оценка отношений, чем у их мужей ($t_{St} = 5,075$; $p < 0,001$), а также матерей дошкольников ($t_{St} = 5,876$; $p < 0,001$).

В семьях с детьми дифференциальные оценки отношений супругов в основном совпадают. В семьях без детей большинство мужчин оценивают супружеские отношения хуже, чем их жены. Это может объясняться негативным видением мужчинами брака в целом. Существует устойчивый стереотип, что брак привлекателен только для женщины, а для мужчины он оборачивается исключительно потерей свободы.

Результаты исследования распределения ролей в семье говорят о том, что в семьях без детей в большинстве семей все роли выполняет жена (от 45 до 70%). Меньше семей с равной реализацией ролей (от 15 до 50%). Меньше всего семей, где ту или иную семейную роль играет мужчина (от 10 до 30%). По мнению женщин, мужа выполняют в семье не более двух ролей, тогда как они сами – от двух до семи. По мнению мужчин, они сами играют до четырех ролей, хотя 35% вообще не отвели себе ни одной самостоятельной роли. То есть можно сказать, что молодые мужчины не видят необходимости выполнять самостоятельно какие-то обязанности в семье, нести ответственность за определенную сферу деятельности. По мнению Т. Парсонса, мужчина играет инструментальную роль, а женщина – экспрессивную. С этой позиции мужчины должны были бы

отвечать за материальное обеспечение семьи и выполнять обязанности хозяина. Но современные мужчины в отношении обязанностей придерживаются как минимум эгалитарного подхода. Только пятеро мужчин считают себя основными добытчиками, причем ни одна из жен не согласна с этим. Хозяином в семье, т.е. ответственным за решение насущных проблем, себя не считает ни один. Удивительно, что даже сексуальные отношения, по мнению и мужчин и женщин, зависят от жены. Поскольку эти семьи детей пока не имеют, то воспитательную роль они оценивали теоретически. Половина считает, что детьми должна заниматься только мать, 20% женщин и 15% мужчин признают доминирующую роль отца. В целом женщины больше мужчин планируют заниматься воспитанием детей ($t_{St} = 5,075$; $p < 0,001$).

В семьях с дошкольниками также большинство испытуемых отмечает, что семейные обязанности выполняют женщины (от 40 до 95%), а ведущую роль мужчине в тех или иных ролях отводят от 10 до 30%. Кардинально меняется ситуация с воспитанием детей. Мужчины продолжают считать, что воспитывают детей сами (30%) и наравне с супругой (20%). Почти все женщины считают, что они занимаются детьми без помощи мужа (95%), и только одна видит, что муж принимает в этом равноправное участие, таким образом, они посвящают детям больше времени и сил ($t_{St} = 3,115$; $p < 0,01$). Логично предположить, что пока жены активно занимаются уходом за маленькими детьми, мужа будут обеспечивать семьи материально. Однако испытуемые единогласно утверждают (по 70% мужчин и женщин), что и эта функция реализуется женой. Снижается мужская активность в выполнении сексуальной роли. Несколько повышается участие мужчин в роли хозяина (на 5% – с точки зрения женщин, на 10% – с точки зрения мужчин).

В семьях с детьми школьного возраста несколько снижается активная роль жены в выполнении семейных ролей (ее отмечают от 25 до 80% испытуемых) и повышается роль мужа (от 10 до 45%). Заметны различия в оценке собственной роли и роли супруга. Женщины несколько более высоко оценивают себя, а мужчины себя. Сексуальное общение в этой группе испытуемых почти в равной степени зависит и от жены, и от мужа, и от обоих. Материальное обеспечение семьи все так же лежит на плечах женщины, хотя мужа проявляют немного больше активности в этом вопросе. Женщины в большей степени чувствуют на себе роль хозяйки, хотя увеличивается количество тех, кто считает хозяином в семье мужа. Мужчины примерно поровну отдают роль хозяина и себе, и жене и делят ее на двоих. Воспитание детей в большей степени лежит на плечах женщины, нежели мужчины ($t_{St} = 2,172$; $p < 0,05$), хотя оно требует меньше внимания, чем у матерей дошкольников ($t_{St} = -3,607$; $p < 0,01$). А вот мужчины по сравнению с предыдущим этапом больше занимаются детьми ($t_{St} = 3,501$; $p < 0,001$).

Женщины, не имеющие детей, оценивают свое общение с супругом как доверительное и со своей, и с его стороны. Причем им кажется, что муж доверяет им больше, чем они ему. Взаимопонимание с супругом они оценивают как среднее или низкое. В основном у супругов отмечается сходство во взглядах. Общие символы семьи присутствуют в половине случаев. Легкость общения высокая и средняя, что вполне естественно, так как супруги – это близкие люди. Психотерапевтичность общения в целом является средней.

У мужчин, не имеющих детей, показатели общения в семье очень похожи на женские. Немного хуже показатель психотерапевтичности общения, но различия не являются статистически достоверными.

Женщины, имеющие маленьких детей, также оценивают отношения с партнером как доверительные, причем они доверяют мужьям немного больше, чем те – женам. Взаимопонимание между супругами на среднем и на низком уровне. Сходство во взглядах в основном низкое, это отметили 65% женщин, причем оно ниже, чем у их мужей ($t_{St} = -2,184$; $p < 0,05$), и ниже, чем у женщин без детей ($t_{St} = -3,699$; $p < 0,001$). Они больше, чем мужья, чувствуют легкость общения ($t_{St} = 2,118$; $p < 0,05$). Психотерапевтичность общения также невысока (45% – на низком уровне, 55% – на среднем). Эта тенденция характерна для всех групп испытуемых, что говорит о низкой эмоциональной близости супругов любого возраста и семейного стажа. Хотя и взаимопонимание есть, и легкость общения, и сходство во взглядах, а психологической поддержки не хватает. У мужчин часто не принято обращаться к женщине за поддержкой, чтобы не показаться слабым. Женщины, напротив, готовы делиться с мужем проблемами, но не всегда находят эмоциональный отклик из-за сниженной мужской эмпатии. Существует мнение, что когда женщина жалуется мужчине на проблему, тот предлагает ей вариант решения вместо эмоционального сочувствия. Таким образом, психотерапевтическая функция семьи зачастую оказывается нереализованной.

Мужчины, имеющие детей дошкольников, склонны к доверительному общению с женами (на высоком уровне свое доверие оценили 70%, доверие жены – 85%). Интересно, что супруги этой группы в целом очень точно отметили степень доверия партнеров. Взаимопонимание можно охарактеризовать как среднее. Мы заметили неадекватность взаимных оценок. Как среди мужчин этой группы, так и среди женщин только 60% понимают партнера на среднем уровне, а 40% – на низком. Однако испытуемым кажется, что супруг понимает их больше (70% женщин и 75% мужчин оценивают понимание партнером себя на среднем уровне).

У женщин, имеющих детей школьного возраста, по сравнению с предыдущим этапом семейного цикла снижена доверительность общения с мужем ($t_{St} = -2,506$; $p < 0,05$). У мужчин наблюдается то же самое

($t_{St} = -2,471$; $p < 0,05$). Чуть больше половины отмечают низкий уровень взаимопонимания. Сходство во взглядах тоже достаточно низкое (70%). Легкость общения женщины оценили в основном как среднее (75%). Психотерапевтическая функция семьи реализуется на довольно низком уровне (55%). Таким образом, в данной группе испытуемых заметно ухудшение семейного общения, супруги отдаляются друг от друга.

У мужчин, имеющих детей школьников, не очень высокий уровень взаимопонимания, 50% не понимают супругу и 65% не ощущают понимания с ее стороны, последний показатель значительно ниже, чем у отцов дошкольников ($t_{St} = -2,322$; $p < 0,05$). Сходство во взглядах также не очень присутствует, 55% оценили его как низкое, и только 15% как высокое. Оно ниже, чем на предыдущем этапе ($t_{St} = -2,839$; $p < 0,01$). Если сравнивать все 3 группы испытуемых, то можно отметить снижение схожести взглядов на каждом последующем этапе семейного цикла. Мужчины намного лучше по сравнению со своими женами оценивают легкость общения (80% на высоком уровне) ($t_{St} = 2,393$; $p < 0,05$), однако оно все равно сложнее, чем на предыдущем этапе ($t_{St} = -2,592$; $p < 0,01$). Не очень развитой осталась психотерапевтичность общения (50% на низком уровне). По сравнению с предыдущим этапом меньше выделяется общих символов семьи ($t_{St} = -2,841$; $p < 0,01$).

Наиболее распространенная причина конфликтов женщин без детей – это отношения с родственниками (60% отметили высокий уровень). Довольно часто встречаются конфликты по поводу проявления доминирования одним из супругов (высокий уровень – 40%) и разногласий в отношении к деньгам (высокий уровень – 35%).

Наиболее выраженными причинами конфликтов мужчин, не имеющих детей, являются разногласия в отношении к деньгам (высокий уровень – 45%), проявление ревности (высокий уровень – 35%), отношения с родственниками (высокий уровень – 35%).

Невероятно часто встречающаяся причина конфликтов матерей дошкольников – это сфера воспитания детей (высокий уровень – 95%), причем женщины отмечают ее чаще, чем мужчины ($t_{St} = 4,645$; $p < 0,001$). Все остальные причины также представлены (высокий уровень – от 35 до 55%). Больше половины ссорятся из-за проявления ревности и половина – из-за проявления доминирования одним из партнеров.

Мужчины, имеющие детей дошкольников, не столь конфликтны, как их жены. Наиболее распространенными причинами разногласий в семье можно назвать нарушение ролевых ожиданий и разное отношение к деньгам. По сравнению с предыдущим этапом чаще происходят конфликты из-за проявления автономии одним из супругов ($t_{St} = 2,687$; $p < 0,01$), из-за нарушения ролевых ожиданий ($t_{St} = 2,154$; $p < 0,05$), они чаще перекалывают вину на жену ($t_{St} = 2,893$; $p < 0,01$).

Женщины, имеющие детей школьного возраста, обычно ссорятся из-за денег и ревности, а меньше всего из-за воспитания детей, этот показатель достоверно ниже, чем на предыдущем этапе ($t_{St} = -4,214$; $p < 0,001$).

Отцы школьников более конфликты, чем их жены. Они часто ругаются из-за ревности (высокий уровень – 75%), денег (высокий уровень – 70%). Реже всего случаются столкновения из-за отношений с родственниками и проявления автономии одним из супругов. Они чаще своих жен причиной конфликтов называют несогласование норм поведения ($t_{St} = 2,056$; $p < 0,05$).

Женщины на всех этапах семейного цикла в большей степени склонны брать вину за конфликт на себя, хотя близки к этому показателю возложения вины на супруга. Мужчины только на 3-м этапе семейного цикла склонны считать себя виноватыми, остальные обвиняют в большей степени жен, особенно это характерно для бездетных мужчин (70%).

Женщины без детей характеризуются ориентацией на активный отдых, контролем семейной системы. Меньше всего развита экспрессивность, ниже, чем у мужей ($t_{St} = -3,194$; $p < 0,01$). Женщины больше по сравнению с мужчинами организуют ($t_{St} = 3,138$; $p < 0,01$) и контролируют семейную систему ($t_{St} = 3,718$; $p < 0,001$).

Мужчины без детей более склонны к конфликтам и независимости. Они более конфликтны, чем их жены ($t_{St} = 3,379$; $p < 0,001$), более экспрессивны ($t_{St} = 3,194$; $p < 0,01$), менее ориентированы на активный отдых ($t_{St} = -2,539$; $p < 0,05$), меньше организуют ($t_{St} = -3,138$; $p < 0,01$) и контролируют ($t_{St} = 3,718$; $p < 0,001$) семейную систему.

У женщин с дошкольниками больше, чем на предыдущем этапе, проявляется экспрессивность ($t_{St} = 4,583$; $p < 0,001$), меньше независимость ($t_{St} = -3,862$; $p < 0,001$), ориентация на достижения ($t_{St} = -2,495$; $p < 0,05$), ориентация на активный отдых ($t_{St} = -3,017$; $p < 0,01$), морально-нравственные аспекты ($t_{St} = -2,395$; $p < 0,05$), организация семейной системы ($t_{St} = -3,818$; $p < 0,001$), контроль семейной системы ($t_{St} = -3,065$; $p < 0,01$).

Мужчины, имеющие детей дошкольного возраста, более всего ориентированы на достижения. У них развиты интеллектуально-культурная ориентация и ориентация на активный отдых, они достаточно конфликтны. По сравнению с предыдущим этапом возрастает ориентация на достижения ($t_{St} = 3,523$; $p < 0,001$), ориентация на активный отдых ($t_{St} = 2,247$; $p < 0,05$), организация семейной системы ($t_{St} = 4,184$; $p < 0,001$). Снижается сплоченность ($t_{St} = -2,252$; $p < 0,05$), экспрессивность ($t_{St} = -2,03$; $p < 0,05$), конфликт ($t_{St} = -2,333$; $p < 0,05$), независимость ($t_{St} = -2,343$; $p < 0,05$). Если сравнивать показатели семейного окружения мужчин и женщин, то мужчины больше ориентированы на достижения ($t_{St} = 4,338$; $p < 0,001$), на активный отдых ($t_{St} = 2,284$; $p < 0,01$), на морально-нравственные аспекты ($t_{St} = 2,493$; $p < 0,05$), больше склонны организовывать семейную

систему ($t_{St} = 4,039$; $p < 0,001$), но менее экспрессивны ($t_{St} = -2,062$; $p < 0,05$).

Женщины, имеющие детей школьников, в значительной степени конфликтны, организуют семейную систему, экспрессивны, ориентированы на достижения и активный отдых. Меньше всего у них выражены сплоченность и независимость. По сравнению с предыдущим этапом у них меньше выражена экспрессивность ($t_{St} = -2,595$; $p < 0,01$), меньше интеллектуально-культурная ориентация ($t_{St} = 4,028$; $p < 0,001$), но больше независимость ($t_{St} = 4,063$; $p < 0,001$).

У мужчин, имеющих детей школьников, наиболее развиты независимость и конфликтность. Меньше всего выражены интеллектуально-культурная ориентация, морально-нравственные аспекты и организация семейной системы. Складывается впечатление, что они находятся в стороне от семьи. Сравнивая мужчин, имеющих детей школьного возраста, и мужчин, имеющих детей дошкольников, можно отметить, что отцы школьников более экспрессивны ($t_{St} = 6,845$; $p < 0,001$), более конфликтны ($t_{St} = 2,972$; $p < 0,01$), у них меньше выражена культурно-интеллектуальная ориентация ($t_{St} = -2,48$; $p < 0,05$). По сравнению со своими женами они менее экспрессивны ($t_{St} = -4,359$; $p < 0,001$), менее конфликтны ($t_{St} = 3,577$; $p < 0,01$), меньше ориентированы на достижения ($t_{St} = -4,377$; $p < 0,001$), ниже интеллектуально-культурная ориентация ($t_{St} = -4,339$; $p < 0,001$), морально-нравственные аспекты ($t_{St} = -6,258$; $p < 0,001$), слабее организуют семейную систему ($t_{St} = -6,791$; $p < 0,001$), более независимы ($t_{St} = 5,082$; $p < 0,001$).

На основании проведенного исследования мы можем выделить особенности супружеских отношений на разных этапах семейного цикла.

На первом этапе семейного цикла наблюдается наибольшая удовлетворенность браком. Семейные обязанности в основном возложены на плечи жены, многие мужчины не являются основным исполнителем ни одной семейной роли. Общение между супругами нельзя назвать идеальным: недостаточно развито взаимопонимание и обоими супругами ощущается недостаток психологической помощи со стороны партнера. Наиболее распространенными причинами конфликтов являются отношения с родственниками и денежные вопросы. В этот период женщины в большей степени, чем мужчины, ориентированы на активный отдых. Женщины занимаются организацией и контролем семейной системы. Мужчины более независимы, экспрессивны и конфликтны.

На втором этапе семейного цикла заметно снижается удовлетворенность браком обоих супругов. Женщина почти полностью берет на себя обязанности по воспитанию детей. Ей также принадлежит доминирующая позиция в материальном обеспечении семьи. Незначительно повышается хозяйственная роль мужчин. Общение между супругами по сравнению с предыдущим периодом мало меняется, только мужчинам немного боль-

ше кажется, что они понимают своих жен. Часто происходят конфликты по поводу воспитания детей, проявления автономии скорее всего мужем и нарушения ролевых ожиданий. В целом этап намного конфликтнее предыдущего. Особенно склонны к конфликтам женщины. С появлением детей женщина теряет свою независимость, начинает проявлять больше экспрессии, снижается ориентация на достижения, на активный отдых, она меньше внимания уделяет управлению семьей в целом. Мужчины, с одной стороны, отдаляются от жены – ориентируются на достижения, активный отдых, менее чувствуют сплоченность, много конфликтуют, хотя и меньше, чем до появления детей, а с другой стороны, немного уменьшают проявления независимости и больше организуют семейную систему.

На третьем этапе сохраняется средняя удовлетворенность браком, причем мужчины довольны своей семьей

меньше, чем женщины. Увеличивается роль мужчины в выполнении сексуальной функции, материальном обеспечении семьи, осознании себя хозяином и воспитании детей. Заметно ухудшается общение между супругами. Муж с женой меньше понимают друг и друга и меньше доверяют, увеличивается разница во взглядах. Реже случаются конфликты из-за воспитания детей и отношений с родственниками, что объясняется достаточной самостоятельностью подросших детей и снижением авторитета постаревших родителей. Увеличивается количество конфликтов из-за ревности и денег. Когда дети вырастают и идут в школу, супруги часто отдаляются друг от друга. Женщины меньше настроены на культурный досуг с мужем и проявляют больше независимости. Мужчины также независимы и очень конфликтны. У них тоже снижается потребность в интересном интеллектуальном общении с женой.

FEATURES OF MATRIMONIAL RELATIONS AT DIFFERENT STAGES OF THE FAMILY CYCLE

Doroshina I.G. (Penza)

Summary. In this article there some features of relations between spouses at different stages of the family cycle are compared: without children, with small- and school-children. The author analyzes family roles, the conflict reasons, personal contact, satisfaction by the marriage etc.

Key words: matrimonial relations; stages of the family cycle; family roles; the conflict reasons; satisfaction by the marriage; family communication.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ВЫБОРА ОДЕЖДЫ СТУДЕНТАМИ-ПСИХОЛОГАМИ

В.И. Екинцев, И.В. Бондаренко (Чита)

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования выбора одежды студентами-психологами. Показано проявление неосознанных влечений и социального интеллекта в оформлении внешности человека.

Ключевые слова: психологическая детерминация; неосознанные влечения; Я-концепция; социальный интеллект; ситуация социального взаимодействия.

В современном, динамически развивающемся обществе возрастает роль общения и межличностного познания. Особую актуальность приобретает индивидуализация образа как самовыражения, самореализации личности в обществе. Наиболее ярко оформление внешности проявляется в молодежной, студенческой среде. У студентов во время обучения формируется представление о самопрезентации профессионала. Правильная интерпретация невербального поведения – одно из необходимых условий успешности профессиональной деятельности в профессиях типа «человек – человек». Социально-психологическая компетентность профессионально важна в работе психолога. Психологу необходимо не только уметь правильно определять индивидуальные особенности и эмоциональные состояния других людей, но и уметь правильно представлять себя с целью эффективного взаимодействия.

Актуальность исследования психологической детерминации оформления внешности отмечали Г.Г. Шпет [8. С. 99], С.Л. Рубинштейн [7. С. 102] и др. А.Р. Лурия подчеркивал особую роль одежды в оформлении внешности человека: «Одежда, как и всякое внешнее выражение психической жизни, имеет для нас огромную ценность. Являясь симптомом душевных переживаний, она дает нам путь к несознаваемым глубинам психической жизни и открывает новые горизонты методу изучения душевной структуры путем анализа ее «симптомов» [5. С. 3].

В современной психологии продолжается изучение различных аспектов оформления внешности человека. В психологии используется широкий спектр понятий: «внешность», «облик», «имидж», «образ». А.А. Бодалев, В.Н. Панферов выделяют в восприятии другого человека физический облик (анатомические особенности частей тела, конституция и пр.), социальное оформление внешности (одежда, обувь, украшения, аксессуары, прическа и др.) и экспрессивно-импрессивные движения (мимика, жестикация, походка, позы), которые, являясь внешними характеристиками человека, становятся предметом интерпретации в межличностном общении как единый «визуальный текст общения» [6. С. 24]. По мнению М.А. Соболевой, облик – это «представление о совокупности внешних и внутренних признаков человека, доступных непосредственному восприятию. Данное слово фиксирует склонность человека соотносить характеристики внешности

и личностные особенности» [2. С. 80]. Е.А. Петрова, исследуя роль и функции визуальных знаков в общении, выделяла три визуально-коммуникативные системы: габитус, костюм, кинесику. С позиций визуальной психосемiotики Е.А. Петрова, Р.А. Степучев, Е.Я. Басина рассматривали костюм и его элементы как специфический язык (сигнально-знаковую систему), который воспринимается вместе с другими сигналами общения (жестами, взглядами и пр.) и словами.

Первую одежду ребенок получает сразу после рождения. Интерес к одежде начинает проявляться примерно в конце младшего школьного возраста: в этот период дети начинают изучать у своих сверстников манеру одеваться. Происходит, как отмечает Е.А. Петрова, переход от принципа «навязывания» ребенку к принципу «свободы выбора» в отношении к одежде [6. С. 22]. В подростковом и молодом возрасте особое внимание придается созданию привлекательного внешнего вида. Одежда помогает человеку почувствовать удовлетворение от своего внешнего вида, приблизиться к его собственному идеалу.

М.И. Килошенко отмечает, что выбор одежды предполагает личную заинтересованность человека и вызывает активность, самостоятельность и субъективность его «Я». Кроме того, на выбор человека в большой степени влияют внешние (влияния среды) и внутренние (субъективные переживания) факторы [3. С. 105].

В одежде человек проявляет свое «Я» и демонстрирует другим желательный образ, вызывая реакции и оценки со стороны окружающих. На стадии оценки костюма индивид в своем сознании как бы примеряет «костюм» к настоящим и будущим ситуациям и принимает решение о том, чтобы испытать его [3. С. 107]. Специфика выбора одежды такова, что большинство женщин и мужчин могут приобрести одежду, поддавшись своим влечениям.

В нашем исследовании мы изучаем психологическую детерминацию выбора одежды студентами-психологами. Для этого нами использовалась «Модифицированная методика Сонди. Тест восьми влечений» Л.Н. Собчик, который диагностирует индивидуально-психологические особенности личности, выявляет влечения человека. Способность личности оценивать ситуации социального взаимодействия изучалась с помо-

стью «Методики исследования социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. Салливена» (ГП «ИМАТОН»), а для исследования представлений испытуемых о себе в аспекте «идеального Я» и «реального Я» применялась «Методика исследования отношения к себе (Q-сортировка)». Кроме этого, использовался метод анкетирования, с помощью которого определилось предпочтение студентов в одежде, влияние на выбор одежды ситуаций социального взаимодействия.

Исследование проводилось на факультете психологии ЗабГГПУ г. Читы. В исследовании приняли участие 50 человек в возрасте от 21 до 22 лет – студенты-психологи, среди них 92% женщин и 8% мужчин.

Анкетный опрос демонстрирует предпочтение одежды спортивного стиля у 44%, а классического стиля одежды у 38% испытуемых. Одежда спортивного стиля (кепи, бейсболки, майки, водолазки, толстовки, джинсы, ветровки, куртки с капюшонами, пуховики, кроссовки, кеды, шнурованные сапоги на плоской подошве и др.) используется в качестве повседневной. Причиной такого выбора являются функциональные характеристики: «удобство» в носке и «фасон, не сковывающий движений». «Умеренность» и «традиционность в сочетании с модными тенденциями» выступают в качестве основных характеристик при выборе одежды классического стиля (береты, брючные и юбочные костюмы в сочетании с блузками, жилетами, косынками, туфли на низком каблуке и др.). Всего 18% студентов отдают предпочтение стилю «кэжуал» (платья, рубашки, футболки, джинсы, кеды и др.). При выборе одежды данного стиля отмечаются такие особенности, присущие этому стилю, как «раскованность, свобода, творчество».

В индивидуальном гардеробе студентов преобладает одежда, закрывающая (34 %) или приоткрывающая тело (40%). У большинства испытуемых ситуация социального взаимодействия или не является обуславливающей при выборе одежды (44%), или слабо влияет (38%). Для студентов-психологов характерно проявление в одежде феминных (40%) или андрогенных черт (40%).

Интерпретируя полученные данные по «Модифицированной методике Сонди (Тест восьми влечений)», мы получили следующие результаты: наиболее выражены полные реакции по факторам «d-», «m+», «k+». Полная реакция выявляет влечения или личностную тенденцию, которая оказывает наиболее динамическое воздействие, требует разрядки. Средние реакции выявлены по факторам «h+» и «p+». Нулевые показатели получены по факторам «e0», «h0», «s0». Такие реакции представляют собой крайнюю степень выраженности раскрываемого данным фактором влечения, но в состоянии разрядки, отреагирования, удовлетворения данной потребности.

При генотипической полной реакции происходит прямое отреагирование, при генотропической – путем трансформации в иной, социально приемлемый, сублимированный вариант реализации влечения. При пози-

тивных реакциях испытуемый подтверждает удовлетворенность соответствующей тенденцией, при негативных – отвергает ее.

Наиболее выражено в данном исследовании проявляется фактор «d-» («контактное влечение»). Нами выявлено 65 выборов с негативной реакцией по фактору «d-». Структура личности с выраженным показателем «d-» следующая: интровертированность, пессимистичность, необщительность, преобладание мотивации избегания неуспеха. Преобладает защитная реакция – отказ от реализации своих потребностей, интрапунитивные реакции, дезадаптация по депрессивному типу.

Следующий фактор, получивший полную реакцию (52 выбора), «m+», адекватен для личности, имеющей сильный неустойчивый тип. Личностная структура у испытуемых характеризуется неустойчивой мотивацией, эмоциональной лабильностью, экстравертированностью, гибкостью и общительностью в контактах с окружающими, художественным и наглядно-образным восприятием. Также отмечаются эмоционально яркая, со склонностью к страхам реакция на стресс, психосоматический или по типу вытеснения механизм защиты.

В выборке выражен (70 выборов) фактор «k+» («Я-влечение»), который обеспечивает самосохранение личности путем приспособления к реальности и побуждения «Я» к обладанию (капитализации). Фактор «k+» – это смешанный, ригидный тип. Структура личности характеризуется созерцательной позицией, субъективной мотивацией, раздвоенностью «Я», довлечением интеллекта над эмоциями. Стиль межличностного поведения данной группы – интровертированный, стиль мышления – формально-логический.

Средние реакции выявлены по факторам «h+» и «p+». Позитивный тип реакции «h+» имеет биологические предпосылки, отражающиеся в инфантилизме. Такой показатель выявляет людей с большей теплотой эмоций и конкретной адресованностью эмоциональной привязанности. Характерологически это лица, отличающиеся сентиментальностью, экзальтированностью чувств, высокой чувствительностью к средовым воздействиям, ведомые, нерешительные, склонные перекладывать принятие решений и ответственность на плечи окружающих, мнительные в отношении своего здоровья личности. Настроение в значительной мере зависит от отношения окружающих к ним. Они ранимые, впечатлительные, эстетически ориентированные.

Выражена ведущая потребность – аффилиативная, т.е. потребность в понимании, сочувствии и глубокой привязанности. Вариант «h+» реализует эту потребность через привязанность к конкретным людям, через поиск удачи в личной жизни (в семье, в отношениях с мужем (женой), с детьми). По фактору «p+» выявляется ведущая потребность – власть, стиль межличностного поведения – доминирующий, стиль познавательной деятельности – целостный, эвристический.

Таким образом, нереализованные влечения сублимируются через генотропические тенденции, проявляющиеся в профессиональном выборе, в сфере интересов, в межличностных контактах, в социализированной форме, а в качестве компенсаторных реакций влечения являются одной из детерминант выбора одежды человека.

Лицам с контактными влечениями присущи феминные черты. Консерватизм, склонность к самоограничению, интровертированность, пессимистичность, необщительность, преобладание мотивации «избегания неуспеха» выявлены у студентов, предпочитающих классический стиль одежды, приоткрывающей и закрывающей тело. В данном стиле одежды выражаются консерватизм, социально позитивная тенденция верности семье и традициям, инерционная тенденция во всех проявлениях.

Сексуальное влечение выявлено у лиц с отсутствием ярко выраженной мужско-женской дифференцированности и указывает на проявление андрогенных черт в выборе одежды спортивного стиля. На выбор одежды слабое влияние оказывают ситуации социального взаимодействия. Более значимо для лиц с такими реакциями отношение к ним окружающих, доминирующей является потребность в понимании, сочувствии и глубокой привязанности.

Среди испытуемых, выбирающих одежду в стиле «кэжуал», доминирует «Я-влечение», которое характерно для студентов-психологов с высокой мотивацией достижения успеха, экстравертированностью, активностью. Пароксизмальное влечение (потребность в этическом поведении) находится в состоянии разряженности, отреагирования, удовлетворения данной потребности («e0», «hy0»).

По результатам исследования с помощью «Методики исследования социального интеллекта» были получены высокие показатели: средний уровень развития социального интеллекта выявлен у 42%, социальный интеллект выше среднего – у 58% испытуемых. Эти данные демонстрируют, что студенты-психологи способны извлекать информацию о поведении людей, понимать язык невербального общения, высказывать быстрые и точные суждения о людях, успешно прогнозировать их реакции в заданных обстоятельствах, проявлять дальновидность в отношениях с другими, что способствует успешной социальной адаптации.

С помощью методики «Q-сортировки» были получены результаты, демонстрирующие высокие показатели (88%) соотношения реального и идеального «Я» личности. Высокие показатели конгруэнтности свидетельствуют об относительно высокой гармонии «реального Я» и «идеального Я».

Для дальнейшего анализа данных был использован кластерный анализ, который позволяет методом объединения обнаружить кластеры (ветви) и интерпретировать их (рис. 1). В ходе кластерного анализа были выявлены три кластера: первый – между показателями анкеты (стилевые предпочтения, влияние ситуации социального вза-

имодействия на выбор одежды, проявление в одежде феминных, маскулильных, андрогенных черт, открытость тела в одежде); данными по методике исследования социального интеллекта (субтесты, диагностирующие четыре способности в структуре социального интеллекта: познание классов, систем, преобразований и результатов поведения), показателями методики Сонди (факторы «k+» («Я-влечение»: тенденция к присвоению, эгоизм, рассудительность, педантизм, упрямство) и «p-» (проекция: недооценка себя, недоверие, шепетильность)) связан с анкетными данными и показателями методики исследования социального интеллекта.

Второй кластер составил фактор «p+» («Я-влечение»: пылкость, переоценка, энтузиазм), который показывает связь между факторами влечений по тесту Сонди: «s-» «мазохизм», «m-» «отторжение объекта», «e-» «тенденция зла», «h-» «любовь к человечеству», «k+» амбивалентные реакции, «hy+» «экзгибиционизм», «hy-» «самомаскировка», амбивалентные реакции («h+», «s+», «e+», – «d+», «p+»), нулевые реакции («e0», «d0», «hy0», «m0», «p0», «k0», «s0», «h0»), анкетными данными и показателями «Методики исследования социального интеллекта».

Третий кластер демонстрирует преобладание фактора контактного влечения «d-», включающего в себя факторы «m+» («контактное влечение»: сохранение объекта, непостоянство, жажда развлечений) и «h+» («сексуальное влечение»: личная любовь, нежность, податливость, мягкость характера).

Таким образом, психологическая детерминация выбора одежды студентов-психологов определяется факторами «контактного влечения», «Я-влечения» и «сексуального влечения».

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

1. Выбор одежды студентами-психологами детерминирован бессознательными влечениями (факторами «контактного влечения», «Я-влечения» и «сексуального влечения») и пониманием предполагаемой ситуации взаимодействия с другими людьми. Большинство студентов-психологов отдает предпочтение спортивному и классическому стилю одежды.

2. Предпочтение студентами-психологами одежды классического стиля, приоткрывающей и закрывающей тело, указывает на консерватизм, склонность к самоограничению, интровертированность, пессимистичность, необщительность, преобладание мотивации «избегания неуспеха». В данном стиле одежды выражается стремление держаться за старое, «застревание», социально позитивная тенденция верности традициям.

3. Предпочтение студентами-психологами одежды спортивного стиля выявляет отсутствие ярко выраженной мужско-женской дифференцированности (андрогенные черты). При выборе студентами данного стиля одежды ситуации социального взаимодействия на выбор такой одежды оказывают слабое влияние.

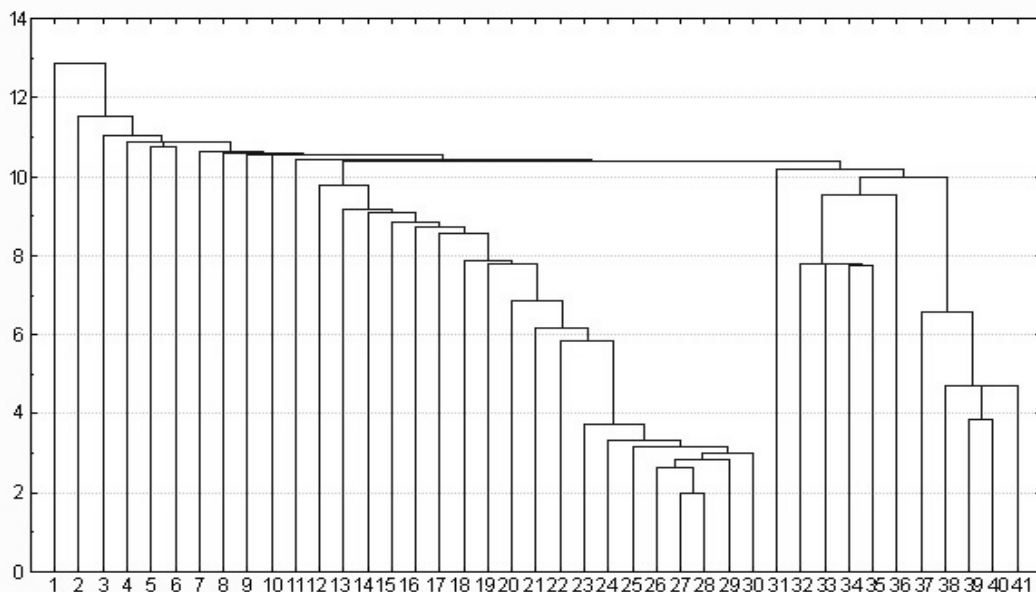

Рис. 1. Кластерный анализ факторов влечений, анкетных данных и результатов диагностики социального интеллекта: 1 – «d-» («инерция»); 2 – «m+» («сохранение объекта»); 3 – «h+» («личная любовь»); 4 – «k-» («тенденция отрицания»); 5 – «hy+» – амбивалентные реакции; 6 – «e+» («тенденция доброты»); 7 – «m+» – амбивалентные реакции; 8 – «s+» («садизм»); 9 – «d+» («поиск объекта»); 10 – «p+» («инфляция»); 11 – «s-» («мазохизм»); 12 – «m-» («отторжение объекта»); 13 – «e-» («тенденция зла»); 14 – «h-» («любовь к человечеству»); 15 – «k+» амбивалентные реакции; 16 – «hy+» («экзгибционизм»); 17 – «hy-» («самомаскировка»); 18 – «h+»»; 19 – «s+»»; 20 – «e+»»; 21 – «d+»»; 22 – «p+» амбивалентные реакции; 23 – «e0»; 24 – «d0»; 25 – «hy0»; 26 – «m0»; 27 – «p0»; 28 – «k0»; 29 – «s0»; 30 – «h0» нулевые реакции; 31 – «k+» («тенденция к присвоению»); 32 – «влияние ситуации социального взаимодействия на выбор одежды» (анкета); 33 – «открытость тела в одежде» (анкета); 34 – «проявление в одежде феминных, маскулинных, андрогенных черт» (анкета); 35 – «стилевые предпочтения» (анкета); 36 – «р-» («проекция»); 37 – субтест № 3 («Социальный интеллект»); 38 – субтест № 2 («Социальный интеллект»); 39 – «композитная оценка» («Социальный интеллект»); 40 – субтест № 4 («Социальный интеллект»); 41 – субтест № 1 («Социальный интеллект»)

4. Ситуация социального взаимодействия оказывает незначительное влияние на выбор стиля одежды студентами-психологами, несмотря на высокие показатели социального интеллекта. Незначительное

влияние ситуативных факторов объясняется выраженностью «контактного влечения», «Я-влечения» и «сексуального влечения» в структуре личности студента-психолога.

Литература

1. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человеком человека. М.: Изд-во МГУ, 1982. 199 с.
2. Екинцев В.И., Соболева М.А. Психология понимания человека человеком: взаимодействие и организация знаний. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2004. 167 с.
3. Килошенко М.И. Психология моды: теоретический и прикладной аспекты. СПб.: Речь, 2001. 192 с.
4. Лабунская В.А. Экспрессия человека и межличностное познание. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 608 с.
5. Лурья А.Р. Психологическое наследие: Избранные труды по психологии. М., 2003. 406 с.
6. Петрова Е.А. Визуальная психосемиотика общения: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2000.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 2.
8. Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989.

PSYCHOLOGICAL DETERMINATION OF A CHOICE OF CLOTHES BY STUDENTS – PSYCHOLOGISTS
Ekintsev V.I., Bondarenko I.V. (Chita)

Summary. In article one can see the results of empirical research of a choice of clothes by students- psychologists. Display of unconscious bents and social intellect in a choice of clothes of students is shown.

Key words: psychological determination; unconscious bents; self- conception; social intellect; the situation of social interaction.

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ (ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ)

УДК 159.9

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: БИПСИХОСОЦИОНОЭТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ЗДОРОВЬЯ

Г.В. Залевский, В.Г. Залевский, Ю.В. Кузьмина (Томск)

Аннотация. Дискутируется вопрос о необходимости дифференцировать понятия «целое» и «система» в отношении человека (человека-личности). Подчеркивается, что «конституирующим фактором» в человеке как целостном образовании является его духовность. Обращается внимание на необходимость в теории и психологической практике иметь в виду, что духовность не исчерпывается только религиозной духовностью. Автор отстаивает идею биопсихосоционоэтической модели человека: его развития как личности и его здоровья.

Ключевые слова: антропологическая психология; биопсихосоционоэтическая модель; целое и система; духовность; здоровье.

«Главный объект психологии – сам человек, продукт и в то же время творец определенной исторической эпохи, человек с его радостями и страданиями, стремлениями, успехами и ошибками, живой человек – единственный, настоящий объект психологии. На его место становятся абстрактные «психологические механизмы», «детерминирующие тенденции», «содержания сознания», «акты», «процессы», «обратные связи» и т.п., которые хотя и представляют необходимые строительные леса на здании научной психологии, хотя и углубляют наше понимание закономерностей психики, но которые взяты вне общего контекста личности и деятельности человека, могут заслонить собой конечную цель психологического исследования». Эти слова известного отечественного психолога Михаила Семеновича Роговина из его книги «Введение в психологию» [26], вышедшей 40 лет назад, в 1969 г., звучат так же актуально и сегодня, в эпоху «гуманитаризации» психологии, в признании необходимости деления психологии на психологию человека (антропологию) и психологию всех остальных живых организмов (зоопсихологию) и выделения духовности – действительно «человеческого в человеке» – в качестве предмета антропологической психологии (20) и «конституирующей особенности» [33, 34] в этом биопсихосоционоэтическом целостном образовании. Я хотел бы подчеркнуть эту мысль В. Франкла о духовности как конституирующем, а не системообразующем факторе. В.Г. Афанасьев называет этот фактор «фактором целостности» [1].

Дело в том, что, рассуждая о человеке-личности, вряд ли правомерно судить о нем как о системе и тем более вообще сводить антропологическую психологию к «системной антропологической психологии». Конечно, странно говорить об этом в эпоху все возрастающего «системного мышления» и «системного подхода», в том числе и в психологии, и сведения человека (человека-личности) к системе. Так, например, Ю.А. Урманцев пишет, что «любое вещество, любую особь живой при-

роды и человека, в том числе, можно понять только как систему, которая входит в систему объектов того же рода» [31. С. 46].

В теории психологических систем, предложенной В.Е. Ключко, «человек понимается как самоорганизующаяся система, т.е. система, порождающая психологические новообразования и опирающаяся на них в своем самодвижении. Способность к инициативному поведению, за которой часто скрывается потребность в самореализации, способность «выходить за пределы», которую разные авторы полагают как свойство субъекта, личности, деятельности, психики, сознания, рассматривая их достаточно изолированно, в теории психологических систем понимается как свойство системы, по отношению к которой перечисленные конструкты сами являются подсистемами [14. С. 101]. Нетрудно заметить, что в данном подходе на место живого человека заступает нечто, относящееся лишь к категории «строительных лесов» [27] в его познании. В данном случае на место человека заступает система, которая тоже относится к «строительным лесам», но, как продуктивный методологический принцип, позволяет «увидеть за деревьями лес». Дело в том, что еще Л. Берталанфи, как и большинство отечественных «системных теоретиков», отождествлял понятия «целое» и «система» [35], и лишь немногие в их соотношении видят проблему [36], а последняя сильно усложняется и решается не так однозначно, когда речь идет о человеке.

Так, например, В.П. Зинченко, при обсуждении докторской диссертации А.С. Арсеньева на страницах журнала «Развитие личности» [11. С. 227], говорит о том, что диссертант «вольнo или невольнo преодолевает методологические надолбы и рвы, доставшиеся нам в наследство от советской психологии. Первый из них – принцип системности, тесно связанный с заботой о конечных определениях. П.А. Флоренский сочувственно цитировал В. Ваккенродера, говорившего о том, что лучше уж суеверие, чем системоверие. В свою очередь,

П.А. Флоренский резонно утверждал, что система – в лучшем случае – результат события мысли, а не ее предпосылка. М.К. Мамардашвили был еще более категоричен: там, где система, там смерть, А.С. Арсеньев добавляет к этому неспособность любой системы выразить бесконечность отношения Человек – Мир, бесконечность человеческого развития». Кроме того, А.С. Арсеньев, по мнению В.П. Зинченко, «как бы возвращает человека к его духовным корням. Для проблемы развития это означает признание не только зависимости развития от внешних условий, но и его спонтанности. Он рассматривает диалектическую пару: развитие – раскрытие. Второму элементу пары психологи за редким исключением (А.В. Запорожец, Б.М. Теплов) почти не уделяли внимание» [11. С. 227].

Очевидно, что человек не вписывается в систему, хотя и представляет собой некоторое целостное образование; можно полагать, что любая система может представлять собой целостное образование, но не всякое целостное образование обязательно является системой. Человек-личность и представляет, на мой взгляд, такое внесистемное образование, обладающее, во-первых, как системными, так и внесистемными качествами, во-вторых, между составляющими этого биопсихосоциодуховного образования нет той прямой зависимости, как это предполагает любая система; желательным (но не обязательно), как говорил еще Ювенал, чтобы в здоровом теле был здоровый дух. А сколько случаев нам известно, когда в казалась бы здоровом теле оказывается нездоровый дух, примером чего могут быть проявления фанатизма, терроризма [9]. И наоборот, нередко проявление прямо-таки «железного» духа в слабом теле (Павка Корчагин, Алексей Мересьев и многие люди с серьезными физическими недостатками).

Можно предполагать, конечно, что человек рождается как системное образование и даже как целостная система, открытая или потенциально открытая, но в своем развитии по пути становления человека-личности, т.е. при гармоничном развитии, он приобретает все больше внесистемных качеств и проявляет их («поисковая активность», «надситуативная активность», «активная гибкость», «рефлексивность», «автономность», «самоактуализация», «трансцендентность», наконец). При определенных неблагоприятных условиях – биологических, психологических, социальных и ноэтических – развития человека связь между составляющими его данными становится все более жесткой (ригидной), какая-то из составляющих берет на себя системообразующую функцию, и он формируется, скорее, как система (асоциальная или патологическая), проявляющая себя, например, в разного рода и уровня фиксированных формах поведения (преступных, аддиктивных, невротических, бредовых – фанатичных и т.п.) [8]. Возможна и редукция человека-личности в направлении человека-системы тоже при определенных условиях и, видимо, прежде всего при ослаблении

или извращении конституирующей роли именно духовной составляющей человека.

Говоря о ноэтической или духовной составляющей человека как целостного образования, я говорю о духовности, которая не исчерпывается только религиозной духовностью. К этому вопросу я уже имел возможность обратиться [10], но считаю необходимым на нем остановиться хотя бы кратко в контексте данной статьи.

Как свидетельствует уже в наше время практика оказания психологической помощи, психотерапевтической в том числе, из ее арсенала, даже в тех случаях, когда эта помощь оказывается в рамках биопсихосоциальной модели, нередко выпадает собственно духовный аспект. Правда, в рамках экзистенциального (В. Франкл и др.) и трансперсонального (Р. Мэй и др.) подходов духовный аспект находится как бы в центре внимания, но парадокс состоит в том, что он оказывается фактически и единственным, т.е. не встроенным в целостную модель, в которой бы учитывались «все миры» человека – биологический, психологический, социальный и духовный [7, 15, 36].

Отмечаемая и сегодня, эта тенденция, на наш взгляд, объясняется рядом обстоятельств как исторического, так и терминологического характера. К историческим причинам можно отнести то обстоятельство, что при развитии представлений о предмете психологии из него выпал духовный аспект, а понятия «духовность», «духовный» приобрели исключительно сакральный характер чаще всего употребляемых в церковной лексике в сочетании «религиозная духовность».

Об актуальности проблемы духовности в психологической теории и практике свидетельствует, например, дискуссия, организованная журналом «Психология. Журнал высшей школы экономики» в 2007 г.: «Психология – с религией или без нее?» [25] и «Психология и религия – дискуссия продолжается» [26].

Одни участники дискуссии высказались со всей определенностью, что духовность и родственные ей категории несомненно являются предметом научной психологии. Так, М.Ю. Кондратьев считает, что «духовность как личностное свойство, как характеристика личностной направленности, как базовая характеристика поведенческой активности являлась и является именно психологическим понятием, содержательно симбиозно связанным с такими категориями, как гуманность, сочувствование, в конечном счете, и доброта» [15. С. 21–22]. В.А. Пономаренко даже «чувствует себя неловко, когда читает статьи дискуссионтов в журнале», поскольку, с его точки зрения, «дух, духовность, душа, трансцендентность, хронотоп, иллюзии, мифы, сказки, аллюзии, вера, идеалы, сновидения, художественное, образное мышление, иконическая память, воля – это ведь предмет психологии» [24. С. 69]. Д.А. Леонтьев в этой связи ссылается «хотя бы на экзистенциальную философию и психологию... что в этой традиции мышления человеческая духовность, свобода, смысл, ценности и т.п. всегда

принимались как основополагающая реальность вне зависимости от принятия или отвержения религиозной веры, они из нее не выводились» [17. С. 61].

Некоторые другие участники дискуссии (А.В. Лоргус, А.А. Гостев, В.И. Слободчиков) придерживаются достаточно решительно иной точки зрения, считая, что духовность может быть предметом психологии, если она пойдет с религией не параллельным, так сказать, а одним путем. Так, А.В. Лоргус считает, что «главным тезисом в христианской психологии становится следующее: психология невозможна без духовно-ориентированного подхода к человеку, в котором предметом оказывается не только психика, богоподобная личность человека, но и душа и дух, и одухотворенная телесность» [19. С. 61]. «Зарождающийся новый портрет психологии в интерьере современности», – считает В.И. Слободчиков, – характеризуется тем, что «базовой категорией структуризации общего развития – Зачем? – является степень восхождения к полноте собственной реальности в ее духовно-душевно-телесных измерениях... это и есть предметно-проблемное поле исследований христианской психологии» [30. С. 92, 97].

А.А. Гостев справедливо отмечал, что «главным ценностно-образующим фактором всех отношений человека является совесть. Вне ее изучения «научные» разговоры о личности и духовности неполноценны. Но проблеме совести психологи уделяют поразительно мало внимания», в то же время он настоятельно советует «современным психологам воспользоваться теологическими описаниями предмета», опираясь на «православно-христиански ориентированное психологическое знание» (ППЗ)» [5. С. 41].

Если последовать совету А.А. Гостева, то мы, мне кажется, можем оказаться во временах, когда господствовала упомянутая выше «демоническая» модель психических расстройств. По его мнению, «основой православного взгляда на личностную психопатологию является понимание греха как ее источника, освоение понятия духовно-психологической нормы. Психопатология может быть рассмотрена как болезнь души, когда человек отклоняется от данного ему Творцом предназначения, утрачивает связь с Богом и внутреннее единство. Грех есть явление метафизическое – несоответствие человека своей истинной природе и предназначению. Особенности и мера этого несоответствия и определяет патологическую телесную, душевную и духовную жизнь. В психологическом плане грехопадение является нарушением в иерархии структур в человеке, приводящим к изменению его психологической природы. На вершине должен стоять Дух, дающий ясность и стройность психической жизни, центрирующий жизнь человека на Боге» [5. С. 42].

«В одном споре на обсуждаемую сейчас тему, – пишет В.М. Розин, – мой оппонент отказывал мне в духовности, поскольку я человек неверующий. Я же пытался ему ска-

зать, что духовность предполагает не веру, а особый способ жизни и жизненный путь, И, напротив, есть много верующих, живущих совершенно бездуховной жизнью» [28. С. 77]. «Зададимся вопросом вместе с Лоргусом: «можно ли представить себе живого конкретного человека без религиозности? Можно ли рассматривать человека, не имеющего религиозности совсем? Если это возможно, с точки зрения психологии, то какова практическая ценность такой науки?». «А почему и не представить нерелигиозного, но высокодуховного человека?» – спрашивает Г.В. Иванченкова [12. С. 53].

Д.А. Леонтьев, полемизируя, предлагает, совершенно справедливо, на наш взгляд: «во-первых, давайте разведем такие вещи, как вера, религия и церковь. Вера есть экзистенциальный феномен, сугубо личный. Чтобы верить во что-то, человеку не нужны ни храмы, ни священники. Именно вера, прежде всего, соотносится с такими феноменами, как духовность или совесть» [18. С. 59]. Его также «настораживает центральное положение статьи А.В. Лоргуса о том, что «психология невозможна без духовно ориентированного подхода к человеку...». Ему, как, кстати, и мне и многим другим, «очень хотелось бы уточнить, что стоит за словом «невозможно»: то ли то, что в психологии обязательно должен быть и такой подход и без него она неполна (с этим спорить сложно), то ли то, что психология должна базироваться только на таком подходе и ни на каком ином?»

В. Франкл [33, 34] сформулировал четкий операциональный критерий, почему религиозные категории не должны входить в структуру психологического объяснения и помощи, религия «может быть лишь предметом, но не почвой, мы должны иметь возможность помочь любому человеку, вне зависимости от его конфессиональной принадлежности, веры или ее отсутствия, в противном случае мы не сможем называться профессиональными психологами... помощь священника может быть тоже эффективной, но это будет другая форма работы, другая помощь» [34. С. 334]. В своей московской лекции В. Франкл говорил: «Богу, если он есть, важнее, хороший ли Вы человек, чем то, верите Вы в него или нет. Духовность не исчерпывается религиозностью» (цит. по: [18. С. 8–9]). Он же пишет: «Мы изучили человека так, как его, вероятно, не изучило ни одно предшествующее поколение. Так что же такое человек? Это существо, которое всегда решает, кто он. Это существо, которое изобрело газовые камеры. Но это и существо, которое шло в эти камеры, гордо выпрямившись, с молитвой на устах» [34. С. 119].

Мне кажется, что человек – это еще и тот, кто борется против уничтожения людей в газовых камерах или, если иначе нельзя, прихватывает с собой хотя бы одного палача.

Еще в свое время Л.С. Выготский на продвинутых этапах исследования речевого поведения ставил «перед собой проблему выявления специфики одухотворенного

поведения как высшей формы поведения (высшей психической функции) человека». Основной замысел теории речевого мышления Л.С. Выготского – показать специфику поведения человека, его отличие от других объектов естествознания. Речевое мышление выполняет здесь функцию модели одухотворенного поведения» [22. С. 19].

По мнению В.И. Кабрина, «в академической психологии эта проблема «брезжит» как проблема смысла в мозаичном многообразии масштабов и ракурсов. Феномен порождения или открытия смысла реальности не достигаем или не решаем ни в психофизиологическом соотношении («специфическая энергия органов чувств» Гельмгольца), ни в биопсихическом ракурсе (переход от «раздражимости» как органического процесса к «чувствительности» как сигнальному процессу при эволюционном изменении жизнедеятельности). И лишь возвращение культурно-исторического контекста обретения человеком смысловых отношений с реальностью как собственно коммуникативного, диалогического (акцентированного в работах М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, Дж.Г. Мида) восстанавливается в современной психологии» [13. С. 27]. По мнению М.М. Бахтина, «душа – это образ совокупности всего действительно пережитого, всего наличного в душе во времени, дух же – совокупность всех смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя (без отвлечения от Я)» [2. С. 184].

Соглашаясь с теми авторами, которые считают, что духовность есть понятие психологическое и является предметом научной психологии, удивляемся тому факту, что редко в каком психологическом словаре или энциклопедии приводятся его дефиниции. Тем не менее мы процитируем несколько определений духовности, которые приводятся в ряде работ.

Так, С. Крымский считает, что духовность – это принцип самостроительства человека, это выход к высшим ценностным ориентациям конституирования личности и ее менталитета. Л. Буева определяет «духовность как восхождение личности к своим идеалам, ценностям», религиозный И. Ильин говорит почти то же самое, что «дух утверждает в человеке высшее достоинство и вызывает к его чести». По мнению М. Бахтина, «духовное пространство человека – это вертикаль, включающая возвышенное и земное, земное и небесное, добро и зло». Согласно Гете, «духовность противоположна не плоти, а хаосу возбужденных инстинктов, делающих человека рабом во тьме стихий» [24. С. 69–70].

Один из иностранных участников упомянутой выше дискуссии Т. Де Чико приводит пример определений духовности и религиозности: «Духовность определяется как неограниченный набор личностных мотиваций, норм поведения, опыта, ценностей и установок, которые основаны на поиске экзистенциального понимания, смысла, цели и трансценденции. А религиозность определяется как набор норм поведения, ценностей и установок, которые опираются на ранее установленную

религиозную доктрину и институализированную организацию [6. С. 47].

Нозтическая проблема, по мнению В.И. Кабрина, может быть обнаружена как фундаментальная, если мы вернем современной психологической науке достойные (релевантные) ее горизонты, т.е. вернем ей изначальную триединую проблему духовно-душевно-телесного со-ответствия в человеке в экзистенциальной встрече его с универсумом. Можно полагать, что основные парадигмы современной и постнеоклассической психологии (феноменалистическая, гуманистическая, экзистенциальная, трансперсональная, холистическая психология) в той или иной степени охвачены «нозтическим ренессансом» [13. С. 26, 28]. У нас создается впечатление, что этот ренессанс все более и более захватывает психологическую науку и практику. Мы солидарны с В.М. Розиным, который говорит о необходимости «духовной навигации» для каждого человека, в том числе и для тех, «кто не религиозен, кто «обходится без этой гипотезы», им определиться с ней труднее, так как она более индивидуальна, не опирается на столь проработанные культурные формы. Поэтому новый человек – это человек не просто конституирующий себя, т.е. не только личность, а человек, вставший на путь «духовной навигации». Духовная навигация – это наблюдение за собой, продумывание своей жизни, ее смысла и назначения, это стремление реализовать намеченный сценарий жизни (скрипт), отслеживание того, что из этого получается реально, осмысление опыта своей жизни, собирание себя вновь и вновь, наконец, работа на культуру, человека и здоровье, противостояние нежизненности и разрушению» [29].

Л.С. Выготский присоединяется к мнению тех исследователей и докладчиков, выступавших на Первом немецком конгрессе по лечебной педагогике (1922), которые отвергали концепцию *moral insanity* (моральной дефективности, помешательства или безумия) как душевной болезни, но понимали ее как «выпадение тех или иных ценностей или оценок, например мотивов поведения, мотивов ценностей, которые встречаются и у нормальных людей... их следует искать не во врожденном дефекте воли или извращении отдельных функций, но в среде и воспитании. Как недостаток нравственного воспитания» [4. С. 151].

Некоторые авторы считают, что сегодня на Руси правит бал бездуховность (жизнь не в цене, в том числе и здоровье), – это аксиома [24. С. 65]. С этой оценкой многие, наверное, согласятся. Один из примеров бездуховности или духовного нездоровья – несомненно, фанатизм, в разных сферах и формах сегодня проявляемый, следствием которого становятся терроризм и даже войны [9].

Нравное, пришло время «указать людям... и другие, нерелигиозные смыслы» [32. С. 57]. И в этом должна принять участие и психологическая наука. «Ведь научному анализу уже доступен весьма широкий спектр синхронизаций: ген – клетка – орган – организм – индивид – лич-

ность – социум – культура» [36]. Надо все сделать, чтобы греческое название человека «антропос» – «устремленный вверх», т.е. к духовности, – не было забыто, не должно быть забыто и то, что духовность не исчерпывается религиозностью, а потому можно думать о существовании и духовности нерелигиозной, светской или просто человеческой, которая со-ответственна за сохранение здоровья человека, является условием и характеристикой личностного развития и роста. Для человечества в конечном ито-

ге важен результат, т.е. присутствие у людей той или иной положительной духовности (сакральной или светской), содействующей установлению социального согласия и благополучия для всех. А потому не можем согласиться с пессимизмом Э. Фромма: «Если Ницше говорил: «В XIX веке Бог умер», то мы говорим: «В XX веке человек умер» [36]. Мы более оптимистичны: в XXI в. человек возрождается, по крайней мере в рамках антропологической психологической теории и практики.

Литература

1. Афанасьев В.Г. Системность и общество. М., 1980.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1996. Т. 4. С. 184.
3. Блауберг И.В. Целостность и системность // Системные исследования: Ежегодник. 1977. С. 5–28.
4. Выготский Л.С. Moral insanity // Собрание сочинений. М., 1983. Т. 5. С. 150–152.
5. Гостев А.А. О проблемах становления религиозно ориентированного психологического знания // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 4. С. 35–45.
6. Де Чико Т. Найти Я в психологии, духовности и религии // Психология. 2007. Т. 4, № 4. С. 46–52.
7. Залевский Г.В. Введение в клиническую психологию. Электронный ресурс. ИДО ТГУ, 2006.
8. Залевский Г.В. Личность и фиксированные формы поведения. М.: ИП РАН, 2007.
9. Залевский Г.В. Фанатизм как основание и характеристика деструкции системы ценностей и духовного нездоровья личности и социальных сообществ // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей // Под ред. В.В. Знакова, Г.В. Залевского. М.: ИП РАН, 2008. С. 314–340.
10. Залевский Г.В. От «демонической» до «биопсихосоциоэтической» модели психического расстройства // Сибирский психологический журнал. 2009. № 32. С. 57–64.
11. Зинченко В.П. Отзывы на доклад А. Арсеньева «Философские основания психологии личности» // Развитие личности. 2002. № 2. С. 226–231.
12. Иванченкова Г.В. «Христианская благодатная психология»: как бы с религией и как бы с психологией // Психология. 2007. Т. 4, № 4. С. 53–57.
13. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005.
14. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Введение в трансспективный анализ. Томск, 2005.
15. Кондратьев М.Ю. Психология и религия: параллельные проблемно-предметные плоскости // Психология. 2007. Т. 4, № 2. С. 65–73.
16. Кузьмина Ю.В. Программа психологического сопровождения беременных женщин в контексте биопсихосоциоэтической модели беременности // Сибирский психологический журнал. 2008. № 27. С. 113–115.
17. Леонтьев Д.А. Кесарю – кесарево // Психология. 2007. Т. 4, № 4. С. 58–63.
18. Леонтьев Д.А. Упрямство духа. Предисловие // В. Франкл: Сказать жизни «Да». М.: Смысл, 2008. С. 5–10.
19. Лорус А.В. Психология – с религией или без нее? // Психология. 2007. Т. 4, № 2. С. 58–64.
20. Лукьянова И.Е., Овчаренко В.А. Антропология. М., 2008.
21. Манеров В.Х. Духовность человека как ценность и предмет христианской психологии // Доклад Покровских педагогических чтений. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/pedagogy>
22. Морозов С.М. Предмет исследования и единицы анализа в психологической системе Л.С. Выготского: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.
23. Платонов Г.В., Косичев А.Д. Проблема духовности личности (состав, типы, значение) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1998. № 2.
24. Пономаренко В.А. С верой в науки о человеке // Психология. 2007. Т. 4, № 2. С. 64–74.
25. Психология. Специальная тема выпуска. Психология – с религией или без нее? 2007. Т. 4, № 2. С. 56–97.
26. Психология. Специальная тема выпуска. Психология и религия – дискуссия продолжается. 2007. Т. 4, № 4. С. 3–123.
27. Роговин М.С. Введение в психологию. М., 1969.
28. Розин В.М. Психология и христианство: автономия, объединение или коммуникация? // Психология. 2007. Т. 4, № 2. С. 74–89.
29. Розин В.М. Еще раз о возможности православной, святоотеческой психологии // Психология. 2007. Т. 4, № 4. С. 113–120.
30. Слободчиков В.И. Христианская психология в системе психологического знания // Психология. 2007. Т. 4, № 2. С. 90–97.
31. Урманцев Ю.А. Общая теория систем: состояние, приложение и перспективы развития // Система. Симметрия. Гармония. М., 1988. С. 38–124.
32. Ушакова Т.Н. От редколлегии // Психология. 2007. Т. 4, № 4. С. 5.
33. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
34. Франкл В. Сказать жизни «Да». М.: Смысл, 2008.
35. Bertalanffy L. General System Theory. N.Y.: Braziller, 1968.
36. Fromm E. Escape from Freedom. N.Y., 1941.
37. Straub R.O. Health Psychology. N.Y., 2001.

ANTHROPOLOGICAL PSYCHOLOGY: BIOPSYCHOSOCIOETHICAL MODEL OF PERSONALITY AND HIS HEALTH
Zalevskij G.V., Zalevskij V.G., Kuzmina Y.V. (Tomsk)

Summary. In the article is given the analysis of one of the fundamental questionnaires of the methodology of clinical psychology not solved yet in the general psychological plan: the place of the concept spirituality in the structure of the psychological scientific knowledge. The evolution of ideas about the general models (paradigms and research programs) of mental illness, relations of psychology and religion to the roll of spirituality in the personality development and its health.

Key words: model; organic; biomedical; psychosocial; biopsychosocial; biopsychosocioethical; spirituality; faith; health.

РЕФЛЕКСИВНОЕ АВТОПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ САМООРГАНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ПЕРСПЕКТИВ ЛИЧНОСТИ

И.А. Ральникова (Барнаул)

Аннотация. Обоснован авторский подход к технологии рефлексивного автопроектирования жизненных перспектив в контексте самоорганизации личности. Выявлены и проанализированы ее направления, уровни, этапы.

Ключевые слова: жизненные перспективы личности; рефлексивное автопроектирование; самоорганизация.

Исследования отечественных и зарубежных психологов показали, что становление и преобразование адекватных жизненных перспектив человека обеспечиваются, с одной стороны, анализом собственных проявлений вектора личностной активности в прошлом и настоящем, с другой – психологическими особенностями, прежде всего ценностно-смысловыми, с третьей – социокультурными условиями [1]. Согласно нашим представлениям, становление и развитие жизненных перспектив осуществляются человеком в режиме самоорганизации, а определяющими психологическими основаниями самоорганизующейся системы являются свойства личности как субъекта (субъектность) и ее способность к рефлексии (рефлексивность).

Основной целью данной статьи являются обоснование технологии проектирования самоорганизации становления и преобразования личностью жизненных перспектив и разработка теоретико-методологических и технологических оснований в контексте исследуемой проблемы. В качестве такой технологии может выступать рефлексивное автопроектирование. Термин «проектирование» в переводе с латинского языка трактуется как «брошенный вперед», обозначая один из способов создания образа, замысла будущего продукта деятельности. При этом полагается, что его объектом может стать любая психологическая или социальная система, явление, процесс.

Анализ специальных публикаций позволил выделить тенденцию в развитии технологии проектирования, которая состоит в том, что для процесса ее развития характерен длительный и противоречивый путь. При этом динамика процесса развития проявилась в последовательно выраженных разработках, от технократических моделей и методологии взаимодействия человека и машины до социокультурных и социорефлексивных [2, 4]. В настоящее время установлено, что именно социорефлексивные системы способны к самоорганизации [2, 6–8].

Нами установлено, что самоорганизация личности опосредуется психологическими характеристиками личности как субъекта (включая субъектность) и ее способностью к рефлексированию (рефлексия, рефлексивность), являющейся свойством человеческой психики. Вместе с тем также показано, что становление, развитие и реализация жизненных перспектив постоянно со-

провожаются различными уровнями развития субъектности и рефлексии, которые формируют психологические основания для технологии рефлексивного автопроектирования. Это позволяет предложить авторское понимание рефлексивного автопроектирования самоорганизующейся индивидуальной системы становления и преобразования жизненных перспектив на различных этапах жизненного пути как способа создания прообраза собственного будущего в пределах поставленных целей, задач, доминирующих ценностно-смысловых ориентаций, адекватных собственным возможностям и специфике социокультурных условий их самореализации. Тогда целью рефлексивного автопроектирования становятся инициирование различного рода изменений, предвидение возможных преобразований, выявление связей и сущности картин мира, образа мира, образа жизни и др. Технология рефлексивного автопроектирования является инновационной, допускает довольно широкий диапазон личностной активности, различных способов варьирования.

К способам рефлексивного автопроектирования жизненных перспектив была отнесена совокупность его стратегий и тактик в плане самоорганизации личности на различных этапах жизненного пути. При таком подходе к пониманию рефлексивного автопроектирования возможно полное использование его преимуществ, которые не связаны с жесткой системой и наличием поливариабельных техник и технологий, направленных на достижение цели (в отличие от прогнозирования, планирования, конструирования и др.).

Кроме того, выбор рефлексивного автопроектирования как технологии становления целостного образа жизненных перспектив основан на единодушном мнении ряда авторов, общее содержание которого составляет признание ее непосредственной связи с построением образа создаваемых объектов на основе переосмысления стереотипов личного и общественного опыта, активизации механизмов самоорганизации рефлексивных процессов самосознания, приводящих к порождению инноваций в индивидуальной и общественной жизни, новых возможностей системного видения проблемы [5, 10, 11]. Мы также полагаем, что личностная рефлексия имеющихся у человека знаний и жизненного опыта (прошлого и настоящего) способствует выходу его самосознания за существую-

щие пределы. Это открывает дополнительные возможности выдвижения нового знания, направленного на решение проблем, что, по мнению С.Л. Рубинштейна, является основной целью человека [9].

Таким образом, содержанием нашей концепции рефлексивного автопроектирования жизненных перспектив личности являются: самоорганизация становления жизненных перспектив, времени, способов, возможностей и условий для самореализации их в будущем. В этой связи человек продумывает конкретные события и их последовательность (ближняя, средняя, дальняя перспективы), временные интервалы, способы самореализации представлений о будущем. Проектируются также результаты, получаемые на каждом из этапов жизненного пути, которые соотносятся с образцом. При необходимости производится коррекция проектирования в плане приближения его результата к искомому образцу. Это указывает на возможности личности в процессе проектирования постоянно уточнять, изменять и сам образец жизненных перспектив на основе появления новых смыслов, ценностей.

Как уже было отмечено, важнейшей особенностью самоорганизующихся систем (в том числе и рефлексивного автопроектирования жизненных перспектив), работающих в режиме самоорганизации, является их способность управлять собственной активностью, развивать новые механизмы управления в изменяющихся условиях в согласовании с новыми целями и задачами личности, ее смыслами и ценностями. На основе выше сказанного, можно рассмотреть технологию рефлексивного автопроектирования жизненных перспектив человеком с точки зрения направлений, этапов, уровней ее осуществления.

Направления рефлексивного автопроектирования предполагают учет особенностей восприятия и порождения психической реальности человеком, базирующейся на индивидуальном образе Я, образе мира, образе жизни и предполагаемой специфике окружающей социокультурной среды в будущем, которые являются гранями целостного представления о жизненных перспективах.

1. Субъектно-концептуальное направление – связано с самоосознанием результатов критической рефлексивной оценки целей, задач, форм и методов становления адекватных жизненных перспектив, «запускающих» активность системы самоорганизации, технологий их реализации и «обратной связи»; рефлексии «желаемого» и «достигнутого». Все вместе опосредует создание целостного образа жизненных перспектив на основе многомерного образа мира, будущей жизни, себя в ней и др.

2. Интеллектуальное направление – содержит результаты рефлексивного анализа, позволяющего оценить проделанную работу и сформулировать новые, отвечающие времени задачи, зафиксировать их в прообразе будущего. Такие представления о рефлексии создают возможность субъекту «занять» надситуативную рефлексивную позицию и «вывести» самосознание за «преде-

лы проблемы» на новый, более высокий уровень, что позволит «увидеть» проблемную ситуацию с разных сторон, позиций, оценить ее с различных точек зрения, выбрать наиболее адекватные из них для преодоления существующих трудностей. Именно в этом направлении происходит становление «нужного» уровня мышления, необходимого для достижения поставленных целей, решения жизненных задач, сфокусированных в жизненных перспективах.

3. Экзистенциальное направление – предполагает рефлексию процесса жизнеосуществления субъектов проектирования, возможностей удовлетворения ведущих потребностей, уровня развития психологической культуры, сохранения и развития физического, психического и психологического здоровья, наличия условий и возможностей создания доступности к материальному благополучию, духовному развитию, пользованию различного рода психологическими, социальными и другими услугами, обеспечения карьерного роста, удовлетворенности жизнью и др.

4. Личностное направление – делает возможным проектирование самопознания, самоорганизации, саморазвития, самореализации на разных этапах жизненного пути. Особое место в этом направлении занимает проектирование «самого себя» (развитие субъектно-личностных характеристик, профессионально важных качеств, способностей). При этом рефлексивное автопроектирование жизненных перспектив строится на результатах постоянного рефлексивного «отслеживания» образов «Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем» и, при необходимости, их корректировании.

5. Коммуникативное направление – обеспечивает достаточность условий самоорганизации и самореализации жизненных перспектив человеком в будущем, программ различного уровня, форм и технологий взаимодействия с социальным окружением.

6. Социокультурное направление – позволяет подвергнуть анализу особенности влияния жизненной среды, специфики социальных процессов, деятельности социальных институтов, своеобразия культурной среды, уровень социальной и психологической компетентности субъекта проектирования. Это дает возможность личности спроектировать свое будущее, исходя из соотношения собственных потребностей и специфики социальных ситуаций, в которых находится (и желает находиться в будущем) субъект.

В обсуждаемом контексте речь идет об актуализации различных рефлексивных функций самосознания. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что наиболее «задействованными» функциями рефлексии (в плане рефлексивного автопроектирования) оказались: критически-оценивающая, перспективно-созидающая и аналитико-синтезирующая. На основании критерия доминирования каждой рефлексивной функции были выявлены этапы рефлексивного автопроекти-

рования жизненных перспектив: критический, созидательный, аналитический.

1. Критический этап базируется на результатах критически-оценочной рефлексивной функции, что обеспечивается анализом, осмыслением (переосмыслением) прошлого и настоящего опыта, его соответствия / несоответствия целям, ценностям, смыслом будущей жизни, с одной стороны, своим индивидуальным, личностным особенностям – с другой, социальным возможностям и условиям их самореализации – с третьей. В этой связи, критически-оценивающая рефлексия позволяет личности «формировать» мнение об удовлетворительном или неудовлетворительном функционировании процессов самоорганизации жизненных перспектив, их текущем состоянии, характеристиках, элементах, способах взаимодействия и др. При рассогласовании данных в структуре жизненных перспектив выявляются, переосмысливаются их различные аспекты, компоненты (вплоть до коррекции цели), осознается степень возможностей самоорганизации, ее «ремонт» и др. На представляемом этапе проектирования жизненных перспектив личности необходимо понимать и познавать свои когнитивные, оценочно-притязательные, ценностно-смысловые, интеллектуально-аффективные, коммуникативные и другие особенности, адекватно оценивать свои поведенческие реакции, поведение других людей и т.д. С учетом полученных данных в процессе критически-оценивающей рефлексии совершенствуются, модернизируются «старые» и проектируются новые представления о жизненных перспективах, как правило, в виде определенных образов и образцов.

2. Созидательный этап характеризуется доминированием перспективно-созидательной функции рефлексии, опирающейся на результаты анализа, полученные на первом этапе, и условия, необходимые для самореализации жизненных перспектив в будущем, в соответствии с целью дальнейшей жизни. Рефлексия здесь опосредуется особенностями ценностных ориентаций, личностных смыслов, направленных на создание нового (более высокого уровня) прообраза своей жизни в будущем, отвечающего ведущим потребностям, ожиданиям, мотивации, изменяющимся условиям жизнеосуществления и др. На этом этапе проектирования конструируется измененный, модифицированный, новый многомерный образ будущего, который, закрепляясь в жизненных перспективах, «запускает» процесс самоорганизации. Особо важное значение приобретают умения личности «предвидеть» свое будущее в стратегическом ракурсе (средняя и дальняя перспектива), в котором отражаются временная ориентация самореализации, необходимые требования к будущему результату, объем проделанной работы на различных временных отрезках, оценка себя как непосредственного исполнителя и др., и тактическом направлении (ближняя перспектива), включающем способы, методы, приемы, с помощью которых человек может достичь проектируемого

ближайшего будущего. Так, на данном этапе либо создаются новые жизненные перспективы, либо осуществляется модернизация, уточнение существующих представлений, либо, если они не вызывают сомнений у личности, «получают свое подкрепление».

3. Аналитический этап представлен ведущей аналитико-синтезирующей рефлексивной функцией. После проектно-созидательного этапа автопроектирования жизненных перспектив активизируется аналитико-синтезирующая функция рефлексии. На этом этапе происходит сопоставление цели и задач будущей жизни, проектируемого образа представлений о жизненных перспективах и реальных возможностях их достижения, условий, форм, методов самоорганизации, возможностей осуществления активности в направлении самореализации. Здесь же анализируются и синтезируются все основные особенности созданных жизненных перспектив и их соответствие желаемому образу. При рассогласованности спроектированного варианта жизненных перспектив с ведущими целями снова «запускается» критически-оценочная рефлексивная функция, «замыкая очередной круг», «выходя» на новый (порой более высокий) уровень самоорганизации. На основе предложенных размышлений рефлексивное автопроектирование жизненных перспектив можно рассматривать как динамический процесс, в котором, «замыкая» один рефлексивный круг, одновременно «начинается» новый. Именно рефлексивное автопроектирование жизненных перспектив, опирающееся на рефлексивные возможности субъекта, есть психологический механизм системы самоорганизации человека, так как этот непрерывный процесс константно запускает механизм «рефлексия рефлексии».

В зависимости от цели и задач рефлексивного автопроектирования жизненных перспектив человека нами были выделены его иерархические уровни, взаимосвязанные и взаимодополняющие друг друга.

1. Уровень алгоритмов, который включает умения и навыки, лежащие в основе устойчивых форм поведения (стереотипы, установки и др.). Этот уровень обеспечивает выработку и проявление алгоритмизированных, стандартных форм самоорганизации. Сформированность данного уровня отражает адекватность самоорганизации становления жизненных перспектив личности в постоянных, мало трансформирующихся условиях ее жизнеосуществления. На этом уровне проектирования человеком актуализируется преимущественно актуальная зона (Л.С. Выготский) становления и развития жизненных перспектив на основе имеющегося персонального опыта.

2. Уровень креативных возможностей личности в области применения результатов анализа имеющихся знаний, умений навыков к проектированию новых, пока отсутствующих в прошлом и настоящем опыте ситуаций, что требует, в первую очередь, развития другого уровня самоорганизующейся системы. Прежде всего,

это позволяет личности включаться в нестандартные ситуации, осуществлять поиск иных способов их разрешения, анализировать получаемые результаты и др. Выход личности на этот уровень позволяет не только развивать процессы самоорганизации, но и решать проблемы, возникающие при становлении жизненных перспектив. Учет этого уровня помогает личности осуществлять проектирование в области «ближайшей зоны» развития самоорганизующейся системы, определяя содержательно и технологически.

3. Уровень ценностно-смыслового опосредования. Именно на этом уровне обеспечивается ценностно-смыс-

ловой контекст жизненного планирования, позволяющий развивать новые жизненные перспективы на основе над-ситуативных прогнозов, выявлять новые задачи, целостно «видеть» проектируемые ситуации, развивать свои субъектные характеристики, корректировать управление процессами, т.е. осуществлять самоорганизацию.

Отмеченные уровни являются функциональными характеристиками при рефлексивном автопроектировании жизненных перспектив человеком, при необходимости их иерархия «перестраивается», что может иметь место на этапах жизнеосуществления, требующих активизации процессов самоорганизации.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Личностные особенности и детерминации социальных представлений // Идеи системности в современной психологии / Под ред. В.А. Барабанщикова. М., 2005.
2. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М., 1969.
3. Алексеев Н.Г., Зарецкий В.К., Ладенко И.С., Семенов И.Н. Методология рефлексии концептуальных схем деятельности поиска и принятия решения. Новосибирск, 1991.
4. Гослинг Б. Проектирование системы. М., 1964.
5. Дубровский В.Я., Щедровицкий Л.П. Проблемы модификации в системном проектировании. М., 1975.
6. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Томск, 2005.
7. Ладенко И.С. О роли рефлексии в самоорганизации интеллектуальных систем // Мысли о мыслях. Новосибирск, 1995. Т. 1, ч. 1.
8. Розов М.А. К методологии анализа рефлексивных систем // Мысли о мыслях. Новосибирск, 1995. Т. 1.
9. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
10. Семенов Н.Г. Кооперация деятельности – система с рефлексией // Мысли о мыслях. Новосибирск, 1995. Т. 1.
11. Щедровицкий Г.П. Проблема, объект и система проектирования // Избранные труды. М., 1995.

REFLEXIVE SELF-PROJECTING AS A TECHNOLOGY OF SELF-ORGANIZING IN THE CONTEXT OF FORMING AND REFORMING THE PERSON'S LIFE PROSPECTS
Ralnikova I.A. (Barnaul)

Summary. In the article there are the bases of the author's approach to the technology of reflexive self-projecting of life prospects in the context of the person's self-organizing. The author also brings to light and analyzes its directions, levels and stages of technology.

Key words: reflexive self-projecting; person's life prospects; person's self-organizing.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ПАССИОНАРНЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ У ДЕТЕЙ

И.С. Зимина (Екатеринбург)

Аннотация. Категория пассионарных детей обладает комплексом личностных качеств, которые могут быть как социально значимыми, так и асоциальными. Своевременная диагностика позволит педагогу-психологу формировать у детей социально значимые пассионарные личностные качества. Предлагаются диагностические методики на определение пассионарных качеств личности в период дошкольного и младшего школьного детства.

Ключевые слова: пассионарность; персистентность; субпассионарность; психолого-педагогическая диагностика; технология; социально значимая пассионарность.

В современном обществе появилась категория детей, обладающих повышенным уровнем личностной активности. Исследователи называют их разными терминами: дети индиго, дети-катастрофы, неуязвимые. Но все авторы едины во мнении, что качества личности этих детей базируются не только на личностной активности, но составляют целый комплекс личностных характеристик. Аналогичный комплекс личностных характеристик соответствует пассионарной личности, которой свойственна повышенная тяга к активной деятельности. По мнению Л.Н. Гумилева, «пассионарность имеют почти все люди, но в чрезвычайно разных дозах. Она проявляется в различных качествах: властолюбии, гордости, тщеславии, алчности, зависти и т.п., которые с равной легкостью порождают подвиги и преступления, созидание и разрушение, благо и зло, но не оставляют места равнодушию» [5].

Психолого-педагогическая работа с пассионарными детьми должна быть направлена на развитие их положительных качеств личности и реконструкцию социально-негативных проявлений в деятельности. Весь комплекс этих личностных качеств с целью их диагностики и психолого-педагогической коррекции необходимо выявить уже в период дошкольного детства.

Общим для всех вышеперечисленных категорий детей является *источник* их активности, обусловленный негативными социальными или генетическими условиями, стимулирующими личность к выживанию. Источником активности детей-индиго исследователи называют крайне негативную болезненную наследственность со стороны одного или обоих родителей; неуязвимых детей – негативные социальные условия окружающей среды, в которой ребенок живет с рождения [18]; пассионарных детей – негативные социальные и климатические условия жизни [19], условия экологического кризиса [3], мутацию генов в процессе естественного предела воспроизводства [2]. Анализ источников их активности позволяет объединить эти категории детей в категорию пассионарных. Их активность становится свидетельством стремления индивида к выживанию в сложных условиях существования и как вида, и как отдельной личности.

Еще одним объединяющим признаком для всех этих детей стала высокая *потребность в поиске*, которая по-

зволяет им быть активными, творческими личностями с широким спектром психологических защит, помогающим им выживать в крайне негативных социальных ситуациях. Противоположная категория детей с пониженной активностью в деятельности обладает «выученной беспомощностью». Данное явление было зафиксировано В.С. Ротенбергом и В.В. Аршавским [16] в 1984 г.

Понятия пассионарности и субпассионарности в теории Л.Н. Гумилева [4] практически отражают сущность таких понятий, как поисковая активность и выученная беспомощность, но при этом автор теории этнографии использует понятие пассионарности и субпассионарности только с биологической точки зрения. По его мнению, пассионарии – особи энергоизбыточного типа, имеющие необоримое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели; субпассионарии – особи энергодефицитного типа, которые в силу неспособности абсорбировать из окружающей среды достаточное количество энергии не могут полноценно адаптироваться к среде.

Определение с термином «особь» больше характеризуют биологические, а не социальные признаки человека. По-видимому, энергетические процессы, воздействующие на проявление пассионарности, могут быть свойственны как животному, так и человеку. Мы будем рассматривать пассионарного человека, у которого ярко проявляется повышенная тяга к деятельности, в отличие от животных, которые способны только к проявлению активности. Дополнительно нами выделена категория *персистентные дети*, которая характеризуется умеренным проявлением активности, малоизменяемостью и устойчивостью личностных характеристик.

Нами выделены признаки, показатели и критерии пассионарности как социально-биологического феномена (табл. 1). *Биологическими показателями* определены уровень здоровья, тип темперамента, склонность к риску как проявление нервной возбудимости человека; *социальными* – способность к адаптации, склонность к лидерству и доминанты в проявлении социальной роли (гендерные проявления).

Для более точного определения характеристик пассионарных, персистентных и субпассионарных детей

Диагностика пассионарности как социально-биологического феномена

Признаки пассионарности	Показатели пассионарности	Критерии пассионарности		
Биологические	Уровень здоровья	I или II группа здоровья. IV или V группа здоровья для компенсаторного типа	I или II группа здоровья	III–V группы здоровья. Категории часто болеющих детей
	Тип темперамента	Холерик и сангвиник	Сангвиник и флегматик	Флегматик и меланхолик
	Склонность к риску	Повышенная	Пониженная или среднего уровня	Пониженная
Социальные	Способность к адаптации	Сверхадаптация	Адаптация различных уровней	Дезадаптация
	Склонность к лидерству	Лидер	Лидер в малой группе, или «принятый»	Пренебрегаемые, или изолированные
	Гендерные проявления (социальная половая роль)	Маскулинные качества доминируют	Адекватная социальная роль в соответствии с физиологическим полом	Феминные качества доминируют
Категории детей		Пассионарии	Персистенты	Субпассионарии

необходимо уточнить особенности их личностных характеристик. На основе анализа литературных и научных источников по теории пассионарности определены ведущие личностные характеристики пассионарной, персистентной и субпассионарной личности.

Пассионарии обладают следующими личностными характеристиками: высокой степенью целеустремленности в любой деятельности; развитой волей в достижении цели, способностью к сверхнапряжениям; сверхадаптивностью (умением приспосабливать условия среды под себя); эмоциональной заразительностью (убедительностью); высоким уровнем поисковой активности; высокой агрессивностью (не всегда конструктивной); повышенной склонностью к риску; развитыми творческими способностями; стремлением к лидерству; оптимизмом.

Персистенты обладают следующими личностными характеристиками: устойчивостью взглядов, консерватизмом; повышенной привязанностью к ближайшему окружению, семье; коммуникативностью, неконфликтностью; повышенной работоспособностью; жизнелюбием, детолюбием; стремлением к достижению успеха без склонности к риску.

Субпассионарии обладают следующими личностными характеристиками: сниженной поисковой активностью до уровня «выученной беспомощности»; повышенной тревожностью; практичностью в деятельности (более с опорой на «выгоду» от деятельности); сниженным жизненным тонусом (лень, апатия, депрессия); болезненностью; неспособностью управлять своими влечениями; пессимизмом.

По мнению В.И. Андреева [1], связь пассионарности с какими-либо психологическими особенностями можно установить на основе модели «The Big Five» – «Большой пятерки» личностных черт [10], более известной в разработке американских психологов Р. МакКрэе и П. Коста в 1983–1985 гг. В настоящее время тест-опросник «Большая пятерка» в русском переводе адаптирован В.Е. Орлом в соавт. с А.А. Рукавишниковым и

И.Г. Сениным [12]. Пятифакторный тест-опросник представляет собой набор из 75 парных, противоположных по своему значению стимульных высказываний, характеризующих поведение человека. Это: экстраверсия – интроверсия; привязанность – обособленность; самоконтроль – импульсивность; эмоциональная неустойчивость – эмоциональная устойчивость; экспрессивность – практичность.

Сочетание, свойственное *пассионарной личности*: экстраверсия, обособленность, импульсивность, эмоциональная неустойчивость и экспрессивность. Сочетание, свойственное *персистентной личности*: интроверсия, привязанность, самоконтроль, эмоциональная устойчивость и практичность. Сочетание, свойственное *субпассионарной личности*: интроверсия, обособленность, импульсивность, эмоциональная неустойчивость и практичность.

С.П. Диков [7] предлагает измерять пассионарность как проявление стремления человека к риску. Автором предпринята попытка выявить количественные характеристики такого вида движения пассионарности в связи с оценкой склонности испытуемых к «бескорыстному риску» [15]. Это – готовность человека добровольно ставить себя в ситуацию потенциальной угрозы любого характера (в том числе связанную с возможностью причинения себе физического ущерба вплоть до угрозы жизни), при отсутствии какой-либо видимой перспективы получить за это материальное или социальное вознаграждение. Численно этот признак рассматривается как мера энергии (пассионарный заряд). Исследование может быть проведено с помощью Теста на склонность к риску, предложенного В.А. Петровским.

Д.Г. Давыдов [6] предлагает внести новую терминологию: понятие пассионарности рассматривать как социально-историческое, а *вигоросность* – как характеристику активности человека, реализующуюся в конкретных поведенческих установках. В соответствии с концепцией В.А. Петровского [15] вигоросность можно рассматривать

как надситуативную активность, не вытекающую непосредственно из требований ситуации. Вигорос действует во имя определенной цели, однако не эта ситуативная цель направляет его, а скорее повышенные требования к себе, требования достижения, избыточные для данной ситуации. У вигоросов менее выражена ценность собственной жизни, комфорта, продолжения рода и более – ценность достижения цели, приобретения (денег или знаний), тщеславия и т.д. Высокая значимость достижения такой цели явно перевешивает другие, более «близкие» потребности пассионарного субъекта. У субпассионариев, напротив, ведущее место в ценностной иерархии будут занимать «гомеостатические» ценности, связанные с непосредственным удовлетворением возникающих жизненных потребностей.

Автором была разработана анкета «Внешний критерий пассионарности», состоящая из 59 вопросов-утверждений, которая фиксирует объективно происходящие события в жизни человека, выступающие в качестве внешних индикаторов вигоросности. Для диагностики ценностно-мотивационной составляющей вигоросности создана психолингвистическая методика «Техника выбора пассионарных слов», которая основана на предположении о различной значимости отдельных слов русского языка для лиц с высокой и низкой вигоросностью. Стимульный материал представляет собой набор из 50 слов-карточек. Испытуемый получает задание просмотреть карточки и, используя несколько наиболее подходящих, по его мнению, написать небольшой рассказ. Сопоставление частоты выбора определенного слова и уровня вигоросности выявило ряд наиболее подходящих слов-стимулов для определения уровня вигоросности: «дело», «удар», «слово», «боевой» и др. Проведенный анализ подтвердил, что вигоросность включает поисковую активность, установку на игнорирование других, своеобразное умение не принимать их в расчет при организации своей деятельности. С такой позицией сочетается возвышенность, романтизм цели, присущий вигоросам. Важной составляющей является установка на энергичность, напористость поведения, готовность к риску и противодействию.

По мнению М.М. Зильберга [8], в качестве ведущего понятия пассионарности должно быть самоутверждение, т.е. ощущение своей значимости.

Е.И. Кузьмина [9] для диагностики пассионарности предлагает использовать классификацию личностей А.Ф. Лазурского. Типы личности А.Ф. Лазурский [11] дифференцирует по типу активности (отношения) к среде: 1) недостаточно приспособленные («среда накладывает на личность свой отпечаток, насильственно приспособляя ее к своим запросам и требованиям и очень мало считаясь с эндоособенностями каждого отдельного индивидуума»); 2) приспособившиеся («обладают гораздо большей способностью приноровиться к окружающей среде, найти в ней свое место и использовать ее для своих це-

лей»); 3) приспособляющиеся («... значительная напряженность, интенсивность душевной жизни заставляет человека не ограничиваться одним только приспособлением к среде, но стремиться и саму эту среду переделать, видоизменить сообразно своим собственным влечениям и потребностям... здесь мы встречаемся с процессом творчества»). По мнению Е.И. Кузьминой, пассионарии – личности третьего типа: они видоизменяют среду, подстраивают ее к своим целям – это одаренные, самостоятельно и неординарно мыслящие люди.

Л.П. Павлова [13] отмечает, что исследование пассионарности должно быть направлено на определение доминанты мозга. «Доминанты мозга всегда стоят между человеком и средой. Какие доминанты, такие и мы сами, так реагируем на события и на других людей» [17]. Л.П. Павловой и А.Д. Ноздрачевым [14] создан комплекс методик определения силы и устойчивости доминант мозга у людей разного типа поведения, которые могут быть измерены с помощью специальной аппаратуры.

Ценным, на наш взгляд, является вывод Л.П. Павловой о необходимости «избыточную энергию «мотора», по Л.Н. Гумилеву, своевременно выявлять прежде всего у подрастающих поколений с целью направленного воспитания аттрактивного «руля», до того как общество столкнется с неожиданными результатами действия – поведенческим экстремизмом» [16].

Каждый автор ищет свой подход к диагностике пассионарности. Не все предложенные методики могут быть использованы педагогом в процессе диагностики детей, т.е. должны быть адаптированы к детскому возрасту.

С опорой на основные личностные характеристики пассионарной, персистентной и субпассионарной личности нами были разработаны методики диагностики пассионарности у детей в условиях образовательного учреждения (табл. 2, 3).

Наблюдение за деятельностью дошкольников в процессе игры: инициатор игры, игровые навыки развиты, проявляются творческие способности в игре, высокий уровень коммуникативности с детьми и взрослыми, отмечаются организаторские способности.

Контент-анализ речи детей в процессе игровой деятельности и общения. Контент-анализ – это способ перевода в количественные показатели текстовой информации с последующей статистической её обработкой. Полученные количественные характеристики текста дают возможность сделать выводы о качественном, в том числе латентном, содержании текста. У дошкольников контент-анализ применяется для анализа их устных высказываний в процессе деятельности. Нами выделены особенности речи детей пассионарной, персистентной и субпассионарной категории. Содержательный анализ речи более точно помогает определить направление пассионарности у детей.

Контент-анализ может быть самостоятельным методом диагностики, но чаще всего применяется в качестве

Внешние признаки проявления пассионарности у детей в процессе игровой деятельности и рассказывания

Категории пассионарности	Внешние признаки		
	Речь	Эмоции	Деятельность
Пассионарность	Преобладание пассионарных слов (в основном глаголов и местоимения «я»)	Яркие эмоции, обладающие заразительностью, страстность, аффективность, оптимизм	Активная деятельность, частая смена позы, жестикуляция, высокая сила голоса, использование мимики
Персистентность	Преобладание персистентных слов (в основном существительные и глаголы умеренной активности, использование местоимения «мы»)	Умеренное проявление эмоций, сдержанность, повышение эмоционального фона в личносно значимых ситуациях, застенчивость	Умеренная активность, может длительно находиться в одном положении, не менять позы. Игра однообразна. Может играть один. Рассказ сопровождается мимикой, жестикуляция ограничена. Интонации уравнивающие
Субпассионарность	Преобладание субпассионарных слов (в основном существительных с прилагательными или производными от прилагательных в виде наречий «скучно», «неинтересно» и др., использование местоимения «они»)	Низкий уровень проявления эмоций, равнодушие, апатия, проявление тревожности, пессимизма	Суетливость, малоподвижность, бездеятельность. Игры только в группе по инициативе других детей. Жестикуляция и мимика очень бедные. Сила голоса низкая, еле слышная

Проявление пассионарности в речи детей

Категории детей	Части речи			
	Глаголы	Существительные	Прилагательные	Местоимения
Пассионарные	Победить Придумать Собрать Позвать Призвать Убедить Найти Страдать	Герой Победа Дело Удар Удача Любовь Слово Битва	Красный Боевой Деловой Волевой Активный Интересный Увлекательный Страстный	Я
Персистентные	Попросить Стараться Защитить Объединить Помирить Учить Играть Гулять	Помощь Труд Семья Здоровье Терпение Дом Дети Родители	Зеленый Синий Коричневый Заботливый Трудолюбивый Спокойный Надежный	Мы
Субпассионарные	Отдохнуть Подождать Полежать Спать Бояться Прятаться Уйти Отвернуться	Лень Еда Отдых Перерыв Сон Отпуск Усталость Страх	Скучный Неинтересный Черный Серый Хмурый Больной Грязный Тревожный	Они

вспомогательного метода или процедуры обработки данных, полученных при других исследованиях.

Проективный анализ рисунков. Анализ проводится по результатам тематического рисования: «Детский сад», «Семья», «Школа» или в процессе свободного рисования по мотивам сказок.

Анализ проводится на определение признаков пассионарности в рисунке: наличие людей в рисунке; люди заняты активной деятельностью; пассионарный лидер изображается более крупно, в центре листа, в яркой цве-

товой гамме; идентификация себя с лидером (употребление местоимения Я); присутствие в рисунке агрессивной символики (оружие, военные действия), преобладание мужской символики во внешнем виде и в деятельности персонажей; много рисунков.

Рисование сопровождается речью ребенка: составляется оптимистичный рассказ о деятельности, игре, событии. Направленность пассионарности (конструктивная или деструктивная) определяется с помощью анализа сюжета рисунка и составленного рассказа по нему.

Если рисование проведено по *мотивам сказки*, исследователем оценивается дополнительно социальная направленность пассионарности: предпочтение в изображении отрицательных или положительных персонажей, идентификация себя с типом персонажа.

Биографический метод – представляет собой описание человека как личности и субъекта деятельности. Этот метод является историческим и одновременно генетическим, так как позволяет проследить динамику жизненного пути человека, учитывая экономические, социальные, моральные, этнопсихологические и психофизиологические аспекты. Исследование личности с помощью биографического метода может осуществляться с помощью **анкеты** или диагностической беседы. С родителями дошкольников для выявления условий формирования сохранения социально-ценностной пассионарности в семье может быть предложена анкета, содержащая следующие вопросы: о количестве членов семьи, лидирующей роли в семье взрослых, доминирующих методах стимулирования деятельности (поощрениях и наказаниях); наличии пространства для физического развития ребенка, степени занятости ребенка, его игровых предпочтениях, степени активности ребенка с рождения и по сей день, степени утомляемости ребенка в течение дня, наличии или отсутствии возможностей для посещения ребенком развивающих занятий, проведении досуга.

Немаловажное значение имеет и **диагностическая беседа** с пассионарным ребенком: о его увлечениях и интересах, удовлетворенности в реализации своих интересов в семье и в детском саду; отношениях со сверстниками и взрослыми; наличии режима дня (сон, питание, периоды бодрствования и отдыха); эмоциональных переживаниях по поводу успехов и неудач в деятельности; своих достижениях (что умеет делать, какие достижения имеет в спорте или художественной деятельности, успехи обучения).

Обработка результатов исследования предусматривает анализ содержания таблицы, куда в хронологическом порядке записываются даты, события, относящиеся к теме исследования. Далее ответы обрабатываются методом контент-анализа. Интерпретация результатов предусматривает анализ наличия пассионарного лидера в семье; создания условий и применения методов воспитания для сохранения природной пассионарности ребенка; наличия у ребенка пассионарных качеств личности; необходимости социализации пассионарных качеств, направления их в социально значимую деятельность.

Игра в сказку как инструмент диагностики используется в процессе проведения развивающих занятий. Педагог при этом может собирать «диагностический материал»: к чему стремится ребенок; какие цели ставит; какими средствами и способами их достигает; как относится к опасностям и трудностям; какими способами их преодолевает; что ему мешает в его продвижении по выбранному маршруту; есть ли у него возможность выбрать собственный маршрут. Цель сказочной диагностики – исследование особенностей мировосприятия и миропонимания ребенка, его ценностных ориентиров, направленности его личности, уровня её активности, отношения ребенка к себе и к миру, способов взаимодействия с миром.

Опросники и тесты, адаптированные к дошкольному возрасту. Подбирается комплекс диагностик на определение склонности к риску, адаптивности, инициативности, положения в коллективе, эмоционального состояния, развития воли, направленности личности, ценностных ориентаций.

При определении категорий детей в классе, группе становится возможной разработка психолого-педагогической технологии по формированию социально-ценностной пассионарности у детей уже в период дошкольного и младшего школьного детства.

Литература

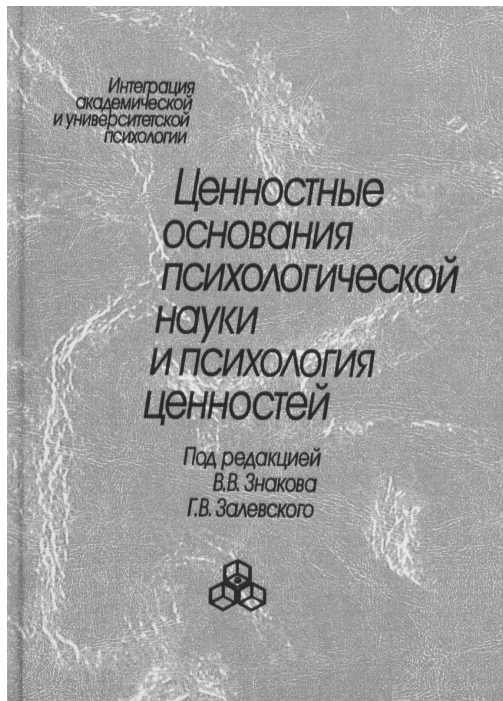
1. Андреев В.И. Поисковая активность как возможное проявление пассионарности субъектов и ее личностные корреляты с «Big Five» // Междисциплинарная научно-практическая конференция «Пассионарная энергия и этнос в развитой цивилизации». М.: Современная гуманитарная академия, 2007. Режим доступа: <http://www.conf.muh.ru>
2. Букалов А.В. Возникновение и исчезновение пассионарности этносов как следствие нового биологического эффекта // Соционика, ментология и психология личности. 2000. № 6.
3. Ганжа А.Г. Этногенез и окружающая среда // Учение Л.Н. Гумилева: опыт осмысления. М., 2007. С. 37.
4. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994.
5. Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1–2. С. 46–55.
6. Давыдов Д.Г. Пассионарность – от идеи к эмпирическим исследованиям // Междисциплинарная научно-практическая конференция «Пассионарная энергия и этнос в развитой цивилизации». М.: Современная гуманитарная академия, 2007. Режим доступа: <http://www.conf.muh.ru>
7. Диков С.П. «Ток пассионарности» и бескорыстный риск // Междисциплинарная научно-практическая конференция «Пассионарная энергия и этнос в развитой цивилизации». М.: Современная гуманитарная академия, 2007. Режим доступа: <http://www.conf.muh.ru>
8. Зильберт М.М. К вопросу о сущности пассионарности // Междисциплинарная научно-практическая конференция «Пассионарная энергия и этнос в развитой цивилизации». М.: Современная гуманитарная академия, 2007. Режим доступа: <http://www.conf.muh.ru>
9. Кузьмина Е.И. Феномен пассионарности – миф или реальность? // Междисциплинарная научно-практическая конференция «Пассионарная энергия и этнос в развитой цивилизации». М.: Современная гуманитарная академия, 2007. Режим доступа: <http://www.conf.muh.ru>
10. Лаак Я., Бругман Г. Big 5: как измерить человеческую индивидуальность: Оценки и описания. М., 2003. 112 с.
11. Лазурский А.Ф. Классификация личностей // Психология индивидуальных различий / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. 2-е изд. М., 2002. С. 480.

12. Орел В.Е., Рукавишников А.А., Сенин И.Г. Методика NEOPI-R. Ярославль, 2004. 39 с.
13. Павлова Л.П. Пассионарность: принцип доминанты и поведение // Междисциплинарная научно-практическая конференция «Пассионарная энергия и этнос в развитой цивилизации». М.: Современная гуманитарная академия, 2007. Режим доступа: <http://www.conf.muh.ru>
14. Павлова Л.П., Ноздрачев А.Д. Доминанта и физиологическая лабильность // Вестник СПбГУ. 2005. Вып. 1, № 3.
15. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М., 1992.
16. Ротенберг В.С., Ариавский В.В. Поисковая активность и адаптация. М., 1984. 192 с.
17. Ухтомский А.А. Доминанта как фактор поведения. Л., 1966.
18. Флейк-Хобсон К., Робинсон Б.Е., Скин П. Мир входящему: Развитие ребенка и его отношения с окружающим. М., 1992.
19. Фрумкин К.Г. Пассионарность: Приключения одной идеи. М.: ЛКИ, 2008. 224.

PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL DIAGNOSTICS PASSIONARNESS QUALITIES OF THE PERSON AT CHILDREN
Zimina I.S. (Ekaterinburg)

Summary. The category intent children possesses a complex of personal qualities which can be both positive, and negative. Duly diagnostics will allow the teacher-psychologist to form socially-significant personal qualities at children. Diagnostic techniques on definition intent qualities of the person during the preschool and younger school childhood are offered.

Key words: intentness; persistence; subpassionariness; psychological-pedagogical diagnostics; technology; socially-significant intentness.

Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 344 с. (Интеграция академической и университетской психологии)

Коллективный труд посвящен методологическому, теоретическому и эмпирическому анализу ценностей, ценностных ориентаций личности, а также ценностных оснований психологической науки.

В работе осуществлен методологический анализ тенденций развития социогуманитарного познания, отчетливо проявляющихся в психологии. Развито положение о неизбежности включения внеакадемических и общечеловеческих ценностей в основания психологической науки. Выявлены шесть уровней ценностных оснований психологии, играющих существенную роль в построении системы психологического знания. Обсуждены концептуальные вопросы формирования и развития психологического познания, ценностно-смысловых оснований творческого способа существования человека в профессии, сущности и механизмов ценности человеческого Я, ценностно-смысловых контекстов самореализации человека, роли ценностей и ценностных ориентаций в субъектно-деятельностном подходе. Авторы на теоретическом и эмпирическом уровне исследуют ценностную обусловленность типологических особенностей профессионального мышления психологов, ценностные ориентации руководителей с разными личностными характеристиками, различия в структуре ценностей, смыслов и личных особенностей жителей Сибири, взаимосвязи ценностей как составляющих ментальности россиян с установками на патернализм по отношению к политической власти.

Книга адресована психологам, социологам, философам, культурологам и ученым других специальностей.

ИНФОРМАЦИЯ

ИЗ ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ

В Томском государственном университете решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрразования России от 30 мая 2008 г. № 937-801 открыт диссертационный совет Д 212.267.16 по защите диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии», 19.00.04 – «медицинская психология».

Председатель диссертационного совета – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии ТГУ Г.В. Залевский; заместитель председателя – доктор психологических наук, профессор В.Е. Клочко; ученый секретарь – кандидат психологических наук Т.Г. Бохан.

22 июня 2009 г. состоялись заседания диссертационного совета по защите диссертаций:

– Дусказиевой Ж.Г. «Гендерные особенности тревожности часто болеющих детей старшего дошкольного возраста» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология»;

– Катасоновой А.В. «Особенности развития высших психических функций у часто болеющих детей школьного возраста» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология».

27 ноября 2009 г. состоится заседание диссертационного совета по защите диссертации Кравцовой Натальи Александровны «Психологическое содержание организационных форм и методов оказания помощи детям и подросткам с психосоматическими расстройствами» на соискание ученой степени доктора психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология».

*Ученый секретарь совета
кандидат психологических наук, доцент
Т.Г. Бохан*

В Томском государственном университете решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 30 мая 2000 г. открыт диссертационный совет Д 212.267.20 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по специальностям 19.0013 – «психология развития, акмеология (психологические науки)»; 13.00.01 – «общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)».

Председатель диссертационного совета – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой управления образованием ФП ТГУ Г.Н. Прокументова; заместитель председателя – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой психологии личности, декан факультета психологии ТГУ Э.В. Галажинский; ученый секретарь – доктор педагогических наук, доцент И.Ю. Малкова.

26 июня 2009 г. состоялось заседание диссертационного совета по защите диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук О.Н. Калачиковой «Управленческая поддержка образовательных инноваций в деятельности педагогов общеобразовательной школы» (научный руководитель – профессор Г.Н. Прокументова) по специальности 13.00.01 – «общая педагогика, история педагогики и образования».

*Ученый секретарь совета
доктор педагогических наук, доцент
И.Ю. Малкова*

НАШИ АВТОРЫ

Барсукова Светлана Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии Пензенского филиала Московской открытой социальной академии (Пенза). E-mail: sveta_barsykova@inbox.ru

Бондарева Олеся Вячеславовна, преподаватель кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета (Краснодар). E-mail: conseousness@rambler.ru

Бондаренко Ирина Валерьевна, аспирант Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета (Чита). E-mail: irina_v_m_@mail.ru

Воронин Владимир Митрофанович, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и психологии личности Уральского государственного университета (Екатеринбург). E-mail: voronin_v_m@mail.ru

Галажинский Эдуард Владимирович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой психологии личности Томского государственного университета (Томск). E-mail: omega@psy.tsu.ru

Десятых Сергей Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Витебского государственного медицинского университета (Витебск, Беларусь). E-mail: devyatych@mail.ru

Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Пензенской государственной технологической академии (Пенза). E-mail: kukareke@rambler.ru

Екинцев Владислав Иванович, кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии образования Забайкальского гуманитарно-педагогического университета (Чита). E-mail: ekintsev@mail.ru

Залевский Владислав Генрихович, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: usua9@sibmail.com

Залевский Генрих Владиславович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки РФ, член Всемирной федерации психического здоровья, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: usua9@sibmail.com

Зими́на Ирина Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры инновационных образовательных теорий и технологий Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург). E-mail: zimina@uralweb.ru

Клочко Виталий Евгеньевич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: klo@nextmail.ru

Колотильщикова Екатерина Андреевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник отделения неврозов и психотерапии Научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева (Санкт-Петербург). E-mail: Kea63@rambler.ru

Красноярцева Ольга Михайловна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и педагогической психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: krasnoo@mail.ru

Кузьмина Юлия Викторовна, ассистент кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: usua9@sibmail.com

Курицин Сергей Владимирович, аспирант факультета психологии Уральского государственного университета (Екатеринбург). E-mail: kuritsin_s_v@mail.ru

Лапина Светлана Сергеевна, медицинский психолог детской городской больницы № 5 (Барнаул). E-mail: lir310804@mail.ru

Логина Ирина Олеговна, кандидат психологических наук, доцент Красноярского государственного педагогического университета, директор института психологии, педагогики и управления образованием (Красноярск). E-mail: loginova70_70@mail.ru

Меновщиков Виктор Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент Психологического института РАО, докторант (Москва). E-mail: helpletter@mail.ru

Мизинова Елена Борисовна, кандидат психологических наук, научный сотрудник отделения неврозов и психотерапии Научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева (Санкт-Петербург). E-mail: elenamizinova@yandex.ru

Ральникова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: irinaralnikova@yandex.ru

Резникова Татьяна Николаевна, доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник Института мозга человека РАН им. акад. Н.П. Бехтеревой (Санкт-Петербург). E-mail: tnreznikova@rambler.ru

Селиверстова Наталья Алексеевна, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник Института мозга человека РАН им. акад. Н.П. Бехтеревой (Санкт-Петербург). E-mail: seliv_nat@mail.ru

Семиволос Валентина Ивановна, старший преподаватель ГМА им. адм. С.О. Макарова (Санкт-Петербург). E-mail: va1781@mail.ru

Тимофеева Ирина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой физической реабилитации Екатеринбургского филиала Уральского государственного университета физической культуры (Екатеринбург). E-mail: sport-ural@mail.ru

Фотекова Татьяна Анатольевна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и клинической психологии Хакасского государственного университета (Абакан). E-mail: fotekova@yandex.ru

Шестакова Елена Германовна, преподаватель кафедры психологии и педагогики Пермского государственного института искусства и культуры (Пермь). E-mail: shestakoval@perm.ru

Щеглова Элеонора Анатольевна, ассистент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: shcheglova@sibmail.com

Языков Константин Геннадьевич, доктор медицинских наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: den@psy.tsu.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В «СИБИРСКОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и в распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК).

Приводятся (каждый раз с новой строки):

- название статьи (заглавными буквами, по центру);
- инициалы и фамилия автора (по центру), название города (в скобках);
- краткая аннотация (до 50 слов), которая предваряется словом «**Аннотация**», выделенным жирным шрифтом;
- список ключевых слов (5–7), предваряющийся словосочетанием «**Ключевые слова**» (с двоеточием, после которого перечисляются слова через запятую).

Текст набирается шрифтом Times New Roman. Размер шрифта – 12, межстрочный интервал – полуторный, поля: левое – 20 мм, правое – 20 мм, верхнее – 20 мм, нижнее – 25 мм, абзацный отступ – 10 мм.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

При использовании дополнительных шрифтов необходимо представить их в редакцию в авторской электронной папке.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [9. Т. 2. С. 25]. **Список литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Литература», нумеруется (начиная с первого номера) и **оформляется в алфавитном порядке. Его оформление должно соответствовать общепринятым требованиям.** Под одним номером допустимо указывать только один источник. Количество ссылок не должно превышать 20 (за исключением обзорных статей).

Примечания оформляются в виде **концевых** сносок.

После списка литературы приводятся на английском языке (каждый раз с новой строки):

- название статьи (заглавными буквами);
- фамилия автора и инициалы, название города (в круглых скобках);
- аннотация (**Summary**);
- ключевые слова (**Key words**).

Объём статьи, включая аннотацию и список литературы: для авторов, имеющих учёную степень, **не более 12 стр.**, для авторов без учёной степени – **до 5 стр.**

Отдельным файлом (а также в распечатанном виде) обязательно предоставляются сведения об авторе по форме:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- учёная степень, учёное звание;
- должность и место работы / учёбы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например:

Иванов Иван Иванович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Энского государственного университета (Энск). E-mail: ivanov@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

- ФИО, должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);
- специальность (**название** и номер по классификации ВАК);
- почтовый адрес (рабочий, домашний);
- телефоны (служебный, домашний, **сотовый**).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет учёной степени).

Всего автор оформляет и подаёт 2 электронных и бумажных документа:

- 1) текст статьи;
- 2) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например, Иванов1.doc, Иванов2.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Иванов). **При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Иванов.zip или Иванов.rar).**

Авторы должны представить в редакцию письмо, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение её в Интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой он работает или обучается. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Бумажные варианты статей направляются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, факультет психологии, редакция «Сибирского психологического журнала» и **обязательно** дублируются на сайте журнала в разделе «Регистрация»: <http://spj.tsu.ru>

Статьи, присланные по электронной почте, не рассматриваются.

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.) в своем личном профиле.

Не рекомендуется посылать статьи ценным письмом или бандеролью, т.к. это значительно задерживает получение вашего почтового отправления. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Публикации аспирантов осуществляются на некоммерческой основе.

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор Г.В. Залевский

№ 33. 2009 г.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет, факультет психологии,
редакция Сибирского психологического журнала.
Телефон редакции (3822) 52-95-80; факс (3822) 52-97-10
E-mail: den@psy.tsu.ru
Залевский Генрих Владиславович

Редактор К.Г. Шилько
Корректор Ю.П. Готфрид
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки А.В. Бабенко

Подписано к печати 10.09.2009 г.
Формат 60x84/8. Бумага белая офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Ризография. Усл. печ. л. 13,9. Тираж 1000 экз.

Издательство «ТМЛ-Пресс»
634050, г. Томск, ул. Гагарина, 31, оф. 49
Тел. 8-3822-52-66-83